

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

Таскаев Сергей Валерьевич — доктор физико-математических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-6352-2816; Scopus Author ID: 55886287900;
ResearcherID: AAU-9890-2021

Ответственный секретарь

Майоров Андрей Владимирович — доктор юридических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0002-8629-9837; Scopus Author ID: 55629771300;
ResearcherID: AAK-3612-2021

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **Бубнов Юрий Александрович**, доктор филологических наук (Воронежский государственный университет, Россия); **Бузгалин Александр Владимирович**, доктор экономических наук, профессор (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия); **Голованова Елена Исифовна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Желтухина Марина Ростиславовна**, доктор филологических наук, профессор (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия); **Кирабаев Нур Серикович**, доктор философских наук, профессор (Российский университет дружбы народов, Россия); **Качалов Роман Михайлович**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **Невелев Анатолий Борисович**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия); **Нижегородцев Роберт Михайлович**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **Питина Светлана Анатольевна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Попов Евгений Васильевич**, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Россия); **Эндер Демир**, Университет Рейкьявика (Рейкьявик, Исландия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор (Университет Париж-Дофин, Франция).

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Главный редактор

Невелев Анатолий Борисович — доктор философских наук, профессор
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-7037-0574;

Ответственный секретарь

Камалетдинова Альфия Янаховна — кандидат педагогических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-9631-620X.

Редакционная коллегия

П. Е. Бойко (Краснодар, Россия), **Н. В. Брянник** (Екатеринбург, Россия), **Ю. А. Бубнов** (Воронеж, Россия), **В. И. Гладышев** (Челябинск, Россия), **В. А. Жилина** (Магнитогорск, Россия), **В. И. Ионесов** (Самара, Россия), **Н. С. Кирабаев** (Москва, Россия), **В. С. Невелева** (Челябинск, Россия), **Р. Уадлоу** (Женева, Швейцария), **Г. Тромпф** (Сидней, Австралия), **Н. Л. Худякова** (Челябинск, Россия), **М. Н. Щербинин** (Тюмень, Россия).

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции научного
направления «Философские науки»:
Россия, 454014, Челябинск,
ул. Ворошилова, 4а, каб. 102
Тел.: (351) 799-72-75
e-mail: filos@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

Редакция журнала может
не разделять точку зрения авторов
публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода аннотаций
несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312
Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Корректурa *М. В. Трифоновой*
Верстка *М. В. Трифоновой*

Подписано в печать 22.09.23.
Выход в свет 30.09.23.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 10,0.
Уч.-изд. л. 8,5.
Тираж 500 экз. Заказ 449.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576

ISSN 1994-2796 (print)

ISSN 2782-4829 (online)

doi 10.47475/1994-2796

ACADEMIC

PERIODICAL

Founded in 1991

№ 7 (477) 2023

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

S. V. Taskaev, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof. (Assoc.)

Executive secretary

A. V. Mayorov, Dr. Sci. (Law), Prof. (Assoc.), Member of ASEP

EDITORIAL COUNCIL

N. N. Boldyrev, Dr. Sci. (Philology), Prof. (G. R. Derzhavin Tambov State University, Russia); **Yu. A. Bubnov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Voronezh State University, Russia); **A. V. Buzgalin**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Lomonosov Moscow State University, Russia); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **M. R. Zheltukhina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia); **N. R. Kirabaev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Peoples' Friendship University of Russia, Russia); **R. M. Katchalov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A. B. Nevelev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **R. M. Nizhegorodtsev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **E. V. Popov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Corresponding Member of RAS (Ural Institute of Management — branch of RANEP, Russia); **E. Demir**, PhD, University of Reykjavik (Reykjavik, Iceland); **J. Richard**, PhD, Prof. (Paris-Dauphine University, France).

PHILOSOPHY SCIENCES

Editor-in-chief

A. B. Nevelev, Dr. Sci. (Philosophy), Prof.
(Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia)

Executive secretary

A. Ya. Kamaletdinova, Cand. Sci. (Pedagogy), Prof. (Assoc.)
(Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia)

Editorial board

P. E. Boyko (Krasnodar, Russia), **N. V. Bryanik** (Yekaterinburg, Russia), **Yu. A. Bubnov** (Voronezh, Russia), **V. I. Gladyshev** (Chelyabinsk, Russia), **V. A. Zhilina** (Magnitogorsk, Russia), **V. I. Ionesov** (Samara, Russia), **N. S. Kirabaev** (Moscow, Russia), **V. S. Neveleva** (Chelyabinsk, Russia), **R. Wadlow** (Geneva, Switzerland), **G. Trompf** (Sydney, Australia), **N. L. Khudyakova** (Chelyabinsk, Russia), **M. N. Shcherbinin** (Tyumen, Russia).

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: UlrichsWeb Global Serials Directory; EBSCO's research collections.

The journal is published
12 times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office's address:
129, Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

"Philosophy Sciences" editorial
office's address:
of. 102, 4a Voroshilov St.,
Chelyabinsk, 454014, Russia
Telephone: + 7(351) 799-72-75
e-mail: filos@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

The Editorial Board may not share
the views of the authors

Authors are responsible
for the article content and quality
of annotations' translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies and
Communications
Certificate III № ФС77-66312

Index 33077
in the "Press of Russia" catalog

Proofreader *M.V. Trifonova*
Imposition by *M.V. Trifonova*

Approved for printing 22.09.23.
Date of publication 30.09.23.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 10,0.
Ac.-publ. sh. 8,5.
Circulation 500 copies.
Order 449. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

- Невелев А. Б.* Проблема ценностно образующего основания 5
- Жилина В. А.* Онтологические сломы современной философии политики 13

ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА

- Саяпин В. О.* Интеллектуальные нейросети — будущий потенциал цивилизационного развития цифрового мира 21
- Ковалев А. А.* Современные технологии как эффективный способ укрепления национального менталитета в контексте обеспечения национальной безопасности 27
- Креписов К. М.* Процессуальное формирование нормы в системе общественных отношений . . . 36
- Гулеватая А. Н.* Философско-антропологическая архитектоника современного образовательного пространства 42

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

- Корниенко А. Г.* Историзм как общенаучный принцип в современной социологии науки 48
- Пащенко О. В.* Процессы трансформации научного знания в условиях цифровизации 55

МЫСЛИТЕЛИ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

- Овчаров Д. А.* Проблема биологического и социального в отечественной философии второй половины XX — начала XXI века: историко-философский аналитический обзор 61

В ЗАПИСНУЮ КНИЖКУ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

- Камалетдинова А. Я.* Становление стадийного подхода в теории «цивилизации» от Л. Г. Моргана до Ф. Энгельса 68
- Соломко Д. В.* Экология бытия человека: итоги учебного спецкурса 79

CONTENTS

MODERN GLOBAL PROBLEMS

- Nevelev A. B.* The problem of the value-forming foundation 5
- Zhilina V. A.* Ontological breaks of the modern philosophy of politics 13

MAN, SOCIETY, CULTURE

- Sayapin V. O.* Intelligent neural networks — the future potential of the civilizational development of the digital world 21
- Kovalev A. A.* Modern technologies as an effective way to strengthen the national mentality in the context of ensuring national security 27
- Krepisov K. M.* Procedural formation of the norm in the system of public relations 36
- Gulevataya A. N.* Philosophical-anthropological architectonics of modern educational space 42

PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE

- Kornienko A. G.* Historicism as a general scientific principle in a modern sociology of science 48
- Pashchenko O. V.* Processes of transformation of scientific knowledge in conditions of digitalization . . 55

THINKERS OF THE PAST AND THE PRESENT

- Ovcharov D. A.* The problem of biological and social in russian philosophy of the second half of the XX century and the beginning of the XXI century: historical and philosophical analytical review 61

INTO THE TEACHER'S NOTEBOOK

- Kamaletdinova A. Ya.* The formation of the stadial approach in the theory of “civilization” from L. G. Morgan to F. Engels 68
- Solomko D. V.* Ecology of human existence: results of a special educational course 79

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

MODERN GLOBAL PROBLEMS

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 7 (477). С. 5–12.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(7(477)):5-12. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 130.2

doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-5-12

ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНО ОБРАЗУЮЩЕГО ОСНОВАНИЯ

Анатолий Борисович Невелев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, nabobl@mail.ru, ORCID 0000-0001-7037-0574

Аннотация. Уровень современного обсуждения проблемы ценностей человеческого бытия, противоречий между теми или иными системами ценностей, выбора современных ценностных приоритетов и так далее оставляет желать много лучшего. Ценности вводятся в оборот «как бы выстрелом из пистолета», без отбора, без обсуждения их природы, источников и оснований. Зачастую к ним подходят как к самопонятным феноменам и в их подаче преобладает простое перечисление, несколько варьирующееся в зависимости от вкусов и теоретических предпочтений авторов ценностных систем. В статье сделана попытка феноменологической редукции, «взятия в скобки» любой совокупности предметно конкретных ценностей для аксиологического выявления интенциональности ценностного сознания, его энергично любящей составляющей, как ценностно образующего основания, которое обнаруживается в качестве «двойного преодоления», как аксиологически значимого варианта социального отрицания отрицания.

Ключевые слова: ценность, структура ценностного сознания, предметная сторона ценности, энергичная сторона ценности, закон обратного отношения между предметностью и энергичностью, инстинкт, систематическая подработка орудий, абиологичность, первое преодоление, овеществление, образец, идеальное, материальное, нетость, преодоление ценностного сознания

Для цитирования: Невелев А. Б. Проблема ценностно образующего основания // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 7 (477). С. 5–12. doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-5-12.

Original article

THE PROBLEM OF THE VALUE-FORMING FOUNDATION

Anatoly B. Nevelev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, nabobl@mail.ru, ORCID 0000-0001-7037-0574

Abstract. The level of modern discussion of the problem of the values of human existence, contradictions between certain value systems, the choice of modern value priorities, and so on leaves much to be desired. Values are put into circulation “like a shot from a pistol” without selection, without discussion of their nature, sources and grounds. They are often approached as self-understood phenomena and a simple enumeration prevails in their presentation, varying somewhat depending on the tastes and theoretical preferences of the authors of value systems. The article makes an attempt at phenomenological reduction, “bracketing” any set of subject-specific values for axiological identification of the intentionality of value consciousness, its energy-loving component, as a value-forming foundation, which is found as a “double overcoming”, as an axiologically significant variant of the social negation of negation.

Keywords: value, the structure of value consciousness, the objective side of value, the energy side of value, the law of the inverse relationship between objectivity and energy, instinct, systematic side-work of tools, abiologicity, the first overcoming, reification, pattern, ideal, material, inaccuracy, overcoming value consciousness, the second overcoming

For citation: Nevelev AB. The problem of the value-forming foundation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(7(477):5-12. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-5-12

Введение

Автор методологически фундаментального исследования «Социально-биологическая проблема» В. И. Плотников, онтологически обосновывая преодоление зависимости становящегося человека от инстинктивно-биологического бытия, сделал главный акцент на феномене систематической подработки орудия. Именно на *подработке* орудия, а не на самом факте его использования предчеловеком для решения преимущественно инстинктивно определяемых задач жизни. Само использование орудий ещё всецело подчинено власти инстинкта, оно просто наращивает органы животного или становящегося человека для обеспечения биологического функционирования.

Что касается систематической подработки орудий, то здесь, как справедливо отмечено В. И. Плотниковым, в жизнь предчеловека встраивается абиологический компонент, выводящий становящееся сознание за пределы тяготения биологического поля инстинктивной жизни. В этом мы склонны усматривать методологически значимую «изюминку» концепции, в свете которой можно понять переход биологических предпосылок в абиологическое начало человека и человеческой истории, социального бытия вообще. Биологически обусловленное внимание, хотя бы на время, пресекается биологически нейтральным, абиологическим вниманием к биологически нейтральному орудю. Это возвышает предчеловека над биологической зависимостью, закладывает основы будущей «рефлексии над...» и, в конечном счёте, — основы метафизической компоненты сознания.

Подрабатываемое (улучшаемое) орудие, с одной стороны, выступает опосредованно инстинктивно нужным, радикально меняющим возможности добычи пищи, но оно непосредственно, само по себе принципиально абиологично, условно говоря, «несъедобно». В рамках инстинкта работают две составляющие: то, **что** жизненно влечёт, и то, что процессуально **влечёт**, сама жизнь. Первая составляющая в социальной перспективе человека может стать и становится предметной стороной ценностного сознания, вторая составляющая в перспективе может стать и становится энергичной стороной ценностного сознания.

Систематическая подработка орудий, по мере нарастания орудийного, вещественного опосредования жизни человека в истории, раз за разом

повторяет отсечение влечения от предметной стороны инстинкта, перенося его энергичность на биологически нейтральное орудие. Энергичность страстной захваченности человека миром в нарастающих масштабах смещается на «неорганическое тело», на неживое.

Методологическая значимость абиологического компонента как средства преодоления инстинктивности жизни

Инстинктивная значимость снимается (в гегелевском смысле) орудийной значимостью. Энергичность живого бытия перецепляется с инстинкта на преимущественно функционально значимую вещь, на абиологическое орудие инстинктивного труда. Биологическая нейтральность орудия берёт энергичность инстинкта в свои предметные «скобки», на манер феноменологической редукции Э. Гуссерля. Вещь присваивает, по мере развития орудийной культуры, энергичность жизни. Значительную роль в человеческой истории начинает играть, наряду с живым бытием, неживое бытие. Возникает ценностное сознание, ценность. Ценность в качестве вещного (овеществлённого) жизненного регулятива пытается подчинить своей власти всю сферу инстинктивного бытия.

Достоинство ценностной регуляции состоит в преодолении доминирования инстинкта, недостаток ценностной регуляции состоит в том, что предметным образцом ценности всё больше, по мере развития культуры, выступает неживая вещь. Культура оказывается не только прекрасна, но и опасна своим элементом овеществления жизни людей, их отношений, их бытия, их сознания. В своём пределе тенденция овеществления может привести и приводит к ситуации, когда «на место человека становится вещь, на место вещи становится человек» (К. Маркс).

Ранний капитализм, как общество тотальной вещной зависимости, реализует логическую схему «Д — Т — Д'», в которой отчётливо видно кольцевое движение вещи ради возрастания авансированной стоимости, деньги ради больших денег. Живое попадает в мощную зависимость от неживого, «люди гибнут за металл». Капитализм в полной мере обнаруживает ранее скрытый изъян культуры, цивилизационную тенденцию её развития, если воспользоваться терминологией О. Шпенглера. Овеществление пронизывает все

стороны жизни, выводя на первый план ценностного мира людей её предметную, в данном случае вещную, составляющую. Ценность, ставшая на место основного регулятива социальной жизни и насаждающая культ неживого, теперь должна быть каким-то образом преодолена, чтобы восстановить образец «живой жизни» в качестве базового регулятива.

Проблема «переоценки всех ценностей», поставленная Ф. Ницше, это проблема выбора основания критического осмысления ценностного мира человека. Словами «Бог мёртв» Ницше отметил необходимость переосмысления самого ценностно образующего основания прежде, чем приступать к созиданию новой, жизнеспособной системы ценностей. Необходимо принципиально разобраться с сущностью и структурой ценности. Эта работа предполагает, по нашему мнению, те ходы мысли, которые были сделаны нами ранее. Необходимо обнаружить и понять овеществляющую компоненту культуры и продумать пути возврата к ценностной образцовости, парадигмальности живого.

Надо перестать спешить в переведении методологического обсуждения на частные рельсы конкретных ценностей. Необходимо сосредоточиться на решении проблемы ценностно образующего основания. Бог — исключительно оживотворяющее начало. Что мы мыслим под именем Бога? Не отдали ли мы его суть предметным частностям, сделав именно их невидными «богами». Приём простого перечисляющего введения в житейский оборот одних ценностей на место других содержит в себе фундаментальные недоговорённости, умолчания, непрояснённости.

Предметно-энергичное понимание структуры ценности

Как бы то ни было, но обойтись без принципиальной демаркации предметно определённых частных ценностей и самого всеобщего ценностно образующего основания нам не удастся. В основе такой демаркации лежит исходная: разделение предметной и энергичной сторон ценности, разделение того, *что* мы любим, и того, что мы *любим*. Энергичность влечения, желания, увлечённости, захваченности, интенциональности сознания, энергичность любви вообще должна быть осознана как таковая, как место Бога, как экстатическое «свято место», независимо от того, признаём мы Его или нет. «Человек может любить только универсально» (П. Тейяр де Шарден). Ценность возникает в виде экстатической

вспышки, которую Шарден навал «точка Омега», в виде фокусировки энергичности на каком-либо предмете. Энергичность фокусированно сцепляется с предметом, который при этом может своей предметностью заслонить весь горизонт ценностного сознания. Явления фетишизма и фанатизма убедительно об этом свидетельствуют. Но вместе с тем человек является принципиально предметным существом и категория предметности чрезвычайно важна (И. А. Ильин).

Предметность укореняет нас в бытии. Наша любовь чрезвычайно предметна и единична, осуществляется здесь и теперь, пробуждается этим самым «здесь и теперь». Наша персональная и социальная идентичность, предметная определённость нашего Я берёт своё качество именно из движения по контуру предметного бытия, предметной жизни. Впрочем, при всей индивидуальности, неповторимости, единичности нашего предметного бытия уже само отношение между этими единичностями их нераздельно объединяет. Отношение есть предметно общее между относящимися единичными. Это позволяет поднимать их до уровня предметно особенного. Соответственно, помимо единичной определённости наше Я предметно в качестве особенного. Причём роль особенного берёт на себя какая-либо единичность, придавая нашему Я соответствующее качество особенности.

Это восхождение по категориальной иерархии неизбежно, нам никогда не удержаться только в предметной определённости единичного. При этом начинает предметно работать с нашей идентичностью простой категорический силлогизм, его логика, фундаментально осмысленная ещё Аристотелем и Гегелем (Д. В. Джохадзе). На месте среднего термина пробуют себя все три варианта: единичного, особенного и общего. В совокупности мы имеем логическое предметное идентифицирующее движение в границах всеобщего. Содержательно предметное наполнение силлогизма есть вместе с тем предметное наполнение человеческого Я. Мы не можем поддаваться искушению оставить человеческое Я, его идентичность только «в одеждах» единичности. Появившись как единичность, идентичность индивидуального человека развивается в особенность, общность и, в конечном счёте, во всеобщность. Это результат деятельного движения самой жизни, который логика требует учитывать и в сфере мысли, мышления. Сама экзистенция в своей неповторимой единичности переживает категориальные метаморфозы. Мыслительные формы

экзистенциально значимого силлогизма эмоционально наполнены (Г. Башляр).

Стратификация социального бытия и идентичность человека

Если методологически исходить из синтеза гегелевского категориального подхода, марксистской ориентированности на основополагающее значение социальной практики и экзистенциального осмысления индивидуального бытия, то, на наш взгляд, можно попытаться представить предметность ценностного мира человека, его предметной идентичности в привязке к своему рода слоям (структурным уровням) социального бытия, используя некоторые основополагающие идеи новой онтологии Н. Гартмана. В частности, это методология стратификации бытия, идея законов структурных уровней бытия и законов их отношений между собой.

В отличие от стратификации бытия у Н. Гартмана мы пытаемся генетически увязать между собой эти слои, опираясь на идею модификации культуры как инвариантного *средства* отношения человека к миру. Соответственно, каждый слой бытия задан модификацией средства и эта модификация, это качественное своеобразие, от начала до конца пронизывает собой весь рассматриваемый слой. Мы при этом не уходим от тех проблем, которые поставлены выше, от проблем демаркации предметной и энергийной сторон ценности, ценностного мира человека.

Все ходы мысли по-прежнему работают на одну цель: философски осмыслить «дорогу к храму», к святому месту, которое конституирует ценности, дорогу к ценностно образующему основанию. Слои бытия мы намерены представить в русле упомянутой логики силлогизма, прежде всего в правильной форме («первая фигура силлогизма» у Аристотеля, «единичное — особенное — всеобщее» у Гегеля).

Центральная стержневая взаимозависимость, которая осуществляет синтез всех упомянутых составляющих нашей концептуальной гипотезы, выражена законом обратного отношения между предметностью и энергийностью: чем меньше предметная определённость ценности, тем больше, насыщеннее энергийность ценности.

Предметное восхождение (предметная «лестница» слоёв бытия, орудийный слой, символический слой, знаковый слой, предельно категориальный, универсальный слой) представляет собой категориальную универсализацию мироотношения при нарастании предметной

неопределённости, которая в итоге «сходит на нет», оставляя от себя самую «ничтожную» «нетость» (М. Хайдеггер), «безотносительное “не”» (Г. Гегель). «Не» в силу предельно крайней *не*-определённости является тем «ничем», которое открывает человеку все возможные направления предметного бытия, бывший ничем, становится всем. Человек в своей предметной идентичности остаётся сугубо предметным существом, но предметно поднявшимся до возможности уровня идентичности с мирозданием.

«Нетость» придаёт предметной идентичности человека, его Я, абсолютную трансцендентальность, оставляя его предметно «стоять обеими ногами на хорошо округлённой земле». На основе предметной идентичности с нетостью человек, его предметное Я, получает, с одной стороны, средство социокультурного или религиозного самоконтроля в виде табуирования, запрета, заповеди, когда именно «не» остаётся инвариантом, стягивающим в себя всю предметную конкретику запрещающих актов.

С другой стороны, «не» становится предметным обозначением «задержанного вожделения» (Г. Гегель), вся энергийная полнота жизни индивида, этноса, народа упирается в это «не», как могучая река в искусственно созданную людьми на её стремительном течении плотину. Мощь универсальной энергийности жизненного потока наконец-то онтологически позволяет без особых интеллектуальных усилий осуществить демаркацию энергийности вообще от предметности вообще как таковой. Философия в лице Платона и особенно неоплатоников (Плотин, Прокл и др.) уловила процесс демаркации в учении о структуре мира, где Единое полностью отделено, демаркировано, как сугубо энергийный феномен, от любой предметности, даже от предметности Ума, от его мыслительных форм.

Мир предстал как истечение, эманация энергийности Единого, которое предметно нельзя помыслить. Неоплатоники полагали, что они превзошли предметность бытия в энергийности Единого. Между тем, мысля само Единое и его энергийность, они удерживали в сфере философского внимания его как предмет. И не важно, что он якобы неуловим предметной мыслью. Мысль о «не»-уловимости Единого есть мыслительное улавливание его, превращение его в предмет. Непредметное, названное так, уже есть предмет мысли, предметная мыслительная форма. Думать, что мы полностью утрачиваем предметность, было бы *недомыслием*, то есть мысль тут

не дотягивается *до* нерушимой предметности самого «не».

Каждый предметный уровень бытия (орудийный, символический, знаковый и предельно категориальный, универсальный) естественно сопряжён через идентификацию со своей предметно обусловленной энергийностью человеческого сознания. Уместно говорить о восходящем и нисходящем направлениях движения стратифицированной энергийности, выраженной модифицированным средством культуры. Из логики предшествующего анализа следует, что есть орудийная энергийность (орудийно обусловленная, орудийно детерминированная). Она составляет сугубо материальную деятельную способность человека, выраженную в труде, в практическом преобразовании природы и социума.

Идеальное бытие в орудийном слое имеет зачаточные формы. На первом плане — материальное преобразование мира. Сопrotивление мира намерениям человека здесь максимальное. Энергийность максимально отягощена вещной определённой. Внешний мир диктует свои законы, ограничивая возможности субъективного, произвольного способа бытия человека. Ценности овеществлены, сохраняя свою изначальную зависимость от вещного бытия.

Надо отметить, что орудийность предполагает *непосредственную сцепленность* человека через орудие с объектом, на который направлены его преобразующие усилия. Откладывание орудия в сторону означает, что совершился радикальный скачок из орудийной сферы (слоя) бытия в символическую сферу. Вместе с этим качественным преобразованием энергийности (от орудия к символу) преобразуется и предметное качество ценностей: на место орудийных становятся символические.

Интенциональность сознания отрицательным образом обусловлена тем предметным бытием, которое берётся в скобки при феноменологической редукции. Орудийность, взятая в скобки, сохраняет за интенциональностью качество орудийности, символичность, взятая в скобки, тоже отрицательным образом, сохраняет за интенциональностью сознания символический характер ценностей. Неорудийная ценность, по существу, идеально орудийна, несимволическая ценность, по существу, идеально символична. В том же духе можно определить интенциональность и ценностность знакового сознания и предельно знакового, категориального сознания.

Обратная взаимосвязь предметности и энергийности в ценности

Любое «*ничто*» предметно определено тем, «*что*», которое подвергается отрицанию. Интенциональность ценностного сознания по отношению к предмету, «взятому в скобки», отрицательно сохраняет этот предмет в своей определённости. Вместе с тем переводение мысли в трансцендентальный план усиливает именно предметно вертикальную трансцендентальность. Сопrotивление содержания, взятого в скобки, минимизируется именно по вертикали. По мере «исчезновения предметности» (К. Ясперс), точнее, вещественности, крепнет энергийность, имея дело с ослабленной через идеализацию символической, знаковой и предельно знаковой, универсальной предметностью. Феноменологическая редукция Э. Гуссерля имеет аналог в противоречивой сути самой жизни, которая «ничтожит» во времени предметную определённую интенций ценностного сознания, способствуя фокусированию его энергийности на «не», на парменидовском бытии как таковом.

Народной мудростью уловлено обратное отношение предметности и энергийности бытия, например в пословицах и поговорках: «языком-то ты горазд», «мели, Емеля, твоя неделя», «язык-то без костей», «гладко было на бумаге, да случаются овраги, а по ним ходить», «на словах-то ты силён». Обратное отношение предметности и энергийности бытия, как представляется, доказательно просматривается в апофатическом богословии. Ксенофан, давая Богу отрицательные определения, подготавливает онтологию Парменида, его учение о бытии вообще, которое можно только мыслить.

Причём Парменид, по словам Аристотеля, философствует как бы в экстазе, переживает энергийную вспышку, осмысливая бытие как таковое. Мыслить бытие и быть — это одно и то же, убеждён Парменид. Он сам и его учение о бытии экзистенциально, ценностно слиты, всеобщее жизненно совпадает с единичным бытием самого философа. В том же ключе интересны свидетельства о способе преподавания учения об идее Эроса Платоном, который, доведя изложение о процессе сублимации (возвышения) Эроса до уровня идеи Эроса как такового, просил учеников отложить их записи в сторону и сосредоточиться на нём самом, на нём, переживающем идентичность с Эросом как таковым. На нём, переживающем персональную идентичность с бытием Эроса как такового вообще.

Единичностью своего переживания он передавал ученикам всеобщий ценностный смысл идеи. Как Парменид, так и Платон, думается, обгоняя время, указывали на методологическое основание преодоления овеществлённости ценностного бытия, элемент которого, как мы отмечали, несёт в себе культура. Абиологичность вещи вывела человека за пределы природы, положила начало культуре, цивилизации, но вместе с тем обеспечила становление овеществлённости, резюмируемой обществом вещной зависимости.

И в современном обществе мы имеем колоссальную степень захваченности человека миром вещей. Энергичность ценностного сознания зачастую просто порабощена вещами, предметной (вещественной) составляющей социального и индивидуального бытия. На первый план выходит проблема овеществлённости ценностного сознания, точнее, **проблема преодоления этой овеществлённости**. Инстинкт был преодолен абиологичностью становящейся ценности, идентичностью человека с образцовым неживым, а нынче подлежит преодолению абиологичность предметной стороны ценности, подлежит преодолению увязание идентичности человека в предметном неживом, в его неорганическом теле.

Человеку предстоит открыть себя в качестве исключительно живого, преимущественно живого существа. Этот онтологический ход предполагает принципиальное устранение любых предметно отвлекающих от живой энергичности моментов. Неживое, неорганическое тело, как источник идентичности, должно быть редуцировано, максимально устранено с целью преодоления акцента на неживом. Неживое должно быть подвергнуто редукции к минимальной предметности, к «безотносительному «не»», к «нетости». Минимизация предметности раз за разом возвращает человека к самому себе живому, не навязывая никакой дальнейшей предметной определённости. Идентичности человека тут не за что зацепиться, кроме очередного обращения к безотносительному «не». Второе «не», между тем отрицающее первое, его же и утверждает («отрицание отрицания»).

Методологическое понимание преодоления овеществлённости бытия

«Не» остаётся предметным стержневым инвариантом, дисциплинирующим энергичность как таковую (хаос) человеческого поведения через табуирование, но в то же время предметно не навязывая, не стопоря, творческую открытость человека миру, открытость ко всему. Обе стороны («роли») идентичности с «нетостью» — дисциплинирующая и творческая — чрезвычайно важны. Дисциплинирующая позволяет удержаться на гребне энергичности и не упасть в пучину («бездну») саморазрушения, творческая позволяет находиться в непрерывном контакте с созидующим хаосом *не*-предметного бытия, не абсолютизируя никакое направление предметных интенций сознания. Предметный мир оказывается тут взвешенным в эфире энергичного универсума Любви как таковой.

Заключение

Итак, подводя некоторый итог размышлениям о проблеме ценностно образующего основания, отметим, что возвращение человека к приоритету живой жизни сопряжено, во-первых, с демаркацией энергичной и предметной составляющих ценностного бытия и сознания, во-вторых — с пониманием исторически возможных приоритетов развития человека и человечества: с приоритетом предметной составляющей, тяготеющей к абсолютизации неживого (неорганического тела), и приоритетом энергичной составляющей, тяготеющей к абсолютизации живого, в-третьих, с осмыслением закона обратного отношения между предметностью и энергичностью, который, в-четвёртых, позволяет выстроить систему оживотворенных ценностей, когда принципиальный приоритет экстатически любящей энергичности живой жизни, как ценностно образующего основания, ни при каких обстоятельствах не забывается и не подчиняется ни одной частной предметной ценности, играя по отношению к предметной стороне бытия принципиально конституирующую роль.

Список источников

1. Плотников В. И. Социально-биологическая проблема : материалы спецкурса. Свердловск, 1976. 92 с.
2. Гуссерль Э. Картезианские размышления / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб. : Наука : Ювента, 1998. 315 с., [1] л. портр.; 17 см. (Слово о сущем).
3. Маркс К. Капитал: Критика политической экономии / [науч. ред. : Л. Л. Васина и др.]; [пер. с нем.,

фр., англ. : Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС]. 2-е изд. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014. — (Капитал. Карл Маркс).

4. Шпенглер О. Закат Европы : [пер. с нем.]. М. : Искусство, 1993. 298, [5] с. ; 20 см.
5. Ницше Ф. Так говорил Заратустра : [пер. с нем.]. М. : Эксмо, 2022. 347 с.; 18 см.
6. Тейяр де Шарден П. Феномен человека : [пер. с фр.]. М. : АСТ [и др.], 2012. 381 с.
7. Ильин И. А. Путь к очевидности : [сборник] / [послел. В. И. Кураева ; примеч. Р. К. Медведевой]. М. : Республика, 1993. 430, [1] с. (Мыслители XX века).
8. Джохадзе Д. В. Основные этапы развития античной философии: К анализу диалектики ист.-филос. процесса / АН СССР, Ин-т философии. М. : Наука, 1977. 295 с.
9. Башляр Г. Избранное: Научный рационализм / [пер.: А. Ф. Зотов, Л. П. Илиева]; [сост. и науч. ред. А. Ф. Зотов]. М. ; СПб. : Университет. кн., 2000. Т. 1. 395 с.: ил.
10. Гартман Н. К основоположению онтологии = Zur Grundlegung der Ontologie / пер. с нем. Ю. В. Медведева ; под ред. Д. В. Скляднева. СПб. : Наука, 2003. 639 с. (Слово о сущем; Т. 41).
11. Гегель Г. В. Ф. Наука логики: перевод с немецкого. М. : Эксмо, 2020.
12. Аристотель. Категории. С прил. «Введения» Порфирия к «Категориям» Аристотеля / пер. А. В. Кубицкого ; ред., вступ. статья «Учение Аристотеля о категориях бытия» с. V–XXXVII и примеч. Г. Ф. Александрова; АН СССР. Ин-т философии. Моск. ин-т истории, философии и лит. М. : Соцэкгиз, 1939. XXXVI, 84 с.: портр.
13. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. [с нем. и примеч.] В. В. Бибихина. М. : Ad Marginem, 1997. 451 с.
14. Платон. Пир; Отрывок из «Критона»; Республика: (О любви): (О справедливости). СПб. : тип. Ц. Крайз и К°, 1900. 27 с. (Общедоступная философия / Аркадий Пресс).
15. Плотин. Первая Эннеада / [пер. с древнегр. Т. Г. Сидаша]. СПб. : Квадривиум, сор. 2017. 226, [1] с.: ил. (Seria Hellenica).
16. Прокл. Платоновская теология / изд. подгот. Л. Ю. Лукомский. СПб. : Лет. сад, 2001. 623 с.
17. Парменид. Поэма Парменида = The Poem of Parmenides / пер. и коммент. Е. В. Афонасина. Новосибирск : Центр изучения древней философии и классической традиции НГУ : Офсет-ТМ, 2021. 97, [1] с.: цв. ил. (Античная философия и классическая традиция: приложение к журналу ΣΧΟΛΗ = Ancient philosophy and the classical tradition: ΣΧΟΛΗ Supplements; т. 2).
18. Фалес и Ксенофан (Древнейшая фиксация космологии Фалеса) // Античная философия в интерпретации буржуазных философов. М., 1981.

References

1. Plotnikov VI. Social`no-biologicheskaya problema. Materialy` speczkursa. Sverdlovsk; 1976. 92 p. (In Russ.).
2. Gusserl E. Kartezijskie razmy`shleniya. St. Petersburg, Nauka Publ., Yuventa; 1998. 315 p. (In Russ.).
3. Marks K. Kapital: Kritika politicheskoy e`konomii. 2nd ed. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ.; 2014. (In Russ.).
4. Shpengler O. Zakat Evropy. Moscow, Iskusstvo Publ.; 1993. 298 p. (In Russ.).
5. Niczsche F. Tak govoril Zaratustra. Moscow, E`ksmo Publ.; 2022. 347 p. (In Russ.).
6. Tejyar de Sharden P. Fenomen cheloveka. Moscow, AST Publ.; 2012. 381 p. (In Russ.).
7. Il`in IA. Put` k ochevidnosti. Moscow, Respublika Publ.; 1993. 430 p. (In Russ.).
8. Dzhohadze DV. Osnovnye etapy razvitiya antichnoj filosofii: K analizu dialektiki ist.-filos. processa. Moscow, Nauka Publ.; 1977. 295 p. (In Russ.).
9. Bashlyar G. Izbrannoe: Nauchny`j racionalizm. Moscow, St. Petersburg; 2000. Vol. 1. 395 p. (In Russ.).
10. Gartman N. K osnovopolozheniyu ontologii = Zur Grundlegung der Ontologie. St. Petersburg, Nauka Publ.; 2003. 639 p. (In Russ.).
11. Gegel GVF. Nauka logiki: perevod s nemeczkogo. Moscow, Eksmo Publ.; 2020. (In Russ.).
12. Aristotel`. Kategorii. S prilozhenijem "Vvedeniya" Porfiriya k "Kategoriyam" Aristotelya. Moscow, Socze`kgiz; 1939. XXXVI, 84 p. (In Russ.).
13. Hajdegger M. By`tie i vremena. Moscow, Ad Marginem; 1997. 451 p. (In Russ.).
14. Platon. Pir; Otry`vok iz "Kritona"; Respublika: (O lyubvi): (O spravedlivosti). St. Petersburg, Kraiz i K°, 1900. 27 p. (In Russ.).

15. Plotin. Pervaya E`nneada. St. Petersburg; 2017. 226 p. (In Russ.).
16. Prokl. Platonovskaya teologiya. St. Petersburg; 2001. 623 p. (In Russ.).
17. Parmenid. Poema Parmenida = The Poem of Parmenides. Novosibirsk; 2021. 97 p. (In Russ.).
18. Fales i Ksenofan (Drevnejshaya fiksaciya kosmologii Falesa). In: Antichnaya filosofiya v interpretacii burzhuazny`x filosofov. Moscow, 1981. (In Russ.).

Информация об авторе

А. Б. Невелев — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии факультета Евразии и Востока.

Information about the author

A. B. Nevelev — Professor, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy of the Faculty of Eurasia and the East.

Статья поступила в редакцию 27.08.2023; одобрена после рецензирования 01.09.2023; принята к публикации 05.09.2023.

The article was submitted 27.08.2023; approved after reviewing 01.09.2023; accepted for publication 05.09.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 130.2

doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-13-20

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИКИ

Вера Анатольевна Жилина

Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия,
vera-zhilina@yandex.ru, ORCID 0000-0003-2954-109X

Аннотация. Статья посвящена проблеме современного состояния политической философии. Обосновано, что деструктивные выводы в теории относительно статуса и сути современной политической сферы детерминированы трансформациями в области социального бытия. Данная статья исходит из предположения, что глубинные онтологические основания находятся в сути актуальных общественных отношений. Отсюда роль современной политики не может быть сведена к инструментарию социальных игр. В сравнительном анализе достижений современной социологической мысли, исследующей специфику коммуникативного общества, и выводов политической философии в области социальной методологии раскрыты основные тенденции трансформации политической сферы. Предпринята попытка критики концепции философии свалки, которая провоцирует признание политики политикой нигилизма. Прослежены варианты современных классификаций уровней политики. Раскрыта суть онтологических оснований «смерти» политической философии. Показано, что определённое принижение статуса политики и попытки заменить её управленческие функции, например, системой эмоционального интеллекта переводит политику в статус симулякра. В этом контексте предпринята попытка возвращения традиционного рассмотрения политики в диалектике частного и общественного. Доказательно определены риски социальной неопределённости политики. Особое внимание в данном анализе уделено влиянию трансформаций современного человека на состояние политической сферы. Специально прослежена эволюция нигилизма и определены риски замены традиционных идеологических оболочек политики данной социальной тенденцией. Затронуты аспекты взаимодействия политики со сферой свободы и раскрыта значимость влияния политики на области социального бытия. В частности, прослежена взаимосвязь политики и трансформаций экономической сферы общества.

Ключевые слова: человек, политика, культура, симулякр, социум, нигилизм, реальность

Для цитирования: Жилина В. А. Онтологические сломы современной философии политики // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 7 (477). С. 13–20. doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-13-20.

Original article

ONTOLOGICAL BREAKS OF THE MODERN PHILOSOPHY OF POLITICS

Vera A. Zhilina

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia, vera-zhilina@yandex.ru, ORCID 0000-0003-2954-109X

Abstract. The article is devoted to the problem of the current state of political philosophy. It is proved that destructive conclusions in theory regarding the status and essence of the modern political sphere are determined by transformations in the field of social existence. This article proceeds from the assumption that the deep ontological foundations are in the essence of actual social relations. Hence, the role of modern politics cannot be reduced to the tools of social games. In a comparative analysis of the achievements of modern sociological thought, exploring the specifics of a communicative society, and the conclusions of political philosophy in the field of social methodology, the main trends in the transformation of the political sphere are revealed. An attempt is made to criticize the concept of landfill philosophy, which provokes the recognition of politics as a policy of nihilism. Variants of modern classifications of policy levels are traced. The essence of the ontological foundations of the «death» of political philosophy is revealed. It is shown that a certain belittling of the status of politics and attempts to replace its managerial

functions, for example, with an emotional intelligence system, translates politics into the status of a simulacrum. In this context, an attempt is made to return the traditional consideration of politics in the dialectic of private and public. The risks of social uncertainty of the policy are evidently determined. Special attention in this analysis is paid to the influence of transformations of modern man on the state of the political sphere. The evolution of nihilism has been specially traced and the risks of replacing the traditional ideological shells of politics with this social trend have been identified. The aspects of the interaction of politics with the sphere of freedom are touched upon and the significance of the influence of politics on the areas of social existence is revealed. In particular, the interrelation of politics and transformations of the economic sphere of society is traced.

Keywords: man, politics, culture, simulacrum, society, nihilism, reality

For citation: Zhilina VA. Ontological breaks of the modern philosophy of politics. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(7(477)):13-20. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-13-20.

Введение

Человечество в силу специфики самого человека всегда ориентировано на поиск некоторого устойчивого основания, которое должно претендовать на некий гарант существования и одновременно снимать груз ответственности за состояние настоящего в социуме. Отсюда в социальном развитии исторически складываются стереотипы в отношении некоторых сфер культуры, якобы способных демаркировать позитив и негатив и снижать действие рисков. В частности, таким инструментарием фактически всю цивилизованную стадию развития истории становится политика. Однако в современных условиях социальная практика часто демонстрирует деструктивные последствия развития политической сферы, а в теории, в том числе в философских исследованиях, появляются утверждения о «смерти политической философии» [17]. Это актуализирует анализ как самой политики, так и теоретических рефлексий в её исследовании.

Одним из факторов, усложняющих философский анализ политики, сегодня является расширение сферы власти. Например, власть информации не ограничена в современных условиях собственно информационной сферой, а распространяется на сугубо социальные проблемы, такие как геномная инженерия или цифровизация. При этом институционализированный политический контроль (например, в форме государства) повлиять на эту власть информации не в состоянии. О своеобразном разрыве власти и политики свидетельствует и неэффективность традиционных политических институтов. В частности, всё чаще возникают сомнения в целесообразности ООН, чья ориентация на базис суверенных государств как объективацию политики приводит к неспособности дать реальное решение проблем.

Актуализирует проблему исследования политики и конфликтное состояние системы ценностей современного общества. Как справедли-

во отмечают многие исследователи, политика не в состоянии справиться с плюрализмом и постоянной изменчивостью ценностей. Неустойчивость настоящего рождает страх будущего, что, в свою очередь, начинает формировать деструктивные стратегии поведения человека. Следствием становится конфликтное противостояние политики и морали, что в условиях сложных трансформаций экономической сферы общества зачастую формирует устойчивое состояние аномии. Политика как самостоятельный феномен становится социально неопределённой, что усугубляется кризисным состоянием её привычных идеологических оболочек.

Сложность социальной практики рождает сложности в теории. Помимо терминологической подмены, когда философия политики и политическая философия фактически становятся тождественными, нарастает тенденция субъективизма в определении сущности современной политической сферы. Влияние постмодернизма в тезисе отрицания целостности истории выводит политику из факторов, определяющих нашу жизнь. Сохранение её статуса в сфере социальности происходит за счёт демаркации в качестве симулякра. Современное общество трактуется как непреходящий плюрализм идей, доктрин, и среди них растворён политический плюрализм. Политике устойчиво приписывают роль случайного фактора в социальных взаимодействиях. Безусловно, данная ситуация требует серьёзного философского анализа появления и распространения таких выводов, так как в случае именно политической сферы обратное влияние теории на социальную практику очень велико. О серьёзности положения свидетельствует глубокий социальный кризис, вызванный фактическим крахом мифа идеи глобализации. В попытках вернуть стабильность в социальное существование начинают формироваться новые мифы, в которых роль политики якобы состоит в сглаживании «произвольного»

(случайного) неравенства и в разработке моделей компенсации фактора удачи.

Методы и материалы

Политическая сфера всегда привлекает к себе внимание со стороны учёных и философов. Многообразие теоретической области исследований с необходимостью требует учёта структурно-генетического подхода к исследованию политики. В рамках данной темы анализа такой подход позволяет синтезировать в единые тезисы достижения как социально-гуманитарных наук, так и философских школ. Определёнными точками бифуркации в привлечении синергетического подхода определены структурные изменения в экономической сфере социума и в экзистенции современного человека. Оба подхода использованы в рамках действия принципа единства исторического и логического. В определении онтологических причин рисков отрицания статуса политики в структурах социального бытия принципы диалектики позволяют критически проанализировать методологические наработки современной социологии и постмодернистской философии в области исследования политики.

Данное исследование опирается на работы современных исследователей особенностей состояния социума в условиях нарастания роли информации и информационных потоков. В частности, прослежены причины изменения статуса политики в условиях «расширения» человека с опорой на труды Кастельса и Маклюэна [5; 7]. В исследовании феномена политики нигилизма дан критический анализ «философии свалки» М. Майдера [6]. В преодолении онтологических деструкций в толковании сути политики как автономного феномена прослежено влияние методологических установок постмодернизма на примере работ Флойда [15]. Проанализированы концепции «смерти» политической философии Мендуса [17] в раскрытии рисков своеобразного социального анархизма Баумана [1]. Особое внимание уделено концепциям соотношения частного и публичного в политике в обращении к трудам Бурдье [2], Симпсона [18] и Кестлера [16]. В традиционном анализе политики данная работа опирается на труды Ницше [9], Фромма [11], на принципы марксистского исследования роли надстройки [8].

Результаты и обсуждение

Философия политики в тисках нигилизма.

Философское размышление над общими процессами направленности исторического процесса

всегда отлично целостностью, а значит, сохранностью в этих процессах человеческого фактора. Отсюда со времён Платона в анализе политики в философии всегда присутствует человек. Более того, в зависимости от стремлений человека актуального среза социума, его мировосприятия в философском знании трансформируются онтологические основания политической сферы. Поэтому многие современные особенности политики для политической философии не являются открытием, а становятся продолжением философской рефлексии. Так, нарастание деструктивных тенденций в развитии политики политическая философия по праву связывает в том числе с разрастанием нигилистических тенденций в культуре. Но эта рациональная логика сталкивается с особенностями исторического контекста. Так, в наше время мир симулякров не пускает в область реального. К сожалению, в сегодняшних реалиях нигилизм низводится до уровня простых оценочных суждений и в этой форме может быть охарактеризован как одно из проявлений мазохистского бегства от собственной свободы [11], когда «мышление свалки» фактически заменяет собой «мышление политики» [6].

В интервью в 2022 г. М. Мардер, автор книги «Философия опустошения: феноменология опустошения», убедительно заявил, что в настоящем исчезли границы между областями бытия, мир растворён в гигантской свалке, и ни философия, ни искусство не являются исключениями [6]. Отсюда логичен последующий вывод: нет мышления вне свалки, и всякое познание — это познание свалки [6]. Однако логика философии достаточно жёсткая: но в этом случае сама «философия свалки» есть просто свалка, поэтому сразу делается ещё одно допущение: «всё мышление затрагивает свалку, не всякое мышление — свалка». По мнению автора, именно такой островок критического мышления должен помочь человеку внедриться в самые глубины свалки, чтобы попытаться преодолеть эпоху антропоцена [6]. И так как свалка разрастается универсально, когда промышленное загрязнение сеет хаос в области смыслов и загрязняет мир информации [6], то и политика современности должна стать политикой нигилизма, политикой, для которой ничто не имеет значения. Безусловно, такое принятие ситуации несёт в себе исключительно деструкцию, и, следовательно, значимость политической философии будет в том, чтобы определить степень реальности такой трансформации. Для этого необходимо проанализировать реальность

эволюции нигилизма в потенциальном принятии позиции свалки.

Традиции философии убеждают, что реальный нигилизм формируется тогда, когда высшие ценности обесценивают сами себя и, соответственно, у человека обесценивается цель его деятельности [9]. Классическая метафизика фактором, усиливающим такое унижение человека, отмечает науку, деструктивная функция которой и стоит в центре политики. В социальной практике это означает, что политика ориентирована на стимуляцию экономической активности, рост прибыли и ВВП, а роль человека низведена до процесса потребления. Развитие капиталистического строя оправдывает эти прогнозы достаточно быстро. Далее философия констатирует, что в XX в. царство науки сменяется царством информации [7], а политика направлена на поощрение подавления человека её потоками. Социальная практика опять подтверждает эти прогнозы философии. В частности, в культуре сегодня, например, видимо вытесняется феномен невежества новым феноменом «достаточного» знания: знания, достаточного для того, чтобы не хотеть знать больше [3; 14]. Деструктивное снятие культуры действительно меняет человека, что не может не менять суть общественных отношений, и в ответе на такой социальный запрос политика может выбрать нигилизм в качестве замены устаревших идеологических клише. Тем более, что на поверхности нигилизм выглядит бунтарски [15], претендуя на абсолютизацию ценности индивидуальности каждого. Политическая философия намеренно «забывает» о принципиальной разнице индивидуальности (способна увести человека в крайние формы отчуждения) и уникальности в области социального бытия. В отношении самой политики принятие нигилизма в качестве некоторой универсальной формы принципиально меняет её суть. Политика остаётся вне идеалов (следовательно, в политических целях не может быть ценности), вне институтов (государство или правительственные структуры лишаются автономности). Политическая философия даже претендует на особую методологию политики, построенной на том, что политика — это ответ на вопрос о том, как нам жить [15]. На питательной почве страха перед манипуляциями в цифровом социальном пространстве такая ситуация формирует у современного человека агрессивное неприятие политики как реалии его повседневной жизни.

Онтологические корни сложившейся ситуации в следующем. Нигилизм питается объекти-

вацией собственных негативов [9] — это мёртвые ценности, которые не только отворачивают человека от жизни в настоящем, но и убивают культуру. Эпоха антропоцена в этом аспекте есть продолжение такой объективации, где ценность просто сменена антиценностью, но в том же статусе. Однако в онтологическом измерении здесь нет преемственности, так как нарушен уровень онтического. Антиценность (свалка) — это лишь интерпретация традиционной ценности (трансцендентный мир). И, следовательно, это симулякр. В постмодернизме переинтерпретация есть способ изменения мира, но социальная практика ближе к марксистскому тезису: от интерпретации необходимо идти к изменению [8]. Жонглировать симулякрами спекулятивно интересно. Но не более. И, следовательно, политика нигилизма займёт нишу в новых формах антиутопии, возможно, и в мире свалки.

Спорным является и аргумент принижения действия политики. Построен он на том, что информационное воплощение культуры повседневности нарушает институциональные связи общества и социальность более не воплощается в каком-либо политическом органе. Тем самым социальность противопоставлена экзистенциальным отношениям. На место политической реальности приходит экзистенциальная утопия [6]. Простое приближение к философскому анализу вскрывает несостоятельность вывода, так как в любых интерпретациях экзистенция невозможна без социального, но последнее действительно может пониматься по-разному. Глубокое погружение в философскую рефлексию обнаруживает игры мысли постмодерна, построенных на отрицании метафизики (онтологии), но силами самой онтологии. Сам тезис о том, что информация сбивает всё на своём пути, напротив, утверждает триумф социального и политики в частности. Даже в допущении, что информация не информирует, а просто обрабатывается аналитиками, уже проглядывает политический аспект управления стремлениями человека. Другое дело, что политика получает дополнительный плацдарм действия — ей становится подвластным моделирование целей коллективных действий. Актуальный срез общественных отношений, особенно в сфере геополитики, доказательно подтверждает факт такого расширения. Современная политическая философия причины этого усматривает в трансформированном соотношении частного и общественного в социальных отношениях.

Философия политики в поле социальной неопределённости. Тезис о размывании границ сфер бытия, принимаемый современной политической философией, формируется в сложном онтологическом срезе. Сам XXI век в социальном аспекте, напротив, видимо фрагментирует отдельные сферы жизни: от нарастающей дифференциации и усложнения экономического сектора до фрагментации человеческого существования. Эти процессы не столько стирают границы, сколько разрушают привычные культурные скрепы. В отношении политики, например, очевидна тенденция увлечения хозяйственными процессами при игнорировании целостности сферы экономики. В результате декларируемое ею поле собственной деятельности — «индивидуализированное» общество — на деле становится курсом на снижение значимости социального начала. И, значит, разрушение системы ценностей и нарастание, например, антигуманности — это следствие, а не причина. Соответственно, через реконструкцию иерархии ценностной пирамиды культуры или через моделирование нового ценностного основания ситуацию изменить нельзя. Это во многом объясняет некоторую социальную неопределённость самой политики. В частности, современная политическая философия отмечает некий «паралич» политической власти, вызванный тем, что многие привычные социальные процессы попросту не поддаются контролю в традиционном управлении.

Вслед за социологией современная политическая философия видит кризисное состояние политики в трансформациях экономической сферы. В частности, опирается на то, что «символический» капитал на место привычных экономических маркеров ставит некие личностные качества [2]. Парадоксальным образом в современном обществе политика превращается в некий кредит по правилам политической бухгалтерии [2. С. 102]. Одновременно превращение политики в блеф провоцирует деструктивные стратегии поведения человека. Но самый большой риск для политической философии здесь проявляется в утрате политикой прогностической функции, так как неподконтрольное состояние в настоящем не позволяет выходить в потенциальное будущее. В этом случае нужно признать углубляющийся кризис в состоянии политической сферы. В целях спасения политики предлагается демаркация в обществе «разумных стратегий» (политика) от экономической и социальной сфер [1]. В конкретизации такого подхода предпринимает-

ся попытка классифицировать саму сферу политики. В частности, выделяются следующие уровни современной политики: житейская [1. С. 197], традиционная политика власти (правительства) [1. С. 67], политика «с большой буквы» [1. С. 173]. И такое деление вряд ли действительно способно реабилитировать роль политики. Более того, именно в этих теоретических тезисах рождается главенствующий принцип современной политической философии: политика теперь базируется в корнях социальной неопределённости.

В онтологическом срезе следует констатировать, что так определяемый статус политики является следствием развития такого симулякра, как глобализация. Изначально глобализация мыслится не как нарастание универсализации, а как конфликтное разрешение индивидуализации, вследствие которого субъект попросту исчезает. Последнее явлено в том, что человек фактически якобы полностью утрачивает контроль над процессами и событиями, в которые вовлечён. Следует отметить, что сегодня исходный симулякр — глобализация постепенно сдает позиции, что отражается, например, в теоретических исследованиях самоидентификации современного человека [4]. Но в политических рефлексиях признание размывания поля социального бытия до сих пор формирует целую систему рисков в отношении статуса политики. С одной стороны, политика становится свободной от ответственности и рассматривается как вынужденная мера социальности в войне с неконтролируемой «символической» экономической реальностью. С другой, собственно «великая» политика скатывается в область абсолютного субъективного воления. Постмодернизм может торжествовать в своих футуристических прогнозах: субъект более не способен собрать воедино фрагменты собственной жизни. На место времени политика ставит ценность мгновения, а в общей социальности политика якобы уступает место страху. Стабильность (тождественна признанию существующего) базируется на признании того, что безопасность невозможна без зависимости.

Выводы

В анализе трансформированной социальности современная политическая философия исследует политику в системе всех общественных отношений, но акцент по преимуществу переносится в сферу рефлексии политики общественным и индивидуализированным сознанием человека [13]. Роль современной политики в структурах

социума рассматривается в логике массовизации феноменов культуры вследствие постоянной ориентации на расширение сферы материальных благ. В результате политика начинает рассматриваться либо в сфере нигилизма, либо в качестве некоторого вспомогательного механизма противостояния неконтролируемым социальным стихиям. Это существенно трансформирует статус политики в культуре. Если традиционно политические игры рассматривались как детерминанты социального развития, то сегодня политика даже не участвует в определении правил социальных игр, становясь лишь инструментарием реализации таких правил. Следует отметить, что интегрированность информационных потоков оказывает влияние и на состояние философского анализа. В частности, помимо сугубо социальных последствий таких теоретических тезисов в отношении политической сферы они продуцируют, с одной стороны, появление попыток своеобразной подмены политики процессами мотивации через когнитивные операции [16], а с другой — способны укреплять пересмотр классических онтологий, например, в области онтологии сознания [10].

С точки зрения онтологического анализа такое состояние политической философии детерминировано сложным социальным процессом, когда власть и политика фактически разорваны. Политика, которая со времён Платона и Аристотеля мыслилась в диалектическом противоречии общественного и частного, сегодня метафизически, часто волонтивно закрепляется либо в частном, либо в общественном. В угоду меняющемуся ходу социального времени власть представляется

временной, изменчивой, тогда как институты политики мыслятся полностью стабильными и неизменными [5]. Отождествление власти с медиа позволяет «опустошить» политику изнутри: она выступает средством привлечения общественного внимания. Фактически политическая философия начинает оправдывать низведение политики до социального скандала. И если Фуко при всём своём «бунте» против традиционного отождествления политики и государства настаивает на автономности политики, хотя бы в стремлении исключительно укреплять и усиливать саму себя вне субъектов управления [12], то сегодня политическая философия в шаге от признания возможности замены политики, например, системой эмоционального интеллекта.

Заключение

Таким образом, анализ исследований в области политической философии убедительно показывает, что социальные трансформации действительно требуют разработки нового онтологического основания политики как самостоятельного феномена общественного сознания и института культуры. Изменение экономической сферы снижает эффективность традиционного исследования политики в явлениях надстройки. Но и предложенные варианты в рамках постмодернистских подходов не уменьшают область рисков, в том числе и в социальной практике. Представляется, что в условиях нарастания коммуникаций и возрастания роли информации политика с необходимостью должна рассматриваться в сфере новых форм диалога [18].

Список источников

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2005. 390 с.
2. Бурдьё П. Практический смысл. СПб. : Алетейя, 2001. 562 с.
3. Жилина В. А. Социотехническая системность и универсальность современной инженерии: Homo Technology // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. 2023. Т. 21, № 1. С. 109–117.
4. Жилина В. А., Жилина Е. А. Самозамкнутость идентификации современного человека // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 10 (468). С. 24–30.
5. Кастельс М. Власть коммуникации. М. : ВШЭ, 2020.
6. Левин С. К. Интервью с Майклом Мардером автором книги «Философия свалки: феноменология опустошения» // Экопоэзис: экогуманитарные теория и практика. 2022. Т. 3, № 1 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intervyu-s-mayklom-mardrom-avtorom-knigi-filosofiya-svalki-fenomenologiya-opustosheniya> (дата обращения 01.09.2023).
7. Маклюен М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М. : Кучково поле, 2003. 464 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Тезисы о Фейербахе // Соч. 2-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1955. Т. 3. С. 17–22.

9. Ницше Ф. Воля к власти. М. : Азбука, 2021. 448 с.
10. Серл Дж. Открывая сознание заново. М. : Идея-Пресс, 2001. 141 с.
11. Фромм Э. Бегство от свободы. М. : АСТ, 2017. 288 с.
12. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. М. : Праксис, 2002. 384 с.
13. Blok V. Politics versus Economics Philosophical Reflections on the Nature of Corporate Governance // *Philosophy of Management*. 2020. № 19. P. 69–87. <https://doi.org/10.1007/s40926-019-00118-9>.
14. Gare A. The Philosophy of Anti-Dumping as the Affirmation of Life // *Biosemiotics*. 2023. <https://doi.org/10.1007/s12304-023-09537-8>.
15. Floyd J. Political Philosophy's Methodological Moment and the Rise of Public Political Philosophy // *Society*. 2022. № 59. P. 129–139. <https://doi.org/10.1007/s12115-022-00710-2>.
16. Kestler T. The Motivational Power of Ideas in Institutions and Collective Action // *Human Studies*. 2023. № 46. P. 59–78. <https://doi.org/10.1007/s10746-023-09661-x>.
17. Mendus S. Contingency in Political Philosophy // *Philosophia*. 2017. № 45. P. 477–486. <https://doi.org/10.1007/s11406-016-9802-z>.
18. Simpson E. Practical Reasonableness: Some Epistemic Issues // *The Journal of Value Inquiry*. 2013. № 47. P. 135–145. <https://doi.org/10.1007/s10790-013-9367-z>.

References

1. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo. Moscow, Logos Publ.; 2005. 390 p. (In Russ.).
2. Burd'e P. Prakticheskij smysl. St. Petersburg, Aletejya Publ.; 2001. 562 p. (In Russ.).
3. Zhilina VA. Sociotekhnicheskaya sistemnost' i universal'nost' sovremennoj inzhenerii: Homo Technology. *Vestnik Magnitogorskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta imeni GI Nosova*. 2023;21(1):109-117. (In Russ.).
4. Zhilina VA, Zhilina EA. Samozamknutost' identifikacii sovremennogo cheloveka. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022;(10(468):24-30. (In Russ.).
5. Kastel's M. Vlast' kommunikacii. Moscow, 2020. (In Russ.).
6. Levin SK. Interv'y u Majklom Marderom avtorom knigi "Filosofiya svalki: fenomenologiya opustosheniya". *E'kopoe'zis: e'kogumanitarnye teoriya i praktika*. 2022;3(1). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/intervyu-s-mayklom-marderom-avtorom-knigi-filosofiya-svalki-fenomenologiya-opustosheniya> (In Russ.).
7. Maklyuen M. Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka. Moscow, Kuchkovo pole Publ.; 2003. 464 p. (In Russ.).
8. Marks K., Engels F. Tezisy o Fejrbaxe. In: Collection works. 2nd ed. Moscow; 1955. Vol. 3. Pp. 17–22. (In Russ.).
9. Niczsche F. Volya k vlasti. Moscow, Azbuka Publ.; 2021. 448 p. (In Russ.).
10. Serl Dzh. Otkryvaya soznanie zanovo. Moscow, Ideya-Press Publ.; 2001. 141 p. (In Russ.).
11. Fromm E. Begstvo ot svobody. Moscow, AST Publ.; 2017. 288 p. (In Russ.).
12. Fuko M. Intellektualy i vlast'. Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu. Moscow, Praksis Publ.; 2002. 384 p. (In Russ.).
13. Blok V. Politics versus Economics Philosophical Reflections on the Nature of Corporate Governance. *Philosophy of Management*. 2020;(19):69-87. <https://doi.org/10.1007/s40926-019-00118-9>.
14. Gare A. The Philosophy of Anti-Dumping as the Affirmation of Life. *Biosemiotics*. 2023. <https://doi.org/10.1007/s12304-023-09537-8>.
15. Floyd J. Political Philosophy's Methodological Moment and the Rise of Public Political Philosophy. *Society*. 2022;(59):129-139. <https://doi.org/10.1007/s12115-022-00710-2>.
16. Kestler T. The Motivational Power of Ideas in Institutions and Collective Action. *Human Studies*. 2023;(46):59-78. <https://doi.org/10.1007/s10746-023-09661-x>.
17. Mendus S. Contingency in Political Philosophy. *Philosophia*. 2017;(45):477-486. <https://doi.org/10.1007/s11406-016-9802-z>.
18. Simpson E. Practical Reasonableness: Some Epistemic Issues. *The Journal of Value Inquiry*. 2013;(47):135-145. <https://doi.org/10.1007/s10790-013-9367-z>.

Информация об авторе

В. А. Жилина — доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии.

Information about the author

V. A. Zhilina — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy.

Статья поступила в редакцию 28.08.2023; одобрена после рецензирования 01.09.2023; принята к публикации 05.09.2023.

The article was submitted 28.08.2023; approved after reviewing 01.09.2023; accepted for publication 05.09.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА

MAN, SOCIETY, CULTURE

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 7 (477). С. 21–26.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(7(477):21-26. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 304.2

doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-21-26

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ НЕЙРОСЕТИ — БУДУЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО МИРА

Владислав Олегович Саяпин

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Тамбов, Россия, vlad2015@yandex.ru, ORCID 0000-0002-6588-9192

Аннотация. Показано, что искусственные нейросети с глубоким машинным обучением нового поколения являются ведущей технологией зарождающегося нового цифрового уклада. По мере того, как эти искусственные нейросети в дальнейшем будут развиваться, они будут создавать проблемы во многих отраслях функциональной системы мировой экономики. Всё это поднимает важную проблему того, как грядущий цифровой социум сможет обеспечить людей работой. В настоящее время человечеству необходимо акцентировать внимание на тех образовательных профессиональных программах обучения, повышения квалификации и переподготовки, которые будут востребованы в будущем.

Ключевые слова: ChatGPT, чат-бот, искусственный интеллект, нейросеть, цифровой социум

Для цитирования: Саяпин В. О. Интеллектуальные нейросети — будущий потенциал цивилизационного развития цифрового мира // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 7 (477). С. 21–26. doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-21-26.

Original article

INTELLIGENT NEURAL NETWORKS — THE FUTURE POTENTIAL OF THE CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT OF THE DIGITAL WORLD

Vladislav O. Sayapin

Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia, vlad2015@yandex.ru, ORCID 0000-0002-6588-9192

Abstract. The article shows that artificial neural networks with deep machine learning of a new generation are the leading technology of the emerging new digital way. As these artificial neural networks continue to develop, they will create problems in many branches of the functional system of the world economy. All this raises an important problem about how the coming digital society will be able to provide people with work. Currently, humanity needs to focus on those educational professional training programs, advanced training and retraining that will be in demand in the future.

Keywords: ChatGPT, chat-bot, artificial intelligence, neural network, digital society

For citation: Sayapin VO. Intelligent neural networks — the future potential of the civilizational development of the digital world. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(7(477):21-26. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-21-26.

Введение

В настоящее время полемику об интеллектуальных способностях робототехнических систем (генеративно-состязательных сетей, чат-ботах,

свёрточных нейронных сетей и т. д.) можно встретить повсюду: на телевидении, радио, в сети Интернет, на страницах глянцевого журнала и т. д. И это действительно так. Нынешние генеративно-состязательные сети и чат-боты, на наш взгляд, это не только искусственные нейросети

с глубоким машинным обучением нового поколения, но и наиболее перспективные технологии современного искусственного интеллекта. Но такое положение дел относительно перспектив искусственного интеллекта имело место и в прошлом, и неизменно периоды подъёма и увлечённости такими технологиями сменялись досадой и огорчением. Где уверенность в том, что и опять подающие надежды технологии искусственного интеллекта нового поколения окажутся достижимыми? Поэтому рассмотрим, чем же современный научно-технический прогресс в создании искусственного интеллекта нового поколения отличается от того, что происходило ранее?

Итак, по мнению многих отечественных социальных исследователей, в первой четверти XXI в., на границе двух технологических укладов, уходящего индустриального уклада и зарождающегося нового цифрового уклада, наступает время «настойчивого отстаивания» искусственным интеллектом своих интересов [1–9]. Вместе с тем в этот переходный период сосуществования двух технологических укладов люди всё больше сталкиваются со своими ограниченными естественными интеллектуальными ресурсами по освоению суммарного мирового объёма накопленных знаний. Сегодня такое развитие событий представляет большую проблему для человечества, так как этот общий «багаж» знаний является важнейшим «инструментом» по управлению функциональной системой мировой экономики.

Так, например, рынок больших данных ежегодно растёт на 13,4 %, а значит, что к 2029 г. он увеличится до 655,53 млрд долл. (271,83 млрд долл. в 2022 г.) [10]. Кроме того, объём всех накопленных человечеством в 2022 г. данных составил 97 Збайт, а к 2025 г. этот объём возрастет до 180 Збайт¹. Что касается народонаселения планеты, то, по оценкам фонда ООН в области народонаселения, оно к концу 2022 г. составило 8 млрд человек [11]. Динамика роста численности населения с 1960 г. движется по прямой линии — это увеличение народонаселения планеты примерно за 12 лет на 1 млрд человек [12]. Таким образом, в современности суммарный объём накопленных знаний, который является определяющим фактором в развитии жизнедеятельности

¹ Один зеттабайт — это миллиард терабайт. Если все объёмы существующих сегодня данных запаковать на жёсткие диски объёмом в терабайт каждый и поставить их один на другой, то общая высота полученной башни будет в два раза больше, чем расстояние от Земли до Луны.

людей, растёт в разы быстрее, чем линейно растущий общий объём их естественной памяти (количество людей на планете).

Ещё в конце XX в. учёные установили, что объём накопленных знаний в мире будет удваиваться каждые 18 месяцев, то есть этот объём будет расти экспоненциально, и до последнего времени так и было. Однако сейчас накопленных знаний настолько много, что иногда даже возникают технические преграды для их хранения. Кроме того, при таком стремительном росте объёма накопленных знаний часть этого объёма остаётся нетронутой в силу того, что возможности естественного интеллекта (человеческого мозга) ограничены.

Необходимо подчеркнуть, что ответом на этот вызов человечеству в первой четверти XXI в. планируется ускоренное создание развитых компьютерных технологий и технологий сети Интернет, наделённых искусственным интеллектом. Так, по мнению социального исследователя и эксперта по искусственному интеллекту Э. М. Пройдакова, компьютерные программы, созданные на основе искусственного интеллекта, способны не только давать точные ответы, создавать тексты, писать рабочие скрипты, но и формировать определённые научные выводы, то есть получать и презентовать знания, которые в эти программы не закладывались программистами [8. С. 130].

Безусловно, появление в ближайшем будущем таких технических и программных интеллектуальных помощников позволило бы человечеству вынести часть алгоритмов из «головы человека» в цифровую среду, где задачи по накоплению, хранению и использованию знаний исполняются в миллиарды раз быстрее. Именно, компьютерные технологии и технологии сети Интернет, дополненные технологиями искусственного интеллекта нового поколения — генеративно-составительными нейросетями или чат-ботами, и способны, по нашему мнению, раскрыть истинный потенциал цивилизационного развития грядущего цифрового социума.

Теория нейронных сетей — цивилизационный подход

Почему собственно искусственный интеллект нового поколения? В этом случае ответ очевиден. Сегодня компьютерный потенциал текущего индустриального технологического уклада представляет собой недорогой и важный ресурс для начального этапа становления цифрового технологического уклада. Но, несмотря на это, нынеш-

него компьютерного потенциала в будущем все-таки явно будет недостаточно для роста цифровой экономики. И причиной этому является то, что по сравнению с общими накопленными человеческими знаниями общее количество всех когда-либо созданных компьютерных алгоритмов ничтожно мало. Иными словами, компьютерные технологии и интернет-технологии быстры, но не наделены интеллектом в полном смысле этого слова. То есть не наделены таким искусственным интеллектом, который в рамках глубокого машинного обучения имеет возможность не только самообучаться, но и создавать эвристические компьютерные программы для решения сложных задач и успешно решать эти задачи.

Можно считать установленным тот факт, что сегодня принятие значительной части решений, как и прежде, остаётся за человеком, а компьютер исполняет лишь комплементарную роль, выполняет те операции, которые получилось формализовать, стандартизировать и автоматизировать. Процесс представления человеческих знаний в виде формальной логики идёт весьма медленно, так как создание подобных алгоритмов (формирование последовательности инструкций) происходит небольшим количеством разработчиков программного обеспечения. В этом случае объём знаний в компьютерных программах имеет предел, который ограничен совокупными знаниями программистов, а их сегодня на несколько порядков меньше общего объёма накопленных человеческих знаний.

Поэтому, если компьютерные алгоритмы будут создаваться и дальше программистами, то освоение всего суммарного объёма накопленных знаний, с учётом его постоянного и стремительного обновления, может затянуться на сотни лет. Единственное решение данной проблемы, например, переадресовать формирование компьютерных алгоритмов технологиям искусственного интеллекта нового поколения — генеративно-состязательным нейросетям (сокращённо — GAN). Эти уникальные и перспективные нейросети не только могут анализировать, запоминать и воспроизводить из памяти различные входящие в них знания, но самостоятельно обучаться и развиваться на своих ошибках. Именно этот технологический процесс глубокого машинного обучения, наделяющий компьютеры способностью учиться на своём опыте, и станет в будущем той важнейшей технологией искусственного интеллекта, которая сможет отрегулировать стабильность мировой экономической функциональной

системы и стать «пропуском» в новый цифровой социум.

Важнейшая цель создания генеративно-состязательных нейросетей — это воспроизвести нервную систему человека и в дальнейшем создать работающую искусственную модель головного мозга. Подобное состязательное и глубокое машинное обучение нейросетей, по мнению французского учёного Яна Лекуна, является самой впечатляющей технологией искусственного интеллекта за последние десять лет [13].

Сегодня становится очевидным, что только глубокое машинное обучение генеративно-состязательных нейросетей способно в короткие сроки резко повысить потенциал искусственного интеллекта до определённого уровня человеческого мышления. В этом случае в алгоритмах искусственного интеллекта создаются рекурсивные условия для вложения одних идей в другие, и тем самым адаптируются уровни «мыслительной» деятельности этого машинного разума.

Однако зададимся вопросом: что же представляет собой искусственная нейронная сеть?

Искусственная нейронная сеть является математической моделью, где её логические и гибкие структуры (алгоритмы и аппаратная архитектура) выстроены многослойно (глубоко), по аналогии с сетями нервных клеток человека. Другими словами, искусственная нейросеть — это совокупность миллиардов искусственных нейронов, структурно сопряжённых между собой «искусственными аксонами»¹ и объединённых в три типа слоёв этих вычислительных единиц: 1) входной слой, отвечающий за получение сообщений; 2) скрытый слой, «осмысливает» и обрабатывает входящую информацию; 3) выходной слой, выдаёт ответ внешней среде. При этом в ходе своей работы каждый слой искусственной нейросети постоянно совершенствуется и решает задачи, связанные с обучением. Различают два вида глубокого машинного обучения искусственных нейронных сетей — обучение без учителя и обучение с учителем.

Во-первых, к искусственным нейронным сетям глубокого машинного обучения без учителя относятся генеративно-состязательные нейросети, которые представляют для учёных наибольший интерес. Генеративно-состязательная нейросеть (англ. Generative adversarial network) — это модель машинного обучения, которая на базе

¹ Искусственные аксоны передают электрические импульсы от одних искусственных нейронов к другим.

программной каркасной платформы — «фреймворка»¹ — имитирует заданное распределение данных. Впервые такую модель глубокого машинного обучения без учителя в 2014 г. описал вместе со своими коллегами учёный-компьютерщик Ян Гудфеллоу [14]. В данной модели «машинный интерфейс» генеративно-состязательной сети буквально «завязан» на работу двух нейронных сетей. В связи с этим одна из нейронных сетей научена генерировать данные (генеративная модель), а другая — отличать смоделированные данные от истинных (дискриминативная модель). Отсюда и «состязательный» характер данной комбинированной модели — две нейронные сети соревнуются друг с другом, где выигрыш одной сети равен проигрышу другой.

Следовательно, главная идея построения генеративно-состязательной сети с глубоким машинным обучением без учителя основана на косвенном «машинном обучении» — она спонтанно обучается без программиста². Поэтому такая модель генеративно-состязательной сети сама себе строит логическую цепочку и усваивает понимание этих действий, ориентируясь лишь на вводные информационные сведения. Стало быть, генеративно-состязательные сети благодаря информационным сигналам из внешней среды завершают текущие операции и одновременно с завершением этих операций подготавливают следующие операции.

Во-вторых, к искусственным нейронным сетям глубокого машинного обучения с учителем относятся свёрточные нейронные сети, которые дали новый сверхчеловеческий потенциал технологиям: визуального распознавания образов, различения голоса или звуков, прогнозирования и т. д. Отсюда следует, что искусственные нейросети глубокого машинного обучения с учителем подходят к технологиям для решения задач, в которых известен требуемый результат.

Механизм обучения таких искусственных нейросетей заключается в том, что на «входные структуры» этой сети подаются информация и после её внутрисистемной обработки ожидают по-

лучить правильный результат. В дальнейшем этот результат сравнивают с эталоном. Кроме того, если результат ошибочен, то многократным повторением данных операций по вводу информации добиваются минимальной разницы между текущими результатами и эталонным образцом.

Можно отметить, что глубокое машинное обучение искусственных нейросетей завоёвывает популярность, и именно в нынешнее время, и этому способствуют следующие научно-технические открытия:

1) суммарный объём накопленных знаний стал колоссален, и это послужило стимулом и неким смыслом в обучении искусственных нейросетей;

2) появились мощные компьютеры, способные в разы ускорять обучение искусственных нейросетей;

3) теория искусственных нейросетей получила новое практическое содержание, программисты научились предобучать модели многослойных сетей, а также с помощью методики обратного распространения ошибки смогли эти сети дообучать.

Следует подчеркнуть, что нынешней технологией искусственного интеллекта нового поколения, которая уже сегодня может существенно увеличить производительность труда программистов, а в будущем и вовсе их заменить, становится нейросеть ChatGPT от американской компании OpenAI. По многочисленным свидетельствам, новая, четвёртая версия нейросети GPT-4, практически не ошибаясь, довольно быстро пишет программы на языках Python и Java. Кроме того, эта созданная в марте 2023 г. модель GPT-4, в отличие от её предшественницы GPT-3, различает и анализирует не только тексты, но и картинки.

Однако наряду с положительными эмоциями в создании этой новой модели искусственной нейросети с глубоким машинным обучением, у ряда начинающих программистов такая инновация вызывает и определённый страх. Они опасаются, что они останутся без работы. Так, по мнению того же Э. М. Пройдакова, нейросеть GPT-4 «...сильно ускорит темпы разработок, потому что большой проект разбивается на меньшие, те — ещё меньшие, и в итоге получаются небольшие блоки, которые вполне могут быть запрограммированы с помощью таких вот нейросетей. Это, вообще говоря, не очень приятно для начинающих программировать — такой конкурент своеобразный появился. Когда эти модели научатся писать на уровне среднего программиста, это уже будет

¹ Фреймворк — это программная платформа, которая упрощает разработку программного продукта, определяет структуру проекта и помогает удобно объединять в нём разные компоненты.

² Говоря простым языком, этот процесс похож на обучение ребёнка — он учится классифицировать и распознавать объекты, определять взаимосвязь между ними, и день за днём у него это получается всё лучше [15].

серьёзный удар для программистского сообщества. Мне кажется, что до уровня высококлассных специалистов ещё очень-очень далеко. Насколько модель может этому научиться — я пока сильно сомневаюсь» [16].

В итоге новая версия нейросети GPT-4, пусть пока до конца и недостаточно совершенная технология, но эта нейросеть всё-таки является многообещающей и перспективной технологией искусственного интеллекта в области освоения мирового суммарного объёма накопленных знаний. Кроме того, этот уникальный чат-бот уже сегодня, в отличие от многих подобных нейросетей, может: а) выдавать базовый программный код и искать ошибки в нём; б) проводить анализ научных и технических статей; в) давать прогнозы по различным проблемам; г) писать разные сценарии и сочинять стихи, поэмы и эссе; д) вести диалог с человеком и давать ему персональные этичные ответы; е) создавать простой сайт и т. д.

Заключение

Несмотря на то, что искусственные нейросети с глубоким машинным обучением нового поколения являются по существу ведущей технологией зарождающегося нового цифрового уклада, их работа пока ещё очень далека от рекурсивно мыслящей, полноценной работы мозга человека. Однако по мере того, как эти искусственные

нейросети в дальнейшем будут развиваться, они будут создавать проблемы во многих отраслях функциональной системы мировой экономики. В отдельных случаях уже в обозримом будущем искусственные нейросети будут выполнять задачи более эффективно, чем среднего уровня программисты, маркетологи, дизайнеры, банковские работники и т. д.

Всё это поднимает важную проблему того, как грядущий цифровой социум сможет обеспечить людей работой. Решение этой проблемы, по нашему мнению, это концентрация современного социума на создании новых профессий, связанных с разработкой и обслуживанием робототехнических систем, наделённых искусственным интеллектом. Кроме того, в настоящее время человечеству необходимо акцентировать внимание на тех образовательных профессиональных программах обучения, повышения квалификации и переподготовки, которые будут востребованы в будущем.

Таким образом, искусственные нейросети с глубоким машинным обучением в ближайшие несколько лет открывают множество возможностей для людей и упростят их работу. Однако как бы ни были хороши сегодня искусственные нейросети, они пока не заменят полностью программистов, инженеров, музыкантов, художников, писателей и многих других творческих людей.

Список источников

1. Ильясов Ф. Н. Разум искусственный и естественный // Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук. 1986. № 6. С. 46–54.
2. Турчин В. Ф. Феномен науки: кибернетический подход к эволюции. 2-е изд. М. : ЭТС, 2000. 368 с.
3. Терехов В. А., Ефимов Д. В., Тюкин И. Ю. Нейросетевые системы управления. М. : Высшая школа, 2002. 184 с.
4. Ерёмин Д. М., Гарцев И. Б. Искусственные нейронные сети в интеллектуальных системах управления. М. : МИРЭА, 2004. 75 с.
5. Ясницкий Л. Н. Введение в искусственный интеллект. М. : Академия, 2005. 176 с.
6. Савельев А. В. На пути к общей теории нейросетей. К вопросу сложности // Нейрокомпьютеры: разработка, применение. 2006. № 4–5. С. 4–14.
7. Голубев Ю. Ф. Нейросетевые методы в мехатронике. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2007. 157 с.
8. Пройдаков Э. М. Современное состояние искусственного интеллекта // Научно-исследовательские исследования, 2018 : сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям ; отв. ред. А. И. Ракитов. М., 2018. С. 129–153.
9. Николенко С., Кадури А., Архангельская Е. Глубокое обучение. Погружение в мир нейронных сетей. СПб. : Питер, 2020. 480 с.
10. Fortune Business Insights. URL: <https://www.fortunebusinessinsights.com/big-data-analytics-market-106179>. (Дата обращения: 20.05.2023).
11. United Nations Population Fund (UNFPA). URL: <https://www.un.org/en/desa/world-population-reach-8-billion-15-november-2022>. (Дата обращения: 20.05.2023).
12. Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Земли. (Дата обращения: 20.05.2023).

13. Лекун Я. Как учится машина. Революция в области нейронных сетей и глубокого обучения. М. : Интеллектуальная литература, 2021. 351 с.
14. Гудфеллоу Я., Бенджио И., Курвилль А. Глубокое обучение / пер. с англ. А. А. Слинкина. 2-е изд., испр. М. : ДМК-Пресс, 2018. 652 с.
15. Алгоритмы обучения нейронной сети: наиболее распространённые варианты. URL: <https://gb.ru/blog/algoritmy-obucheniya-nejronnoj-seti>. (Дата обращения: 20.05.2023).
16. Заменит ли ChatGPT программистов? URL: <https://www.bfm.ru/news/521595>. (Дата обращения: 20.05.2023).

References

1. Piyasov FN. Artificial and natural mind. *Izvestia of the Academy of Sciences of the Turkmen SSR, Series of Social Sciences*. 1986;(6):46-54. (In Russ.).
2. Turchin VF. The phenomenon of science: A cybernetic approach to evolution. 2nd ed. Moscow; 2000. 368 p. (In Russ.).
3. Terekhov VA, Efimov DV, Tyukin IYu. Neural network control systems. Moscow, Higher School Publ.; 2002. 184 p. (In Russ.).
4. Eremin DM, Gartsev IB. Artificial neural networks in intelligent control systems. Moscow, MIREA; 2004. 75 p. (In Russ.).
5. Yasnitskiy LN. Introduction to Artificial intelligence. Moscow, Academy Publ.; 2005. 176 p. (In Russ.).
6. Savelyev AV. On the way to the general theory of neural networks. On the issue of complexity. *Neurocomputers: development, application*. 2006;(4-5):4-14. (In Russ.).
7. Golubev YuF. Neural network methods in mechatronics. Moscow, Moscow University Publishing House, 2007. 157 p. (In Russ.).
8. Prokhodakov EM. The current state of artificial intelligence. In: Scientific research. Moscow; 2018. Pp. 29–153. (In Russ.).
9. Nikolenko S, Kadurin A, Arkhangelskaya E. Deep learning. Immersion in the world of neural networks. St. Petersburg; 2020. 480 p. (In Russ.).
10. Fortune Business Insights. Available from: <https://www.fortunebusinessinsights.com/big-data-analytics-market-106179>.
11. United Nations Population Fund (UNFPA). Available from: <https://www.un.org/en/desa/world-population-reach-8-billion-15-november-2022>.
12. Wikipedia. Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Population_land.
13. Lekun Ya. How the machine learns. Revolution in the field of neural networks and deep learning. Moscow, Intellectual Literature Publ.; 2021. 351 p. (In Russ.).
14. Goodfellow Ya, Benjio I, Courville A. Deep learning. 2nd ed. Moscow, DMK Press; 2018. 652 p. (In Russ.).
15. Will ChatGPT replace programmers? Available from: <https://www.bfm.ru/news/521595>.

Информация об авторе

В. О. Саяпин — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии.

Information about the author

V. O. Sayapin — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Philosophy.

Статья поступила в редакцию 28.05.2023; одобрена после рецензирования 11.06.2023; принята к публикации 05.09.2023.

The article was submitted 28.05.2023; approved after reviewing 11.06.2023; accepted for publication 05.09.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 35

doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-27-35

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Андрей Андреевич Ковалев

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия, kovalev-aa@ranepa.ru, ORCID 0000-0002-7760-5732

Аннотация. Настоящее исследование посвящено изучению потенциала современных технологий (информационных, психоисторических и когнитивных) в вопросе сохранения национального менталитета, который признан важным элементом национальной безопасности современного государства. Цель исследования — рассмотреть информационные, психоисторические и когнитивные технологии как действенный способ защиты национального менталитета в контексте обеспечения национальной безопасности. Современные технологии имеют высокий потенциал сохранения и защиты национального менталитета. В статье рассмотрены три группы технологий, которые, в свою очередь, конкретизированы отдельными методами. В ходе проведенного исследования был сделан вывод о том, что в условиях возрастающих угроз национальному менталитету, признанному неотъемлемым элементом национальной безопасности современного государства, применение современных технологий может способствовать снижению их негативного влияния в рассматриваемой сфере. Именно поэтому дальнейшее исследование данной проблематики представляется весьма актуальным и перспективным как с научной, так и с прикладной точек зрения.

Ключевые слова: идентичность, информационные технологии, психоисторические технологии, когнитивные технологии, безопасность

Для цитирования: Ковалев А. А. Современные технологии как эффективный способ укрепления национального менталитета в контексте обеспечения национальной безопасности // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 7 (477). С. 27–35. doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-27-35.

Original article

MODERN TECHNOLOGIES AS AN EFFECTIVE WAY TO STRENGTHEN THE NATIONAL MENTALITY IN THE CONTEXT OF ENSURING NATIONAL SECURITY

Andrey A. Kovalev

North-Western Institute of Management — branch of the RANEPa, St. Petersburg, Russia, kovalev-aa@ranepa.ru, ORCID 0000-0002-7760-5732

Abstract. This study is devoted to the study of the potential of modern technologies (information, psychohistorical and cognitive) in the issue of preserving the national mentality, which is recognized as an important element of the national security of a modern state. The purpose of the study is to consider information, psychohistorical and cognitive technologies as an effective way to protect the national mentality in the context of ensuring national security. Modern technologies have a high potential for preserving and protecting the national mentality. The article considers three groups of technologies, which, in turn, are specified by separate methods. In the course of the study, it was concluded that in the face of increasing threats to the national mentality, recognized as an integral element of the national security of a modern state, the use of modern technologies can help reduce their negative impact in this area. That is why further study of this issue seems to be very relevant and promising from both scientific and applied points of view.

Keywords: identity, information technologies, psychohistorical technologies, cognitive technologies, security

For citation: Kovalev AA. Modern technologies as an effective way to strengthen the national mentality in the context of ensuring national security. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(7(477):27-35. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-27-35.

Введение

В современном мире национальная безопасность и развитый национальный менталитет стали ключевыми показателями прогресса и развития любой страны. Их укрепление в контексте реалий настоящего времени должно осуществляться разными способами, в том числе с применением современных технологий (информационных, психоисторических и когнитивных), которые способны эффективно развивать социальные навыки, повышать уровень осведомлённости граждан и усиливать их патриотические чувства.

Применение информационных технологий играет важную роль в укреплении национального менталитета и национальной безопасности. Интернет, социальные сети и мессенджеры позволяют людям свободно обмениваться информацией, общаться, изучать культуру других народов, узнавать новости и получать доступ к полезным сервисам. Технологии многоканальной коммуникации позволяют увеличить масштаб распространения и осведомлённость по национальным, культурным и общественно значимым вопросам, а также качественно улучшить взаимодействие граждан и управленческих органов.

Психоисторические технологии также являются важным компонентом укрепления национального менталитета и национальной безопасности. Они позволяют глубоко изучать психологические особенности граждан, их жизненную ситуацию и поведение в контексте национальной безопасности. Такие технологии включают в себя различные методики исследования, которые помогают понимать особенности менталитета и культуры национального сообщества, определять возможные угрозы и формировать адекватные механизмы защиты национальных интересов [2].

Наконец, значимость когнитивных технологий в отношении рассматриваемой проблематики проявляется в том, что они решают задачи организационного управления, социальной обработки информации и психологического сопровождения деятельности государственных и общественных структур. Такие технологии включают в себя различные методы работы с информацией: эффективное использование баз данных, анализ текстов, искусственный интеллект и другие.

Цель исследования — рассмотреть информационные, психоисторические и когнитивные тех-

нологии как действенный способ защиты национального менталитета в контексте обеспечения национальной безопасности.

На основании сформулированной цели были поставлены следующие задачи:

1. Изучить роль информационных технологий в укреплении национального менталитета и, как следствие, обеспечении национальной безопасности.
2. Исследовать психоисторические технологии в качестве эффективного метода для решения задач в контексте обеспечения национальной безопасности и сохранения национального менталитета.
3. Проанализировать значение когнитивных технологий в вопросах защиты национального менталитета и повышения уровня национальной безопасности.

Материалы и методы исследования

Ведущим методом исследования выступает философско-антропологический подход. С его помощью предоставляется возможность изучить глубинные пласты человеческой жизнедеятельности, сформированные в далёком прошлом, но актуальные по настоящее время. Такие категории, как идентичность, саморефлексия, приверженность традициям, установки, органично раскрываются с помощью применяемого подхода. Также с его помощью можно раскрыть потенциал современных технологий в контексте взаимодействия с человеком (обществом), его характером (в том числе национальным) и предсказать его положительные и отрицательные реакции по использованию тех или иных технологий с целью сохранения национального менталитета и обеспечения национальной безопасности.

Настоящее исследование посвящено раскрытию потенциала современных технологий в контексте защиты национального менталитета в условиях возрастающих угроз национальной безопасности современного государства. Поэтому статья состоит из трёх частей, в каждой из которых рассмотрены конкретные методы из числа исследуемых технологий (информационных, психоисторических и когнитивных), позволяющих повысить уровень национальной безопасности путём укрепления национального менталитета.

Результаты исследования и их обсуждение

Под национальным менталитетом необходимо понимать «своеобразный тип, образ мышления, специфический способ восприятия и осознания объективной реальности определённой нации» [8. С. 233]. Национальная безопасность, согласно Стратегии национальной безопасности России от 2021 г., определяется как «состояние защищённости национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, её независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны» [11].

Защита национального менталитета признана в современной России одним из важнейших направлений обеспечения национальной безопасности [12]. Таким образом, угрозы национальному менталитету подрывают национальную безопасность и нивелируют принцип народосбережения, на которую взяла курс современная российская политическая элита.

В рамках настоящего исследования рассмотрены возможности современных технологий (информационных, психоисторических и когнитивных), направленные на устранение угроз национальному менталитету, его защиту и повышение уровня национальной безопасности.

Информационные технологии. Итак, информационные технологии — это «совокупность взаимосвязанных технологических методов, процессов, операций, преобразующих информацию, квалифицированного персонала, и системы социально-экономических отношений», обладающих такими признаками, как оперативность, адаптивность, сетевые характеристики [7. С. 21]. Информационные технологии присутствуют во всех сферах жизнедеятельности современного государства и общества, поэтому необходимо привлечь эту развивающуюся область к защите национального менталитета и обеспечения национальной безопасности.

Так, в рамках применения информационных технологий в качестве метода по защите национального менталитета и обеспечения национальной безопасности важное место занимают *социальные сети*. На сегодняшний день социальные сети и медиа имеют глобальное значение, в том числе это относится и к укреплению национального менталитета. Социальные сети являются

незаменимым инструментом для распространения культурных ценностей и продвижения исторического наследия нации, тем самым они взаимосвязаны с национальным менталитетом.

Социальные сети способны к быстрому распространению информации и созданию реакций в режиме реального времени. Такое их свойство может быть использовано для популяризации и актуализации традиций, обрядов, ремёсел, народного искусства и других элементов культуры, это оказывает благотворное влияние на сохранение менталитета нации.

Кроме того, в социальных сетях можно проводить дискуссии и обмениваться взглядами в режиме онлайн, что помогает узнавать и закреплять нормы поведения и общие ценности, определяющие национальный менталитет.

Значение социальных сетей в укреплении национального менталитета раскрывается так:

1. Проведение онлайн-акций и конкурсов. В социальных сетях можно проводить конкурсы на лучший танец, самый красивый национальный костюм и т. п. Это не только помогает сохранить традиции и ремёсла, но и включает в общественный диалог молодое поколение, что способствует сохранению национального менталитета.

2. Создание страниц, посвящённых национальным интересам: национальной кухне, национальным праздникам и пр. Это помогает знакомиться с общими ценностями и создавать общую культуру у разных национальных групп.

3. Организация онлайн-фестивалей. Эта мера позволяет объединять народы со всего мира в рамках общего культурного движения, а также помогает обогащать национальную культуру и общие ценности благодаря взаимодействию культур разных наций.

4. Продвижение знаний об иностранных культурах и языках. Это помогает расширить кругозор и избежать культурного изоляционизма и агрессивного национализма.

Электронные образовательные ресурсы как одно из средств информационных технологий играют немаловажную роль в сохранении культурного наследия и укреплении национального менталитета. С использованием этих ресурсов появляется возможность обеспечить доступ к знаниям и информации о культурных и исторических аспектах отечественной национальной идентичности, а также улучшить качество образования в целом.

Электронные образовательные ресурсы являются важным инструментом, который позволяет

совершенствовать процесс преподавания и обучения. Ресурсы этого типа позволяют учителям и преподавателям использовать более эффективные методы обучения, основанные на новейших технологиях, таких как видеоуроки, мультимедийные презентации, онлайн-курсы, игры и другие интерактивные формы обучения.

По сравнению с традиционными учебными материалами, электронные образовательные ресурсы обеспечивают более глубокое и широкое понимание культурного наследия и национального менталитета. Также эти ресурсы предоставляют учащимся возможность самостоятельно изучать и исследовать различные аспекты родной культуры, что может быть особенно ценно для тех, кто живёт вдали от своей родины или не имеет возможности учиться в традиционной образовательной среде [10].

Поскольку культурное наследие и национальный менталитет являются важными компонентами национальной идентичности, электронные образовательные ресурсы могут значительно способствовать укреплению этой идентичности. Они обеспечивают не только более доступное и широкое распространение знаний о национальном культурном наследии, но и позволяют сформировать среду, в которой молодое поколение может укрепить национальную идентичность и почувствовать себя частью единого целого.

Следует отметить, что для эффективного использования электронных образовательных ресурсов необходимо развивать соответствующую инфраструктуру и обеспечивать доступность учебного контента для всех желающих. Необходимо также обеспечить всем необходимым квалифицированных преподавателей, которые могут использовать эти ресурсы в своей работе и создавать качественные курсы и обучающие материалы.

В настоящее время человечество всё чаще сталкивается с вызовами глобальной цифровизации, поэтому именно сейчас сохранение культурного наследия и укрепление национального менталитета становятся одним из приоритетных направлений в вопросах обеспечения национальной безопасности. Электронные образовательные ресурсы могут значительно помочь в этом деле, обеспечивая доступность и эффективность обучения и помогая не только сохранять, но и развивать культурное наследие и укреплять национальный менталитет.

Программное обеспечение, которое способствует расширению кругозора и формированию инте-

реса к традициям и культуре, является важным инструментом в укреплении национального менталитета. В современном мире, где информационные технологии прочно вошли в повседневную жизнь, программное обеспечение играет ключевую роль в предоставлении доступа к информации и развитию образования и культуры [1].

Развитие интереса к национальной культуре и традициям не только способствует сохранению культурного наследия народа, но и укрепляет национальный менталитет и поддерживает патриотические чувства в обществе. Программное обеспечение может эффективно использоваться в этом процессе, предоставляя пользователю доступ к различным формам национального наследия, включая литературу, искусство, музыку, традиции и обычаи.

Сюда можно отнести, например, приложение для чтения электронных книг из категории национальной литературы. Такое приложение может предоставлять пользователю доступ к широкому спектру произведений на родном языке, в том числе к прозе, поэзии, драматургии, научно-популярной литературе и другим жанрам. Это приложение может также содержать информацию о жизни и творчестве писателей, исторические данные о периоде, в котором были написаны произведения, и другие сведения, важные для полного понимания литературного наследия.

Другим примером может быть виртуальный музей, который даёт пользователю возможность ознакомиться с национальным искусством и культурой, не выходя из своего дома или классной комнаты. Виртуальный музей может предоставлять доступ к экспонатам, которые недоступны для обычных посетителей, например, к редким книгам, манускриптам, картинам, историческим артефактам и т. д. Виртуальный музей может быть также снабжён интерактивными элементами, которые позволяют пользователю «прикоснуться» к культурному наследию. Так, он может ознакомиться с технологией производства национальных ковров, научиться вышивке какого-либо узора или пройти интерактивный квест, связанный с предметами экспозиции.

Психоисторические технологии. Положительную роль в вопросах сохранения и защиты национального менталитета как неотъемлемого элемента национальной безопасности способны сыграть психоисторические технологии, которые раскрываются с помощью нескольких методов и под которыми понимается изучение характера

(«психотипа») того или иного народа, складывающегося под влиянием исторических событий.

Психоанализ может быть использован в качестве инструмента для изучения национального менталитета, поскольку позволяет выявлять скрытые, но важные для понимания особенности, механизмы и тенденции, определяющие сущность национального менталитета.

Любого человека как представителя национального менталитета определяет множество внутренних мотиваций, скрытых желаний, комплексов, стереотипов и предрассудков, которые необязательно являются осознанными. При использовании методов психоанализа для исследования национального менталитета стоит ориентироваться на архетипы, то есть элементы коллективного бессознательного, которые объединяют устойчивые образы, символы и социальные функции, определяющие национальную самоидентичность [6].

Одним из основных понятий психоанализа является идентификация, то есть процесс психологического соотнесения (сопричастности) человека с личностью другого человека, группой, социальным классом и т. п. Применение этой концепции к исследованию национального менталитета позволяет описать уникальные черты коллективного бессознательного, определяющие менталитет нации, её предпочтения в социальных, политических и культурных плоскостях, а также её отношение к другим народам.

Кроме того, методы психоанализа могут помочь выявить скрытые факторы, которые становятся причинами рисков и угроз для национальной безопасности, такие как историческая травма, конфликты между народами, социальная неустроенность и многие другие.

Достижение компромиссов на национальном уровне и совершенствование национального диалога являются эффективными психоисторическими технологиями для решения задач национальной безопасности.

В настоящее время национальная безопасность включает в себя множество аспектов: военный, экономический, социальный, политический и т. д. Однако национальная безопасность также подразумевает мирный и гармоничный способ существования народов внутри государства, который реализуется с помощью компромисса и диалогов.

Достижение компромиссов на национальном уровне позволяет максимально учитывать интересы всех групп и слоёв населения, созда-

вать так называемый общественный консенсус, что не только делает страну более устойчивой, но и снижает вероятность национальных конфликтов до минимума. Справедливость, уважение, терпимость, конструктивный диалог — это свойства, необходимые для формирования консенсуса и создания благоприятных условий для развития страны.

Установление национального диалога — это ещё один действенный инструмент для решения национальных проблем. В рамках этого процесса важно учесть требования демократичности, гарантии прав и свобод человека, принцип равноправия и справедливости. Национальный диалог является одним из основных механизмов обеспечения преемственности и гармонии в обществе.

Достижение национального единства и интеграция общества на основе общего исторического опыта являются важнейшими психоисторическими технологиями для решения задач национальной безопасности и защиты национального менталитета. Эти процессы реализуются путём развития глубокого понимания общей истории нации и использования этого знания для создания новых культурных ценностей, а также общих целей и задач.

Одним из основных факторов, способствующих достижению национального единства, является признание общей исторической культуры и традиций, которые связывают всех членов нации. Это позволяет создать уникальный национальный идентификатор, который укрепляет единство территориально разнородного населения и способствует развитию гражданского общества в целом.

Другим важным фактором является развитие национального самосознания, которое возможно только при изучении общего исторического опыта нации и признании его значимости для общества. Это позволяет каждому члену общества ощутить свою принадлежность к единой нации и способствует снижению культурного и национального разрывов в обществе.

Преимуществами применения психоисторических технологий являются возможности объединения нации под единым общеисторическим началом, усиления интеграции общества, развития позитивного отношения к общей культуре и истории нации. Ориентация на реализацию психоисторических технологий позволит повысить уровень национальной безопасности и увидеть перспективы на будущее.

Когнитивные технологии. В широком смысле когнитивные технологии можно охарактеризовать как «способы трансформации человеческого поведения, его свойств и качеств за счёт модификации параметров организма (психофизиологических), а также включения человека в гибридные системы и формирование сложных человеко-машинных систем» [4. С. 53]. В контексте рассматриваемой проблематики когнитивные технологии могут использоваться для диагностики угроз и планирования мер по защите национального менталитета в рамках обеспечения национальной безопасности.

На данный момент в сфере обеспечения национальной безопасности существует множество угроз — от международного терроризма до кибератак на государственные информационные системы. Представление этих угроз в виде когнитивной карты позволит проанализировать связи между различными угрозами и определить их приоритетность. Когнитивные карты представляют собой конструирование образа пространства вокруг, которое является для субъекта знакомым [9].

Когнитивные карты могут помочь в планировании мер по обеспечению национальной безопасности. Графическое представление данных организует их в логическую систему и предоставляет возможность проанализировать различные сценарии и их последствия. Например, когнитивная карта может помочь оценить эффективность мер по защите информационной инфраструктуры от кибератак или показать, как отдельные угрозы могут взаимодействовать между собой и привести к компрометации национальной безопасности.

Однако когнитивные карты имеют и недостатки. Например, они могут быть неполными или неточными, так как информация в когнитивной карте зависит от знаний и взглядов сотрудников, занимающихся её составлением. Кроме того, структура когнитивной карты может оказывать влияние на принимаемые решения, так как отдельные узлы могут быть отнесены к разным уровням иерархии, что может привести к неправильной оценке приоритетности угроз.

Несмотря на эти ограничения, когнитивные карты могут быть удобным и эффективным инструментом для диагностики угроз и планирования мер по повышению уровня национальной безопасности. Когнитивные карты как разновидность когнитивных технологий могут дополнить традиционные методы анализа данных и помочь

усовершенствовать процесс принятия решений в области обеспечения национальной безопасности.

Системы раннего предупреждения потенциальных конфликтов являются когнитивными технологиями, актуальными в контексте рассматриваемой проблематики. Они основаны на различных методах и подходах [5]. В первую очередь системы раннего предупреждения основываются на обработке большого объёма информации, которая поступает из различных источников. Для этого используются современные методы машинного обучения и искусственного интеллекта.

Вторым важным аспектом является принятие решений на основе данных. Здесь используются методы анализа данных и статистического моделирования, которые позволяют определять вероятность возникновения конфликтов. Также применяются методы экспертных оценок и моделирования вариантов взаимодействий между различными сторонами.

Третьим важным аспектом является разработка механизмов быстрого реагирования на потенциальные конфликты. Для этого используются различные стратегии дипломатического воздействия и превентивных операций.

Также необходимо рассмотреть когнитивные технологии, которые *повышают управляемость и оперативность государственного управления* в условиях угроз национальной безопасности и являются важным фактором в её обеспечении [3]. Здесь необходимо добиться улучшения качества принимаемых решений, ускорения их реализации и объективной оценки эффективности действий.

Одной из основных задач государственного управления в области обеспечения национальной безопасности является своевременное обнаружение угроз и реагирование на них. Когнитивные технологии могут помочь в этом, предоставив информацию и позволив провести анализ, необходимые для принятия правильных и грамотных решений.

Процесс принятия решений в области национальной безопасности должен основываться на комплексном анализе множества факторов и переменных. К наиболее важным из них можно отнести информацию о территории, экономической ситуации, общественном состоянии, культурных особенностях и т. д.

Использование когнитивных технологий позволяет в режиме реального времени получать и анализировать информацию, обрабатывать

множество структурированных и неструктурированных данных, а также находить паттерны и тренды, которые могут указывать на возможные угрозы и риски для национальной безопасности.

Важным фактором в применении когнитивных технологий является обучение персонала. Чтобы эффективно использовать эти инструменты, государственные служащие должны не только оперировать информацией, но и уметь правильно интерпретировать полученные данные. Также необходимо иметь определённые навыки в области информационной безопасности, чтобы минимизировать риски утечки конфиденциальной информации.

Заключение

В современном мире, где национальная безопасность является одним из главных приоритетов, применение информационных, психоисторических и когнитивных технологий для укрепления национального менталитета как важной части национальной безопасности является необходимым и ответственным мероприятием. Эти технологии помогают формировать в обществе определённые ценности, которые способствуют укреплению национального менталитета и национальной идентичности.

Как показывают исследования, информационные технологии являются одним из ключевых инструментов для создания эффективной системы национальной безопасности. Они помогают собирать, анализировать и хранить большие объёмы информации, что позволяет быстро реагировать на любые угрозы и предотвращать их возникно-

вание. Также с помощью информационных технологий появляется возможность формировать общественное мнение и контролировать поток информации, что в результате положительно влияет на национальный менталитет в контексте обеспечения национальной безопасности.

Психоисторические технологии помогают понимать историю нации и её традиции, что повышает национальную самооценку и самосознание. Эти технологии прививают знания о национальной культуре и истории, а также позволяют сохранять культурное наследие страны, что повышает её конкурентоспособность на международной арене и укрепляет изнутри.

Когнитивные технологии способствуют формированию у общества определённого набора ценностей, норм и правил поведения, которые укрепляют национальный менталитет как неотъемлемый элемент национальной безопасности государства. Такие технологии формируют определённую систему мировоззрения, которая облегчает идентификацию угроз и повышает готовность к действиям в непредвиденных и неординарных ситуациях.

Таким образом, в условиях возрастающих угроз национальному менталитету, признанному важным элементом национальной безопасности современного государства, применение современных технологий может способствовать снижению их негативного влияния в рассматриваемой сфере. Именно поэтому дальнейшее исследование данной проблематики представляется весьма актуальным и перспективным как с научной, так и с прикладной точек зрения.

Список источников

1. Володченко В. С., Ланцова Д. С., Миронова Т. А. Понятие и классификация информационных технологий // *Достижения науки и образования*. 2020. № 12 (66). С. 41–43.
2. Воронов М. В. Мягкая сила как оружие против нашей ментальности // *Образ Родины: содержание, формирование, актуализация* : материалы V Международной научной конференции. М., 2021. С. 98–103.
3. Малыгин И. Г., Комашинский В. И. От военной системы связи к военной когнитивной информационно-телекоммуникационной системе // *Современные информационные технологии и ИТ-образование*. 2018. Т. 14, № 3. С. 633–638. doi: 10.25559/SITITO.14.201803.633-638.
4. Манохина Н. В. Когнитивные технологии и их роль в современной экономике // *Новый университет*. 2014. № 2 (36). С. 52–54.
5. Медушевский А. Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования (часть 1) // *Вопросы теоретической экономики*. 2023. № 2. С. 85–98. doi: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_85_98
6. Михонов В. В., Чебуркова А. М., Яковлева Е. С. Коллективное бессознательное как основа ментальности // *Седьмые Колачевские чтения* : материалы VII Всероссийской молодёжной научно-практической конференции. М., 2022. С. 161–162.

7. Мотовиц Т. Г., Колесова В. Г., Бондаренко Т. Н., Колесов Н. А. Понятие информационных технологий в современной экономической литературе // Учёные заметки ТОГУ. 2015. Т. 6, № 4. С. 19–22.
8. Овдиенко Д. А. Менталитет как социокультурный и исторический феномен // Вопросы крымско-татарской филологии, истории и культуры. 2019. № 7. С. 233–238.
9. Пырнова О. А., Зарипова Р. С. Когнитивные технологии и их роль в развитии современного общества // Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. 2020. № 1 (19). С. 74–76.
10. Рассказов Л. Д. Философский анализ кризисных аспектов формирования менталитета российской молодёжи и студентов в условиях трансформации образования // The Newman in Foreign Policy. 2021. Т. 3, № 60 (104). С. 47–55.
11. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальные сетевые ресурсы Президента России [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 24.08.2023).
12. Шпразяддинова А. А. Роль и значение национального менталитета в эпоху глобализации // Форум молодых учёных. 2021. № 4 (56). С. 445–448.

Referenses

1. Volodchenko VS, Lantsova DS, Mironova TA. Ponyatie i klassifikatsiya informatsionnykh tekhnologiy. *Dostizheniya nauki i Obrazovaniya = Achievements of Science and Education*. 2020;(12):41-43. (In Russ.).
2. Voronov MV. Myagkaya sila kak oruzhie protiv nashey mental'nosti. In: *Obraz Rodiny: sodержanie, formirovanie, aktualizatsiya = Image of the Motherland: content, formation, actualization*. Proceedings of the V International Scientific Conference. Moscow; 2021. Pp. 98–103. (In Russ.).
3. Malygin IG, Komashinsky VI. Ot voennoy sistemy svyazi k voennoy kognitivnoy informatsionno-telekommunikatsionnoy sisteme. *Sovremennye informatsionnye tekhnologii i IT-obrazovanie = Modern Information Technologies and IT Education*. 2018;14(3):633-638. doi: 10.25559/SITITO.14.201803.633-638. (In Russ.).
4. Manokhina NV. Kognitivnye tekhnologii i ikh rol' v sovremennoy ekonomike = Cognitive technologies and their role in the modern economy. *Novyy universitet = New University*. 2014;(2):52-54. (In Russ.).
5. Medushevsky AN. Kognitivnaya voyna: sotsial'nyy kontrol', upravlenie soznaniem i instrument global'nogo dominirovaniya (chast' 1). *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki = Questions of Theoretical Economics*. 2023;(2):85-98. doi: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_85_98. (In Russ.).
6. Mikhonov VV, Cheburkova AM, Yakovleva ES. Kollektivnoe bessoznatel'noe kak osnova mental'nosti = Collective unconscious as the basis of mentality. In: *Seventh Kolachev Readings: Proceedings of the VII All-Russian Youth Scientific and Practical Conference*. Moscow; 2022. Pp. 161–162. (In Russ.).
7. Motovits TG, Kolesova VG, Bondarenko TN, Kolesov NA. Ponyatie informatsionnykh tekhnologiy v sovremennoy ekonomicheskoy literature. *Uchenye zametki TOGU = Scientific Notes of TOGU*. 2015;6(4):19-22. (In Russ.).
8. Ovdienko DA. Mentalitet kak sotsiokul'turnyy i istoricheskiy fenomen. *Voprosy krymsko-tatarskoy filologii, istorii i kul'tury = Questions of Crimean Tatar Philology, History, and Culture*. 2019;(7):233-238. (In Russ.).
9. Pynova OA, Zariyova RS. Kognitivnye tekhnologii i ikh rol' v razvitii sovremennoy ekonomiki. *Informatsionnye tekhnologii v stroitel'stve, sotsial'nykh i ekonomicheskikh sistemakh = Information Technologies in Construction, Social and Economic Systems*. 2020;1(19):74-76. (In Russ.).
10. Rasskazov LD. *Filosofskiy analiz krizisnykh aspektov formirovaniya mentaliteta rossiyskoy molodezhi i studentov v usloviyakh transformatsii obrazovaniya = Philosophical analysis of crisis aspects of the formation of the mentality of Russian youth and students in the conditions of education transformation*. The Newman in Foreign Policy. 2021;3(60):47-55. (In Russ.).
11. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 02.07.2021 g. № 400 “O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii” = Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 “On the Strategy of National Security of the Russian Federation”. Ofitsial'nye setevye resursy Prezidenta Rossii [website]. Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>. Accessed: 24.08.2023. (In Russ.).
12. Shrazadidinova AA. Rol' i znachenie natsional'nogo mentaliteta v epokhu globalizatsii. *Forum molodykh uchenykh = Forum of Young Scientists*. 2021;(4):445-448. (In Russ.).

Информация об авторе

А. А. Ковалев — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления.

Information about the author

A. A. Kovalev — Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration.

Статья поступила в редакцию 31.08.2023; одобрена после рецензирования 04.09.2023; принята к публикации 05.09.2023.

The article was submitted 31.08.2023; approved after reviewing 04.09.2023; accepted for publication 05.09.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 130.2

doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-36-41

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ФОРМИРОВАНИЕ НОРМЫ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Константин Михайлович Креписов

ООО «Завод углеродных и композиционных материалов», Челябинск, Россия, krepisov@mail.ru, ORCID 0000-0002-6991-2935

Аннотация. Рассмотрена проблема социальной нормативности, которая актуализирована в условиях коммуникативного информационного общества. Обосновано, что в настоящих реалиях наиболее актуальным представляется исследование роли нормы в поведенческих стратегиях человека. Данная статья исходит из допущения, что норма не может быть сведена к своду правил поведения в качестве внешнего регулятора деятельности человека. В традициях психоанализа и феноменологической школы предложено рассмотрение нормы в единстве интенциональности и рациональности. В сравнительном анализе выводов психологических и социологических наук определено, что норма является мотивационным механизмом деятельности. Раскрыта возможность эволюции нормы от признания в качестве внешнего стимула до внутреннего фактора действия. Проанализированы подходы к норме как форме равновесия состояния общественных отношений. Особое внимание уделено состоянию нормы как сочетанию гипотетического наказания и степени внутренней чувствительности человека к норме. Предпринята попытка критики тезиса о безусловной природе некоторых, в частности на примере морали. В связи с этим дан критический срез современных классификаций компонентов нормативности. Прослежены теоретические последствия выделения нормативного регулирования как самостоятельной части норм. Доказательно обоснована ментальная природа социальной нормативности. Показано, что норма может быть рассмотрена в качестве механизма изменения человека. Отмечена значимость рассмотрения нормы в процессах удовольствия—неудовольствия.

Ключевые слова: человек, социум, норма, нормативность, поведение, репрезентация, ментальность

Для цитирования: Креписов К. М. Процессуальное формирование нормы в системе общественных отношений // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 7 (477). С. 36–41. doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-36-41.

Original article

PROCEDURAL FORMATION OF THE NORM IN THE SYSTEM OF PUBLIC RELATIONS

Konstantin M. Krepisov

Plant of Carbon and Composite Materials LLC, Chelyabinsk, Russia, krepisov@mail.ru, ORCID 0000-0002-6991-2935

Abstract. The article deals with the problem of social normality, which is actualized in the conditions of a communicative and information society. It is quite justified that in modern realities, the study of the role of the norm in human behavioral strategies is the most relevant. This article is based on the assumption that the norm cannot be reduced to a set of rules of behavior as an external regulator of human activity. In the traditions of psychoanalysis and the phenomenological school, it is proposed to consider the norm in the unity of intentionality and rationality. In a comparative analysis of the conclusions of psychological and sociological sciences, it is determined that the norm is a mechanism for motivating activity. The possibility of the evolution of the norm from recognition as an external stimulus to a factor of internal action is revealed. The approaches to the norm as a form of state equilibrium of public relations are analyzed. Particular attention is paid to the state of the norm as a combination of hypothetical punishment and the degree of inner sensitivity of a person to the norm. An attempt was made to analyze the thesis about the unconditional nature of some, in particular, using the example of morality. In this regard, a critical section of modern classifications of normative components is given. The theoretical consequences of singling out regula-

tion as an independent part of standards were traced. The psychic nature of social normality has been proven. It is shown that the norm can be considered as a mechanism of human changes. The importance of taking into account the norm in the processes of pleasure-without pleasure is noted.

Keywords: personality, society, norm, normativity, behavior, representation, mentality

For citation: Krepisov KM. Procedural formation of the norm in the system of public relations. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(7(477):36-41. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-36-41.

Введение

Сегодня как никогда философские исследования оправдывают слова Гегеля о том, что философия — это схватывание времени в мысли. Усложнение структуры социальных взаимодействий, трансформация человеческого общения настоятельно требуют пересмотра теоретического осмысления глубинных оснований социума. В частности, особую актуальность приобретает анализ сути общественных отношений. В теории часто фиксируется состояние социальной неопределённости, но стабильность общества по-прежнему является гарантом качественной жизни человека. В этом аспекте нормативный характер социальной нормы становится особенно значимым.

Следует отметить, что нормативность, так или иначе, всегда является областью теоретического анализа. Проблемам морали, права посвящено множество трудов. Однако сама постановка проблемы глобализации уже ставит под сомнение достаточность исследования содержательного аспекта нормы. В частности, видимое стирание границ сказывается и на взаимодействии моральных или правовых систем отдельных обществ. Социальная практика демонстрирует, что оно выходит за границы конкуренции. Формируется платформа универсализации моральных, правовых норм отдельных этносов, на которой предпринимаются попытки универсализации, типизации нормативного компонента общественных отношений. Но эффективность таких условных построений весьма низкая, что, в свою очередь, ведёт к нарастанию деструктивных тенденций в обществе за счёт ослабления действия самих норм. Более того, норма вовлекается в контекст языковых игр [3], и возникает риск разрастания манипулятивных практик. Такие тенденции имеют негативное влияние и на общую социальную практику. Так, в философии права констатируются подмены действия правовой нормы системами юридической доказательности [9].

Такая ситуация настоятельно требует философского анализа сути нормативности в основаниях общества. При этом следует отметить, что всей актуальности анализа нормы, например,

в срезе долга и долженствования [4] такого рассмотрения сущности социальной нормативности сегодня уже недостаточно. Представляется значимым исследование нормы непосредственно в формировании и осуществлении поведенческих стратегий человека.

Методы и материалы

Традиционно проблемы социальной нормативности рассматриваются через анализ исторически сложившихся институтов культуры. Чаще всего это области права и морали. Однако в современных условиях данные сферы культуры переживают кризисное состояние, и, например, в области юриспруденции норма закона фактически уходит в дискурсивные практики обмена доводами участников правового процесса [9]. В области аксиологии на фоне кризиса предпринимаются попытки построения новой системы ценностей, и такая искусственность приводит к тому, что норма закрепляется в качестве внешнего регулятора деятельности человека, что приводит к деструкциям в области общественных взаимодействий.

В исследовании нормативности в поведенческих стратегиях в качестве теоретического основания выбраны школы психоанализа и феноменологии. Анализ построен в рамках материалистической концепции деятельности. Принципы диалектики позволяют синтезировать достижения философии и социально-гуманитарных дисциплин.

В работе использованы современные исследования социальной нормативности. В частности, привлечены материалы по нормативному руководству в процессах деятельности человека (Gonzalez-Cabrera), исследования нормы в причинных основаниях деятельности человека (G. M. Hodgson). Анализ опирается на достижения современной поведенческой этики (С. Bicchieri). В исследовании ментальных характеристик нормы задействованы выводы современных концепций метакогнитивных процессов (Carruthers). Целостность работы построена с учётом концепции В. И. Плотникова. Уделено внимание

современным разработкам в области философии права, где норма позиционируется в качестве диалогического взаимодействия людей (M. Dybowski, W. Dzięgielewska & W. Rzepiński).

Результаты и обсуждение

Норма как регулятор поведенческих стратегий человека чаще всего рассматривается как некий результат. То есть норма предстаёт в качестве свода правил, запретов, обращённых к человеку извне. Однако в самом свойстве рациональности человека изначально закладывается такая черта человеческого существования, как стремление к упорядоченности. Это позволяет предположить, что устоявшаяся норма в социуме — это диалектическое снятие процесса её формирования и объективации в том или ином институте культуры. Данное предположение основано на анализе механизма репрезентации социальной нормы. В самом общем плане норма воспроизводится своеобразным инструментальным мышлением через представление о ней.

Согласно феноменологическому анализу сознания интенциональность можно выделить в качестве механизма адаптации человека к среде. В активном сопротивлении процессу поглощения миром человека вследствие того, что он является единицей самой среды, происходит формирование интерактивного ответа вызовам мира. В этом ответе и обнаруживаются истоки представления о норме. Социальный характер норм формируется вследствие того, что человек включён в мир по правилам социального общежития. Такое рассмотрение особенностей социальной нормы позволяет ряду современных исследователей утверждать ассоциативность социальной нормы и нормы инстинкта в ориентировочной деятельности высших животных [10].

Следует отметить, что традиционное рассмотрение нормы через её содержание, чаще всего, через сведение к нормам морали или права фактически сводит исследования к проблемам эволюции нормативности. Это во многом затрудняет само понимание сути социальной нормы. В последнее время наиболее распространённым становится определение нормы в качестве некоторого продукта взаимодействия людей, который формируется при рассмотрении ими проблем коллективного действия. В социальном уровне бытия нормы тогда предстают как некоторое состояние равновесия общественных отношений [11]. Однако следует заметить, что в этом подходе нивелируется сознательный фактор развития

социальных взаимодействий. Но норма вне представления о ней существовать не может. Следовательно, в определении нормы нужно учитывать и ментальные характеристики.

В этом плане представляется интересным своеобразный междисциплинарный подход в исследовании нормативности с привлечением в философский анализ достижений психологических, юридических наук. В частности, профессор Гарвардского университета Ф. Китчер в анализе эволюции морали подчёркивает, что любая норма обязательно включает в себя нормативное руководство [12]. Нормативное руководство можно понимать именно как способность человека представлять, обеспечивать и оценивать соблюдение социальной нормативности. При этом сама норма есть решение группы о том, чему следовать и что нужно сделать, чтобы это решение работало [10]. Такой подход к норме позволяет заключить, что она выступает мотивационным фактором в деятельности человека. Следовательно, нормативность может рассматриваться в качестве действующей причины социального развития. В области социальной философии данный вывод представляется значимым, так как выводит за рамки привычного сведения нормы к простым формам её репрезентации.

В аспекте социальных наук такой тезис позволяет более чётко структурировать имеющиеся социальные нормы. Например, традиционно отождествляют моральные нормы с общепринятыми, что в социальном анализе вызывает сомнения. В частности, общепринятые нормы всегда имеют более узкую область применения, так как репрезентированы определённой группой людей в конкретных условиях.

В философской рефлексии признание нормы мотивационным фактором позволяет сохранять в нормативности человека. Представляется возможным генерировать некие условные модели нормативности в субъективном срезе, построенные на движении от признания нормы в качестве внешнего принуждения до стимула внутренней мотивации. В этом плане интересно соотношение социальной нормы, например, с совестью [5]. Привычное погружение проблемы нормы в область долженствования трансформируется через признание того, что и сам долг, и норма всегда соотносены с чувством [1]. Поэтому представляется справедливым вывод современной научной мысли о том, что действие нормы принципиально отлично от причин, которые побуждают ей следовать. Причины могут быть разными (наверное,

можно констатировать среди них страх как наиболее часто встречающуюся причину), но нормативность в реальности работает только тогда, когда человек само соблюдение нормы считает вознаграждением [10]. В частности, современный исследователь влияния поведенческих стратегий человека на развитие социума Биккьери считает, что в репрезентации нормы всегда срабатывают две тенденции: сочетание гипотетического наказания и степень внутренней чувствительности человека к норме [7].

Из этого следует, что социальная природа нормы очень сложна. Получается, что следование норме метасоциально в том плане, что в нём снимается и то, как другие ей следуют, и то, какую степень одобрения (принятия) другие проявляют. Всё это составляет условия воспроизводства нормы. И это противоречит тому, что в социальной практике социальная норма, например, мораль претендует на безусловность. В «чистом» виде попытка вывести норму из условий предпринимается религией. Именно такая абсолютизация безусловности и формирует стереотип, сводящий норму к запрету, директивному правилу поведения. Последнее опровергается и развитием социальной практики, которая, напротив, демонстрирует эволюционное развитие содержания нормативности. Следовательно, устойчивость нормативности в области социального бытия, напротив, детерминирована «условностью» норм, то есть их универсальной социальностью.

В динамике общественных отношений такой своеобразный выход нормы за пределы субъекта, который её соблюдает, в область Другого весьма значим. Именно в этой области срабатывает представление о норме как потенциальном механизме изменения человека. «Санкционное» давление нормы возможно при мотивации самоконтроля в норме, то есть человек в соблюдении нормы одновременно контролирует её соблюдение [10]. Эта особенность норм свидетельствует ещё об одной ментальной характеристике — они носят конвенциональный характер. При этом следует обратить внимание, что нормативность проявляет целостность социальных взаимодействий. В частности, в рассматриваемом аспекте норма претендует на определённую коррекцию поведенческой стратегии человека и одновременно именно норма являет собой терпимость, вне которой само общение невозможно.

В этом аспекте ряд исследователей определяют сегодня норму в качестве намеренного ментального состояния, что составляет стержень

поведенческой стратегии [10]. Тогда очевидно, что норма как стремление косвенно формирует у человека ожидание некоторого вознаграждения помимо непосредственного результата. Получается, что норма формируется и воспроизводится во взаимосвязи удовольствия и неудовольствия [6]. С другой стороны, в последующем анализе такой подход позволяет проследить норму в диалектике интенциональности и рациональности в рамках накопленного феноменологического опыта анализа ментальных процессов. Нормативность в градации структуры деятельности человека относится к исполнительным процессам вследствие элементов императивности в ней. Отсюда она представляется сложным объектом исследования, так как психологическая наука непосредственные исполнительные процессы относит к разряду метакогнитивных вследствие того, что они управляют всей ментальностью [8]. Ещё более сложным представляется коллективный характер восприятия нормы. Сам процесс принятия социальной нормы происходит в диалектической связи субъективного и объективного. Наверное, в рамках феноменологической теории можно рассматривать норму как форму общей интенциональности.

Выводы

Нормативность сегодня становится значимым фактором существования общественных отношений. Процессы стирания границ этнических культур, расширение социального пространства приводят к тому, что в понимании устойчивости и стабильности социума недостаточно исследования норм морали, права и т. д. Всё более актуальным становится анализ действия нормы в поведенческих стратегиях человека. Многие институты культуры с необходимостью трансформируются с учётом такого статуса нормы. Например, реформирование системы образования претендует на создание новой парадигмы, в основе которой лежат инновационные формы регуляции общественных отношений [2]. В теории такие тенденции детерминируют появление области междисциплинарного подхода к норме. Норма начинает рассматриваться как единый процесс её формирования и воспроизводства в деятельности человека. В частности, с точки зрения феноменологического анализа представляется продуктивным рассмотрение нормы в процессах интенциональности. Сама нормативность выступает как ответ человека на воздействие закономерностей среды. Социальный характер нормы обусловлен тем, что

она непосредственно возникает в решении проблем коллективного действия. Одновременно это объясняет роль нормы в стабильном и устойчивом состоянии общественных отношений, так как её можно рассматривать в качестве равновесного баланса социального взаимодействия.

Регулятивный характер нормы связан с так называемым нормативным руководством. Оно складывается в процессах обеспечения человеком действия норм в обществе. Одновременно это свойство подчёркивает мотивационный характер норм в поведении человека. В современных условиях значимо понимание диапазона мотивации нормой: от внешнего стимула принуждения до внутреннего стремления быть нормативным в социуме. В сложном коммуникационном социальном пространстве следует учитывать, что представление о норме у человека тесно связано с чувством нормативности. Это актуализирует рассмотрение нормы в аспектах совести, долженствования.

Анализ современных исследований нормы в процессах деятельности человека обнаруживает риски в признании безусловной природы её конкретных форм. Социальная практика убеждает в разрушительности такого стереотипа и доказательно раскрывает зависимость нормы от условий её формирования и воспроизводства. Это, в свою очередь, обнаруживает черты конвенциональности в функционировании социальных норм. С точки зрения философского наследия со-

циальных исследований значимо рассмотрение нормы в процессах удовольствия—неудовольствия. В области ментального восприятия норму возможно определить как единство рациональности и интенциональности.

Заключение

Проведённый анализ позволяет заключить, что социальные нормы всё чаще становятся предметом междисциплинарного исследования. В условиях нарастания действия информации на человека и её цифровизации наиболее значимым становится аспект включения нормы в поведенческие стратегии человека. Социальная практика убедительно показывает, что сегодня недопустимо сведение нормы к внешним правилам поведения. Норма в деятельности человека предстаёт мотивационным фактором, поэтому от понимания её сути, её эволюционных процессов напрямую зависят стабильность и устойчивость социума. Вместе с тем данные аспекты социальной нормативности мало изучены. Особого внимания заслуживает анализ ментальной природы нормы. Накопленный философский опыт, в частности, школ психоанализа и феноменологии позволяет с привлечением знаний психологии, социологии прогнозировать развитие нормативной стороны общественных отношений. Это, в свою очередь, поможет во многом снизить деструктивные риски поведения человека.

Список источников

1. Веселова Е. К. Совесть как психологический феномен // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. 2009. Вып. 4. С. 127–135.
2. Жилина В. А. Социотехническая системность и универсальность современной инженерии: Homo Technology // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. 2023. Т. 21, № 1. С. 109–117.
3. Жилина В. А., Кузнецова Н. В., Жилина Е. А. Языковые игры в социальных манипуляциях // Научная парадигма цивилизации в XXI веке: капитализм, социализм и четвёртая технологическая революция : сборник трудов Десятого международного конгресса передовых наук (Конгресс WARP) / под редакцией В. И. Бархатова, Д. А. Плетнёва. 2019. С. 261–267.
4. Креписов К. М. Долг и долженствование в цивилизационных истоках современности // Многообразие культур в условиях глобализованного мира и проблемы сохранения культурно-исторического наследия : материалы Международной научной конференции. Екатеринбург, 2022. С. 233–237.
5. Милтс А. А. Совесть // Этическая мысль: научно-публицистические чтения. М., 1990. С. 272–281.
6. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М. : МИКО, 2012.
7. Bicchieri C. The Grammar of Society: The nature and Dynamics of Social Norms. Cambridge University Press, 2006. URL: https://www.sas.upenn.edu/~cb36/files/2006_natu.pdf (дата обращения 28.08.2023).
8. Carruthers, P. Two concepts of metacognition // Journal of Comparative Psychology. 2014. № 128 (2). P. 138–139. <https://doi.org/10.1037/a0033877>
9. Dybowski M., Dziegielewska W., Rzepiński W. Game analogy in law reconsidered: is evidence at stake? // Synthese. 2022. Vol. 200, № 517. <https://doi.org/10.1007/s11229-022-03997-0>.

10. Gonzalez-Cabrera I. A lineage explanation of human normative guidance: the coadaptive model of instrumental rationality and shared intentionality // *Synthese*. 2022. Vol. 200, № 493. <https://doi.org/10.1007/s11229-022-03925-2>.
11. Hodgson G. M. Herbert Gintis: The bounds of reason: Game theory and the unification of the behavioral sciences // *Journal of Bioeconomics*. 2014. № 16. P. 311–315. <https://doi.org/10.1007/s10818-013-9164-6>.
12. Kitche P. Précis of the ethical project. URL: <https://nordprag.org/papers/Kitcher3.pdf> (дата обращения 28.08.2023)

References

1. Veselova EK. Sovest' kak psixologicheskij fenomen. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Series 12. 2009;(4):127-135. (In Russ.).
2. Zhilina VA. Sociotekhnicheskaya sistemnost' i universal'nost' sovremennoj inzhenerii: Homo Technology. *Vestnik Magnitogorskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. G. I. Nosova*. 2023;21(1):109-117. (In Russ.).
3. Zhilina VA, Kuznecova NV, Zhilina EA. Yazy'kovye igry' v social'ny'x manipulyaciayah. In: Nauchnaya paradigma civilizacii v XXI veke: kapitalizm, socializm i chetvertaya tekhnologicheskaya revolyuciya. Sbornik trudov Desyatogo mezhdunarodnogo kongressa peredovy'x nauk (Kongress WARP). 2019. Pp. 261–267. (In Russ.).
4. Krepisov KM. Dolg i dolzhenstvovanie v civilizacionny'x istokah sovremennosti. In: Mnogoobrazie kul'tur v usloviyah globalizovannogo mira i problemy' soxraneniya kul'turno-istoricheskogo naslediya. Materialy' Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Ekaterinburg; 2022. Pp. 233–237. (In Russ.).
5. Milts AA. Sovest. In: E'ticheskaya my'sl': nauchno-publicisticheskie chteniya. Moscow; 1990. Pp. 272–281. (In Russ.).
6. Frejd Z. Po tu storonu principa udovol'stviya. Moscow, OMIKO Publ.; 2012. (In Russ.).
7. Bicchieri C. The Grammar of Society: The nature and Dynamics of Social Norms. Cambridge University Press; 2006. Available from: https://www.sas.upenn.edu/~cb36/files/2006_natu.pdf (Accessed 28.08.2023).
8. Carruthers P. Two concepts of metacognition. *Journal of Comparative Psychology*. 2014;128(2):138-139. <https://doi.org/10.1037/a0033877>
9. Dybowski M, Dzięgielewska W, Rzepiński W. Game analogy in law reconsidered: is evidence at stake? *Synthese*. 2022;200(517). <https://doi.org/10.1007/s11229-022-03997-0>.
10. Gonzalez-Cabrera I. A lineage explanation of human normative guidance: the coadaptive model of instrumental rationality and shared intentionality. *Synthese*. 2022;200(493). <https://doi.org/10.1007/s11229-022-03925-2>.
11. Hodgson GM. Herbert Gintis: The bounds of reason: Game theory and the unification of the behavioral sciences. *Journal of Bioeconomics*. 2014;(16):311-315. <https://doi.org/10.1007/s10818-013-9164-6>.
12. Kitche P. Précis of the ethical project. Available from: <https://nordprag.org/papers/Kitcher3.pdf> (Accessed 28.08.2023)

Информация об авторе

К. М. Креписов — директор по юридическим вопросам.

Information about the author

K. M. Krepisov — Director of Legal Affairs.

Статья поступила в редакцию 28.08.2023; одобрена после рецензирования 01.09.2023; принята к публикации 05.09.2023.

The article was submitted 28.08.2023; approved after reviewing 01.09.2023; accepted for publication 05.09.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 37.012.1

doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-42-47

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТОНИКА СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Анастасия Николаевна Гулеватая

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, tayanastik@gmail.com, ORCID 0000-0003-4860-3831

Аннотация. Статья посвящена философскому осмыслению образования в антропо-онтологическом смысле как способа бытия человека. Целью данного исследования является философско-антропологический анализ образовательного пространства с помощью топологической метафоры измерений (dimensions), высокий объяснительный потенциал которой обоснован в статье. Автор рассматривает онтологический и пространственный «повороты» в современных способах осмысления образования, обращается к четырём антропо-онтологическим концепциям: онтологическая «слоиность» М. Шелера, слои бытия Н. Гартмана, «миры» М. Хайдеггера и димензиональная онтология В. Франкла. Также в статье рассмотрен принцип соборности С. Л. Франка как методологически плодотворный для построения архитектоники современного образовательного пространства. Ключевой результат заключается в предложенной «разметке» образовательного пространства: выделении его экзистенциально-антропологической вертикали и социальной горизонтали. В заключение кратко обозначен методологический потенциал предложенной концепции.

Ключевые слова: философская антропология, экзистенциальная антропология, образование, образовательное пространство, философия образования

Для цитирования: Гулеватая А. Н. Философско-антропологическая архитектоника современного образовательного пространства // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 7 (477). С. 42–47. doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-42-47.

Original article

PHILOSOPHICAL-ANTHROPOLOGICAL ARCHITECTONICS OF MODERN EDUCATIONAL SPACE

Anastasia N. Gulevataya

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, tayanastik@gmail.com, ORCID 0000-0003-4860-3831

Abstract. The article is devoted to philosophical understanding of education in the anthropo-ontological sense as a way of being human. The aim of this article is philosophical and anthropological analysis of educational space using the topological metaphor of dimensions, the high explanatory potential of which is grounded in the article. The author considers the ontological and spatial “turns” in modern ways of thinking about education and refers to four anthropo-ontological concepts: M. Scheler’s ontological “layering”, N. Hartmann’s layers of being, M. Heidegger’s “worlds” and V. Frankl’s dimensional ontology. The article also considers S. L. Frank’s principle of conciliarism as methodologically fruitful for building the architectonics of modern educational space. The key result is the proposed markup of the educational space: the allocation of its existential-anthropological vertical axis and social horizontal axis. The conclusion summarizes the methodological potential of the proposed concept.

Keywords: philosophical anthropology, existential anthropology, education, educational space, philosophy of education

For citation: Gulevataya AN. Philosophical-anthropological architectonics of modern educational space. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(7(477):42-47. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-42-47.

Введение

В XXI в. актуализируется антропологическое понимание образования как сферы человеческого бытия. В связи с этим критичным является то, что в современной философии и антропологии образования само понятие «образование» имеет не меньше определений, чем термин «культура», может мыслиться как узко в рамках функционирования образовательных институтов, так и предельно широко, в антропо-онтологической перспективе как способ бытия человека. Однако при этом отсутствует концептуальная разметка, которая позволила бы понимать образование как единство в многообразии, особенно в условиях антропологического кризиса. Простраивание философской архитектоники образовательного пространства позволяет мыслить образование как ясно воспринимаемую цельность и решать практические задачи, связанные с выходом образования из кризиса.

Архитектоника предполагает философствование об образовании в «пространственном измерении». Архитектоника, то есть гармоничное сочетание частей в едином целом, является необходимостью в осмыслении сложносоставных феноменов, в том числе образования. Поэтому целью данной работы является выработка концептуальной «разметки», которая позволила бы цельно осмыслить образование человека в двух его «измерениях»: социальном и экзистенциально-антропологическом.

От образования к образовательному пространству: spatial turn

В современных исследованиях происходит переход от «образования» к «образовательному пространству», и он не случаен. Одним из маркеров времени является так называемый «онтологический поворот» в континентальной философии XX в. и связанная с ним традиция экзистенциального философствования о человеке М. Хайдеггера, Н. Гартмана, С. Франка, М. Шелера, В. Франкла с помощью образов «миров» или пространственных «измерений».

Метафора пространства для науки и философии не нова, поскольку обладает высоким объяснительным потенциалом и оказывается востребована и в современной философии. Современные исследования подчёркивают большие объяснительные возможности топологической метафоры «измерений» для философии, которая в современной науке переключалась из математических исследований в общегуманитарные [4]. И хотя про-

странственные, иерархические концепции бытия впервые были предложены ещё средневековыми философами, в современной философии «уровневое» представление структуры бытия не исчерпало своих возможностей. Более того, западными исследователями отмечается так называемый «пространственный поворот» (spatial turn) в современных гуманитарных исследованиях¹.

Анализ литературы позволяет указать на то, что научное понятие «образовательное пространство» пока не сформулировано [8], однако несомненно, что «образовательное пространство по своему онтологическому наполнению становится гораздо объёмнее образования как социального института» [7]. Обращение не к «образованию», не к «системе образования» или «образовательной среде», а к «образовательному пространству» даёт возможность понимать образование предельно широко, антропо-онтологически, поскольку пространством может быть не только материальная плоскость, но и абстрактная область мысли, науки, искусства. Глубоко об архитектонике и топосе образования размышлял отечественный философ Я. В. Чеснов².

Таким образом, образовательное пространство становится предметом междисциплинарного осмысления, в том числе философско-антропологической рефлексии. Справедливо утверждать, что в философско-антропологическом дискурсе пространственный поворот — spatial turn — оказывается весьма продуктивен и позволяет нам говорить об образовательном пространстве и месте человека в нём. Это позволяет перейти к вопросу о том, каким образом это пространство устроено и внутренне размечено.

Антропологическая «разметка» бытия человека: прорыв к экзистенциальному измерению

Опорой для построения философско-антропологической архитектоники образовательного пространства могут стать онтологические «разметки», предложенные философами-антропологами XX в. Обратимся к четырём антропо-онтологическим концепциям: онтологическая «слой-

¹ См. Döring J., Thielmann T. Spatial Turn. Das Raumparadigma in den Kultur- und Sozialwissenschaften. Bielefeld : Transcript Verlag, 2008; Warf B., Arias S. The Spatial Turn: Interdisciplinary Perspectives. London, New York : Routledge, 2009.

² Чеснов Я. В., Селина Т. И. Топика университетского образования: философско-антропологический подход // Философский факультет (Ун-т РАО). 2000. № 1. С. 67–78.

ность» М. Шелера, слои бытия Н. Гартмана, «миры» М. Хайдеггера и димензиональная онтология В. Франкла. Также рассмотрим принцип соборности, разработанный в русской философии XX в. С. Л. Франком. Он впервые указал на возможность онтологической вертикально-горизонтальной разметки мира человека, и эту концепцию современные исследователи находят методологически удачной.

Антропологическая революция М. Шелера состояла в том, что он впервые выделил три онтологических слоя: органическую жизнь человека, дух и личность. Вслед за ним Н. Гартман стал основоположником так называемой критической, или новой онтологии; в противовес почти всей предшествующей философии Гартман утвердил онтологическую природу тех фундаментальных проблем, с которыми имеет дело философия: его интересует бытие как бытие (*Seiendes als Seiendes*). Основными понятиями фундаментальной онтологии Н. Гартмана являются идеальное и реальное бытие, их расщеплённость, причём идеальное бытие признаётся первичной и объективной сферой. «Духовное» в его терминологии не относится к идеальному бытию, а является высшим слоем реального. Разнообразный, гетерогенный мир нуждается в единстве, и это единство проявляется в системе слоёв. Есть различие между «слоистостью» (*Schichtung*) и «ступенчатостью» (*Stufung*) мира: слоями являются только четыре главных, остальные, со «скользящими переходами», являются ступенями. Переходы между слоями Гартман называет «непознаваемыми» и «иррациональными»; также он рассуждает о димензиональности, указывая на то, что категория измерения (*dimension*) не является исключительно пространственной (он отличает её и от того, что измеряется, и от самого процесса измерения) [3]. Учение Гартмана о слоях бытия оказало большое влияние на зарубежную философскую традицию, его идеи о ступенчатости и слоистости бытия в XX в. проникли в культурную антропологию.

М. Хайдеггер в ключевой работе «Бытие и время» ввёл понимание четырёхмерного силового поля жизненного опыта: (1) физический мир объектов — *Umwelt*, (2) социальный мир — *Mitwelt*, (3) личное, психологическое измерение — *Eigenwelt*, (4) духовное измерение — *Uberwelt* (позже эту модель использовали экзистенциалисты Л. Бисвангер, И. Ялом, Р. Мэй, а также Э. ван Дорцен, которая была первой, кто концептуализировал четвёртый «духовный мир» в экзистенциальной традиции психотерапевтической

теории, при этом его существование подразумевалось Л. Бисвангером, М. Боссом, П. Тиллихом и К. Ясперсом). Эти четыре мира, впервые обозначенные именно М. Хайдеггером, являются универсальными измерениями, в которых человек существует как истинно человек. Важно, что ни одно из измерений не доминирует и не имеет приоритета над другими, ни один из способов существования не может быть извлечён из других. Миры — это способ понять измерения человеческого существования.

В. Франкл является автором димензионального, или размерностного представления о человеке, которое перекликается и с представленными выше «мирами» М. Хайдеггера, и со слоями бытия М. Шелера и Н. Гартмана. В. Франкл утверждает, что человеческое бытие представляется трёхразмерным: (1) соматическая (физическая) размерность, (2) психическая размерность, (3) духовная размерность. Графическое представление такой модели — трёхмерное пространство. В каждой точке человеческого бытия соединены все три онтологических измерения — «длина», «ширина», «высота». Если физическое и психическое роднит человека с животным, то духовное (по В. Франклу — нозтическое) измерение является собственно человеческим. Оно «соприсутствует» всегда и во всём. В таком понимании человека В. Франкл, безусловно, опирается на описанную выше идею М. Шелера о многослойной структуре человека. В димензиональной онтологии Франкл подчёркивает, что истинно человеческое связано с духовным «слоем», или измерением.

Общефилософским принципом русской философии XIX–XX вв. можно назвать принцип соборности (соборного единства), большой вклад в разработку которого внёс С. Л. Франк, считавший духовные основы общества его основополагающим началом. «Принцип соборности и соборного единства предполагает сочетание онтологической «горизонтальности» с онтологической «вертикальностью». «Горизонтальными» отношениями могут быть названы отношения внутри пространственно-временного мира, а образ «вертикали» выражает связь каждого сущего с вечностью и с трансцендентным Абсолютом» [1]. С. Л. Франк «различает внешний слой “общественности” и внутренний слой “соборности” в онтологической структуре общества. Вся сфера социальных отношений, взятых в качестве отношений между людьми, принадлежит к механически-внешнему уровню онтологии общества, именуемому “об-

шественность». Но в то же время вся эта сфера обнаруживает в себе, в качестве своей неотъемлемой основы, изначальное единство людей, органически-внутренний уровень онтологии, именуемый «соборность». Соборное единство, таким образом, предшествует социальным отношениям и обуславливает их возможность» [2]. Современный отечественный исследователь А. Л. Анисин указывает на методологическую плодотворность этого принципа для современной философии [2]. Также он обращает внимание на то, что один из основоположников космонавтики, автор учения о перспективе, исследователь пространственных построений в искусстве живописи, академик Б. В. Раушенбах также употреблял образ «четвёртого измерения» как всепронизывающей вертикали, когда говорил о духовном бытии: оно от нас не отстоит, оно *перпендикулярно* нашему миру [5].

Таким образом, с опорой на обозначенную выше антропо-онтологическую «разметку» философских классиков мы имеем возможность выделить специфические «горизонталь» и «вертикаль» образовательного пространства.

Dimensions образовательного пространства: социальная горизонталь и экзистенциально-антропологическая вертикаль

Так, философская архитектоника образовательного пространства может быть задана двумя осями: вертикальной и горизонтальной. «Горизонталь» социальна, и в ней образование проявляет себя как антропопрактика, нацеленная на образование человека как социально активного субъекта, члена общества, способного самостоятельно себя обеспечивать. Вертикаль же экзистенциально-антропологична, и она связана с бытием человека целостного, экзистенциально свободного и онтологически незавершимого.

«Горизонтальный» уровень в архитектонике образовательного пространства, чтобы состояться, должен нести в себе конструктивно-проектное отношение к человеку. Проблема в том, что реальная образовательная практика, по словам С. С. Хоружего, нередко «заиклена» на горизонталях, образовательное устремление «становится из вертикального горизонтальным, утрачивая свою трансцендирующую, онтологическую природу» [6]. На горизонталях решаются такие вопросы, как приобщение человека к цивилизационному прогрессу, просвещённость, информированность и т. д. Горизонталь есть проявление подвижной социальной реальности. И если на разных

«горизонталях» есть свой *homo educandus*, человек образующийся, которого можно определить через положительные характеристики, то на экзистенциально-антропологической «вертикали» образования через такие характеристики человека определить невозможно: он определяется апофатически. Это то самое человеческое в человеке, которое сколько бы ни о-пределяли, никогда не о-пределяется через что-то конкретное, так как каждый раз это означает допущение момента ограничения, о-пределивания.

В предлагаемой архитектонике вертикаль едина, она пронизывает горизонтальные слои, присутствует в каждом из них, однако может уйти «в тень» внимания при исследовании, организации, определении целей и содержания деятельности, её результатов в образовательном пространстве. Несмотря на это, образование человека с философской точки зрения всегда экзистенциально-антропологично, вертикальный, «стержневой» элемент присутствует всегда, если мы говорим об образовании *человека*. Изъять вертикаль невозможно, потому что мы говорим об образовании человека как целостности; в этом смысле она есть пронизывающая все горизонтальные слои вертикаль. И при этом экзистенциально-антропологическая вертикаль может быть подчинена задачам «горизонталей», имеющей свои слои, мера проявленности вертикали может быть разной в горизонтальных слоях. В каждом «горизонтальном» слое человек бытийствует по-разному в зависимости от особенностей этого слоя, но он везде — человек, стало быть, сознательно или неосознанно, но он связан с вертикалью. Если на «горизонталей» происходит подмена целостного человека одной из его идентичностей, необходимых для решения практических жизненных задач, то на «вертикали» человек вспоминает: выше всех идентичностей — бытие человеком, свободным от ярлыков идентичностей.

Таким образом, мы можем говорить о горизонтальной вариативности образовательного пространства и вертикальной инвариантности. Горизонтальная вариативность подчинена частным задачам, она содержит проекции целостного человека, а значит, каждая горизонталь является временной. Вертикальная инвариантность же имеет дело с человеком, нередуцируемым ни к одной «горизонталей», с целостностью в чистом виде, с холистическим взглядом, с вечным. С точки зрения философской антропологии, образование человека принципиально экзистенциально-антропологично. Из этого следует, что

по содержанию образовательный образ-образец может быть любым (как известно, он разный как в каждой культурно-исторической эпохе, так и на разных «горизонтах»), общим основанием этого образца, то есть экзистенциально-антропологическим основанием можно считать экзистенциальную свободу и онтологическую незавершённость человека.

Заключение

Экзистенциально-антропологическое измерение образовательного пространства можно назвать императивом современности. В данной работе был осуществлён философско-антропологический анализ образования через введение понятий вертикали и горизонтали образовательного пространства. Большое внимание было уделено так называемому «пространственному повороту» в современной философии, который позволяет говорить не просто об образовании, но об образовательном пространстве и его архитектонике. Рассмотренные концепции классиков философской антропологии, а также их актуальная огранка в исследованиях современных отечественных философов позволили сделать вывод о том, что философско-антропологическая архитектоника современного образовательного пространства может быть представлена через разнообразные социальные горизонталы и единую экзистенциально-антропологическую вертикаль.

На наш взгляд, данная концепция несёт в себе методологический потенциал для современных образовательных антропопрактик в условиях текущего антропологического кризиса в образовании, когда человек может быть эффективен в эко-

номическо-социальной перспективе, но оказывается «ненадёжен» в аксиологически смысловых координатах на экзистенциально-антропологической образовательной вертикали. Предложенная концепция архитектоники образовательного пространства адекватно и наглядно показывает, что невозможно средствами «горизонталы» решить задачи, расположенные на «вертикали», хотя современная практика в образовании демонстрирует такие попытки. Приведём актуальный на сегодняшний день пример. С точки зрения предложенной концепции так называемые «экзистенциальные навыки», ставшие трендом в современном образовании, оказываются нежизнеспособным философским оксюмороном: о вопросах «вертикальной» человеческой экзистенции не может идти речь в «навыковой», «горизонтальной» плоскости. Это позволяет выйти на постановку новой проблемы: если «экзистенциальные навыки» — оксюморон, значит, необходим новый язык для описания задач, связанных с проблемами любви, свободы, смысла, осознанности, ответственности, самосознания, самопостроения и саморазвития в образовательном пространстве. В том же духе можно утверждать, что не существует «навыка патриотизма» или навыка какой-либо иной любви, поскольку экзистенциалы находятся в другом «измерении» — философско-антропологическом, перпендикулярном социальному, потенциально проектируемому измерению образовательного пространства. Полагаем, что это становится особенно актуально для развития отечественного образования в связи с выделением ценностных принципов российской цивилизации.

Список источников

1. Анисин А. Л. Виды и уровни бытия // Символ науки. 2015. № 7–2.
2. Анисин А. Л. Соборность: феномен, понятие и принцип // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 33.
3. Горнштейн Т. Н. Философия Николая Гартмана: (Критический анализ основных проблем онтологии). Л. : Наука, 1969. 278 с.
4. Полубиченко Л. В. Топологическая парадигма гуманитарного знания: миф или реальность? // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 4.
5. Пространства жизни. К 85-летию академика Б. В. Раушенбаха / сост. Т. Б. Князевская, Э. В. Сайко. М. : Наука, 1999. 608 с.
6. Хоружий С. С. О старом и новом. СПб. : Алетейя, 2000. 477 с.
7. Чёрных С. И. Образовательное пространство в условиях информатизации общества. Новосибирск : Изд-во НГАУ, 2011. 254 с.
8. Шалаев И. К., Веряев А. А. От образовательных сред к образовательному пространству: понятие, формирование, свойства // Педагог: наука, технология, практика. 1998. № 1 (4).

References

1. Anisin AL. Vidy i urovni bytiya [Types and levels of being]. *Simvol nauki*. 2015;(7-2). (In Russ.).
2. Anisin AL. Sobornost': fenomen, ponyatie i princip [Sobornost': phenomenon, concept and principle]. *Vestnik CHelGU*. 2009;(33). (In Russ.).
3. Gornshtejn TN. Filosofiya Nikolaya Gartmana. (Kriticheskiy analiz osnovnyh problem ontologii) [Philosophy of Nikolai Hartmann. (Critical Analysis of the Main Problems of Ontology)]. Leningrad, Nauka; 1967. 278 p. (In Russ.).
4. Polubichenko LV. Topologicheskaya paradigma gumanitarnogo znaniya: mif ili real'nost'? [Topological paradigm of humanitarian knowledge: myth or reality?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezkul'turnaya kommunikaciya*. 2017;(4). (In Russ.).
5. *Prostranstva zhizni. K 85-letiyu akademika B. V. Raushenbaha* [Spaces of life. To the 85th anniversary of Academician B. V. Rauschenbach]. Moscow, Nauka Publ.; 1999. 608 p. (In Russ.).
6. Horuzhij SS. *O starom i novom* [About the Old and the New]. St. Petersburg, Aletejya Publ.; 2000. 477 p. (In Russ.).
7. Chernyh SI. *Obrazovatel'noe prostranstvo v usloviyah informatizacii obshchestva* [Educational space in the conditions of informatization of society]. Novosibirsk; 2011. 254 p. (In Russ.).
8. Shalaev IK, Veryaev AA. *Ot obrazovatel'nyh sred k obrazovatel'nomu prostranstvu: ponyatie, formirovanie, svoystva* [From educational media to educational space: concept, formation, properties]. *Pedagog: Nauka, tekhnologiya, praktika*. 1998;(1). (In Russ.).

Информация об авторе

А. Н. Гулеватая — сотрудник Управления научной и инновационной деятельности, Южно-Уральский государственный университет; аспирант кафедры философии и культурологии, Челябинский государственный институт культуры.

Information about the author

A. N. Gulevataya — Research Fellow of the Department of Scientific and Innovative Research, South Ural State University; Postgraduate Student of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Chelyabinsk State Institute of Culture.

Статья поступила в редакцию 17.07.2023; одобрена после рецензирования 30.08.2023; принята к публикации 15.09.2023.

The article was submitted 17.07.2023; approved after reviewing 30.08.2023; accepted for publication 15.09.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 7 (477). С. 48–54.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(7(477):48-54. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 141.2

doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-48-54

ИСТОРИЗМ КАК ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПРИНЦИП В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ НАУКИ

Алексей Геннадиевич Корниенко

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, akornienko@yandex.ru, ORCID 0009-0001-7555-6711

Аннотация. В статье автор ставит цель обосновать статус историзма как действенного общенаучного принципа в сфере гуманитарного знания на примере современной социологии науки. Решая поставленную задачу, автор фокусирует внимание на дискуссии о природе материальных объектов, развернувшейся между Б. Латуром и Г. Харманом. В ходе рассмотрения позиций данных исследователей выясняется, что, несмотря на изначально различные философские установки, оба автора рассматривают свой предмет в историцистской перспективе, то есть как динамичный и подверженный изменениям во времени. При этом обозначенная перспектива вынуждает обоих авторов двигаться в решении своих программных задач по траекториям, уже намеченным классиками историзма. Так, Б. Латур воспроизводит наработки историцистской методологии, а Г. Харман — его специфическую онтологию. Опираясь на результаты проведённого исследования и мнения ряда отечественных и зарубежных исследователей, автор приходит к выводу о том, что, несмотря на разрушительную критику в постмодернизме, историзм до сих пор остаётся неким организующим принципом в пространстве гуманитарных наук, который не только задаёт контекст современных дискуссий, но и формирует перспективы дальнейшего развития.

Ключевые слова: историзм, гуманитарные науки, методология историзма, онтология историзма, материальный объект, актор, материализм, имматериализм

Финансирование. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, проект № 21-18-00174 «Историзм как парадигма гуманитарных наук».

Для цитирования: Корниенко А. Г. Историзм как общенаучный принцип в современной социологии науки // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 7 (477). С. 48–54. doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-48-54.

Original article

HISTORICISM AS A GENERAL SCIENTIFIC PRINCIPLE IN A MODERN SOCIOLOGY OF SCIENCE

Aleksei G. Kornienko

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, akornienko@yandex.ru, ORCID 0009-0001-7555-6711

Abstract. In the given article, the author tries to define historicism as an effective scientific principle in the field of humanities, namely in the modern sociology of science. Trying to solve this task, the author focuses his attention on the B. Latour and G. Harman's discussion on the essence of material objects. Analyzing their positions, the author states that despite initially different philosophical attitudes, both thinkers consider the subject of their research in a historicist way, that is, as dynamic and changeable in the course of the time. This way of thinking, in turn, forces them to solve their program tasks, using the instruments which were developed in the frame of classical historicist thought. So B. Latour chooses to use the historicist methodology and G. Harman, in turn, reproduces its specific

© Корниенко А. Г., 2023.

ontology. Taking into consideration the results of the study and opinions of domestic and foreign researchers, the author concludes that despite the destructive criticism of postmodernism, historicism still remains a kind of organizing principle in humanities, which doesn't only set the context of modern discussions, but also forms prospects for further development.

Keywords: historicism, humanities, historicist methodology, historicist ontology, material object, actor, materialism, immaterialism

Funding. The article was prepared with the support of a grant from the Russian Science Foundation no. 21-18-00174 "Historicism as a paradigm of the humanities".

For citation: Kornienko AG. Historicism as a General Scientific Principle in a Modern Sociology of Science. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(7(477):48-54. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-48-54.

Введение

В современном гуманитарном знании, пережившем радикальный пересмотр собственных оснований в постмодернизме и пытающемся осмыслить перспективы для своего дальнейшего развития в ситуации метамодерна, всё чаще наблюдается обращение к общенаучным принципам, казалось бы, уже отжившим и исчерпавшим себя. При этом подобное обращение зачастую остаётся неотрефлексированным исследователями вне зависимости от того, работают ли они в своей конкретной предметной области или пытаются выйти в более широкое междисциплинарное поле. Так, в полемике, развернувшейся в области современной социологии науки, мы можем вполне отчётливо различить контуры специфической историцистской методологии и онтологии, с помощью которых различные авторы решают свои программные задачи.

Как известно, суть этой полемики сводится к тому, что, пытаясь переосмыслить статус объекта в контексте гуманитарного знания вообще и социологии науки в частности, наиболее заметные исследователи в этой области приходят к разным и зачастую даже противоположным взглядам на саму природу материального. Так, ставя перед собой задачу переосмыслить классическую оппозицию «общество — природа» и тем самым преодолеть имплицитно содержащийся в ней субъект-объектный дуализм, Б. Латур предлагает мыслить опосредующие взаимоотношения людей материальные объекты как отношения или акторы, то есть как то, что существует, лишь действуя, а точнее, как оказывающее воздействие. В свою очередь, Г. Харман, ставя перед собой по сути схожую задачу, решительно отвергает «материализм» Латура и разрабатывает собственную онтологию «имматериализма», в котором объект оказывается уже не коррелятом отношений, но реальным сущим, обладающим собственным онтологическим весом. При

этом примечательно, что, вступая в философскую дискуссию о природе материального, оба автора рассматривают предмет своего исследования — конкретный материальный объект — в плоскости сугубо исторической и тем самым воспроизводят на свой лад различные сюжеты, разработанные в рамках классического историзма.

Попытка обозначить контуры рецепции данных сюжетов в современной социологии науки является задачей не только новой, поскольку попыток подобного рода ещё не предпринималось в отечественной исследовательской литературе, но и достаточно актуальной, так как позволяет вписать чрезвычайно влиятельные на сегодняшний день акторно-сетевую теорию Латура и объектно-ориентированную онтологию Хармана в широкий историко-философский контекст непрерывного развития европейской мысли. Поэтому представленное исследование ставит перед собой цель проанализировать вышеобозначенные концепции и выявить в них следы рецепции методологии и онтологии классического историзма и тем самым прояснить его статус как общенаучного принципа в современной социальной теории. Поставленная цель определила не только выбор материалов и общую историко-философскую ориентацию работы, но и ряд рабочих методов, таких как компаративистский метод, метод историко-философской реконструкции и историко-философского обобщения.

«Материализм» Б. Латура

Итак, предпринятый Б. Латуром «поворот к материальному» принято рассматривать прежде всего в контексте проведённой им критики традиционных познавательных подходов в социальной теории. Так, общество, с точки зрения Латура, считавшееся в классической социологии источником для объяснения всякого феномена, никогда не объяснялось само, а всякий материальный объект либо просто выносился за рам-

ки исследования как недостаточно богатый человеческими смыслами, либо его материальное содержание полностью замещалось содержанием символическим [7. С. 150]. Такая описательная модель в целом соответствовала модернистской установке, предписывающей рассматривать не только общество, но и всю сферу человеческого как результат осмысленной деятельности субъекта, которому противостоял инертный материальный мир объектов.

Однако в реалиях постиндустриального общества, в котором компьютерные технологии и повсеместная цифровизация всё больше опосредовали взаимоотношение людей и тем самым радикально трансформировали традиционные практики социальной коммуникации, подобные познавательные установки не могли более обеспечить адекватное описание реальности. Поэтому, осмысляя материалы междисциплинарных исследований в области науки и технологий (STS), Б. Латур предложил собственный проект «объектно-ориентированной социологии», в котором прилагательное «общественный» не означало более «субстанцию», или «сферу реальности, противоположную естественному», но понималось как «способ связывания вместе гетерогенных узлов» или «способ превращения сущностей одного типа в другой» [5. С. 30]. Другими словами, в концепции Латура общество не объясняет, но объясняется, поскольку оно не порождает науку и технологии, но трансформируется ими, а точнее конструируется в процессе их исторического развития, присутствуя повсюду «как движение», связывающее между собой «не-социальные вещи» [7. С. 223]. При этом наука в понимании Латура включает в себя не только познавательную деятельность людей, но и всю совокупность материального обеспечения, принимающего непосредственное участие в функционировании науки как социального института. Так, в своей работе «Пастер: война и мир микробов» Латур наглядно демонстрирует, как материально-техническая база пастерианской лаборатории становится неотделимым элементом научного труда, опосредующего деятельность учёного и образующего с ним «гибрид», действия которого, собственно, и конструирует общество нового типа [6. С. 107].

Таким образом, вещь или объект оказывается онтологически «симметричной» субъекту и рассматривается Латуром как равноправный участник социального действия, как «часть института», включённая в процесс научного исследования наравне с деятельной активностью субъекта

и неотделимая от неё [3. С. 87]. Тем самым, как отмечает Л. В. Шиповалова, Латур обеспечивает возможность анализировать науку «в действии», до всякого «разделения на субъект и объект, Природу и Общество» [9. С. 85], что в свою очередь формирует особую перспективу в представлении объекта, а именно не только как объекта-института или полноценного актора социального действия, но и как разворачивающегося во времени «проекта», который постоянно изменяется и переходит из одной фазы в другую [3. С. 89]. Ведь если в концепции Латура бытие материального объекта приравнивается к его способности действовать, то необходимым образом встаёт вопрос о том, каким образом одному и тому же объекту удаётся оставаться тождественным самому себе во времени и не растворяться в различных актах социального воздействия. Другими словами, требуется прояснить, каким образом существующий ещё только на бумаге проект будущей лаборатории соотносится с реально действующей лабораторией, находящейся где-нибудь в Северной Африке и обеспечивающей потребности экспансии французского колониализма.

С точки зрения Латура, всякий объект не существует вне связи с проектом, поскольку в последнем имплицитно содержатся все его потенциальные отношения в свёрнутом виде. Однако по мере реализации проекта объект обретает собственную онтологическую значимость, обрастая собственной сетью отношений и воздействий. Если проект был реализован полностью, а не остался лишь потенциальной возможностью, объект становится уже не проектом, но частью института, исполняющей свои функции в соответствии с делегированными ей полномочиями. В последнем случае всякое действие объекта, включённого в разветвлённую сеть отношений и взаимодействий, понимается как уникальное «событие», которое в свою очередь может быть последовательно прослежено в связи с другими событиями и тем самым образовать «траекторию» разворачивающегося проекта. Другими словами, методологическая установка, требующая рассматривать всякий объект как актор коллективного действия, предполагает анализ объекта не только в его «синхронии», то есть как единичного события, произошедшего в определённом пространстве и времени, но и в его «диахронии», то есть как траекторию, прочерченную «по следам» различных событий. Так объект в концепции Б. Латура обретает собственную темпоральность и становится объектом историческим, то есть объектом,

имеющим свою собственную историю [9. С. 80]. Объекты как акторы или «актанты», как отмечает М. А. Ерофеева, «изменяются, но их предшествующие состояния не пропадают безвозвратно, но оставляют следы», что в свою очередь «позволяет говорить о самоидентифицируемости объекта как траектории, хотя она и зависит от систем отношений, в которые вступает актант» [3. С. 93].

Таким образом, ставя перед собой задачу преодолеть традиционные описательные модели социологии, базирующиеся на классическом разделении «общество — природа», Латур не только делегирует объекту способность действия в пространстве социального, но и указывает на необходимость открытия его истории, поскольку именно в последней объект может быть раскрыт во всей полноте своих отношений. Такой методический ход Латура вполне вписывается в методическую программу классического историзма, где всякий социальный институт предлагалось рассматривать не как статичный, а в динамике его исторического развития (см. подр. [4]), с той лишь разницей, что у Латура эта установка экстраполируется за границы «человеческого» на мир материальных объектов [12. Р. 6]. В этом смысле мы вполне можем вслед за Дж.-М. Куукканеном обозначить разрабатываемый Латуром проект социологии науки как «историцистский», который противостоит подходу «эссенциалистскому» и характеризуется через изначальное метафизическое допущение, что всякий объект изменчив в принципе и все его «характеристики временны, а потому подлинная природа объекта может быть обнаружена только в его истории, то есть в траектории его модификаций» [12. Р. 5].

«Имматериализм» Г. Хармана

В свою очередь Г. Харман, обращаясь к предложенному Латуром проекту объектно-ориентированной социологии, критикует ряд его ключевых положений и, вступая в философскую по своей природе дискуссию о природе социальной реальности, предлагает диаметрально противоположный подход к рассмотрению природы объекта, на первый взгляд исключающий всякую историческую перспективу. С точки зрения Хармана, всякая реальность, в том числе и социальная, состоит из объектов, которые в свою очередь остаются в принципе непознаваемыми или «непредсказуемыми и непрозрачными» [8. С. 29]. Все те представления об объектах, которые встречаются в опыте, в том числе и в опыте социального взаимодействия, являются ложными или по край-

ней мере иллюзорными, поскольку всякое представление о реально существующем объекте является попыткой замещения объекта или, как выражается Харман, его «парафразой» [8. С. 17]. Парафразирование объекта может быть реализовано в трёх различных направлениях, а именно как «надрыв», «подрыв» или «двойной срыв» [8. С. 17]. Не вдаваясь в подробности проводимых Харманом различий, отметим лишь, что Латур в предложенной им концепции реализует, по мнению Хармана, именно стратегию надрыва, когда требует рассматривать объект исключительно в контексте его отношений или «регистрируемых действий» [8. С. 17]. Суть этой стратегии сводится к тому, что всякий объект рассматривается исключительно как набор присущих ему качеств, или, как в случае с Латуром — его действий, а наличие некоего субстанционального ядра полностью отрицается. Харман решительно возражает против подобного редукционизма.

Объекты, по мнению Хармана, остаются объектами даже тогда, когда они не действуют, поскольку всякий объект является чем-то большим, чем сумма его отношений, качеств или действий: «Вещи действуют, — пишет Харман, — потому что существуют, а не существуют, потому что действуют» [8. С. 14]. Утверждать обратное, с точки зрения Хармана, значит вставать на позицию крайнего материализма нового толка, в котором всякая вещь растворяется в потоке своих действий. При этом особую несостоятельность подобного материализма Харман находит в том, что само действие и соответствующие изменения не только не проясняются в контексте данной концепции, но и не могут быть объяснены в принципе, поскольку, рассматривая объект исключительно как нечто актуальное и не имеющее «избытка реальности», подобный «реляционный актуализм» всякий раз выносит за скобки потенциальность объекта, за счёт которого собственно и возможно всякое действие [1. С. 66].

Так, в концепции Латура, объект, понятый как траектория, то есть как цепь разворачивающихся событий в рамках одного проекта, оказывается, по мнению Хармана, лишённым своего материального субстрата как носителя изменений, но «не потому, что становление иллюзорно, а лишь потому, что изменчивый процесс не может протекать без того, чтобы что-то оставалось вне процесса» [8. С. 67]. При этом Харман убеждён, что сам Латур осознаёт уязвимость своей концепции и предлагает искать субстанциональность объектов в некоем особом измерении реальности,

изолированном от всяких отношений, который он обозначает как «плазму». Однако, Харман считает, что подобный подход является несостоятельным, поскольку описываемая Латуром плазма является по сути неким метафизическим, абсолютно бесформенным и деиндивидуализированным конструктом, и предполагает, в противоположность Латуру, не искать определение объекта извне, как элемента сети отношений или части некоего надындивидуального целого, но восстанавливать его в границах его собственной индивидуальности.

Подобная установка, с точки зрения Хармана, может быть реализована не в обращении к истории объекта как проекта, которая, по его словам, «аналогична сюжету романа», а в восстановлении в правах его онтологии, поскольку последняя всегда оказывается ближе к исследованию «главных героев романа, неважно — человеческих, институциональных или неодушевленных» [8. С. 53]. При этом это вовсе не означает, что историческое измерение бытия объекта полностью нивелируется, речь скорее идёт о том, что, обращаясь к его истории, внимание исследователя сосредоточивается не на действиях объекта, а на нём самом или, как выражается Харман, на его «биографии» [11. Р. 276]. Подобно тому, как Латур обращается к истории проекта пастерианской лаборатории, Харман обращается к истории Голландской Ост-Индской компании, чтобы на примере «конкретного объекта» наглядно подтвердить свои теоретические соображения. В ходе этого рассмотрения Харман формулирует ряд ключевых положений, согласно которым всякий объект существует до и после того, как он начинает действовать, и, вступая на различных этапах своего существования в «симбиозы» с другими объектами, он всякий раз остаётся самым собой, то есть автономным объектом, обладающим собственной реальностью и индивидуальностью.

При этом, несмотря на то, что история в данном случае понимается скорее как вспомогательное средство в построении онтологии объекта, а собственный метод Харман сравнивает скорее с археологией, чем с историей, предлагая «остудить» последнюю до состояния биографии [11. Р. 276], он тем не менее воспроизводит один из ключевых подходов к рассмотрению объекта, который был предложен именно в рамках классического историзма. Так, Ф. Р. Анкерсмит указывает на то, что ещё в начале XIX столетия классики немецкого историзма пытались решить схожую онтологическую проблему: постулируя необходимость

рассматривать всякий объект как исторический, то есть изменяющийся во времени, они были вынуждены ответить на вопрос о том, что собственно является субстратом этих изменений [10. Р. 10]. В попытке ответа на этот вопрос Л. фон Ранке и А. фон Гумбольдтом был предложен особый онтологический конструкт «историческая идея», представлявший собой тот самый носитель изменений, благодаря которому историческая вещь (нация, эпоха, государство) сохраняла свою индивидуальность и автономность. При этом сама идея переносилась в сферу трансцендентного и объявлялась непознаваемой, поэтому судить о её содержании предлагалось исходя из действия или трансформаций конкретного объекта как её феноменального проявления [Ibid.]. Разумеется, проект объектно-ориентированной онтологии Хармана ставит перед собой совершенно другие задачи и разворачивается в совершенно другом контексте, однако нельзя не отметить, что предложенная им концепция объекта как обладающего историей, но при этом автономного и реального, чьё подлинное бытие скрыто в области непознаваемого, в целом повторяет контур решения, предложенного классиками немецкого историзма.

Заключение

Рассмотрев предложенные Латуром и Харманом концепции объекта, мы можем отметить, что и условный «материалистический историзм» первого и «имматериалистический эссенциализм» второго в равной мере реализуют различные подходы, уже очерченные в рамках классического историзма. Так методологическое требование рассматривать всякий объект как проект, имеющий свою историю, выдвинутое Латуром, коррелирует с идеей о необходимости рассматривать всякое явление не как статичное, а в динамике его исторического развития. В свою очередь, выстраиваемая Харманом онтология трансвременного объекта (*time-transgressive thing*) во многом повторяет решения, предложенные в рамках специфической онтологии историзма. В данном отношении примечательно наблюдение Ежи Шацкого, который, пытаясь определить статус историзма в общественных науках, приходит к выводу, что под историзмом в социальной теории в частности и гуманитарном знании вообще, как правило, понимаются два различных представления об объекте познания, а именно как о «структурированном историческом процессе» в одном случае и как о «специфическом историческом юните» — в другом [13. Р. 40].

Таким образом, проведённое рассмотрение не только вписывается в рамки описанного Шацким определения историзма, но и подтверждает на материале полемики, развернувшейся в социологии науки, тезис А. В. Дьякова, согласно которому историзм остаётся действенным общена-

учным принципом в пространстве современного гуманитарного знания, где дефинирование предмета познания переносится в сферу наук исторических, а способ его проблематизации — в сферу наук философских [2. С. 33].

Список источников

1. Вяткин Д. И. «Плазма в себе»: между онтологией и эпистемологией // Логос. 2017. Т. 27, № 3 (118). С. 57–82.
2. Дьяков А. В. Историзм как методология: гуманитарные науки и критика // Коммуникативные стратегии информационного общества : труды XIV Междунар. научно-теоретической конф. Санкт-Петербург, 17–18 ноября 2022 г. СПб. : Санкт-Петербургский политехн. ун-т Петра Великого, 2022. С. 33–35.
3. Ерофеева М. А. Акторно-сетевая теория: объектно-ориентированная социология без объектов? // Логос. 2017. Т. 27, № 3 (118). С. 83–112.
4. Корниенко А. Г. Рецепция онтологии историзма в постантропологии // Языки и смыслы: материалы XX Междунар. науч. конф. молодых учёных в области гуманитарных и социальных наук. Новосибирск, 25–27 октября 2022 г. Новосибирск : Новосибирский нац. исследоват. гос. ун-т, 2022. С. 85–88.
5. Латур Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «Исследований науки» в общественные науки / пер. О. Е. Столяровой // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7: Философия. 2003. № 3. С. 20–39.
6. Латур Б. Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого» / пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 316 с. (Прагматический поворот; вып. 7).
7. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с. (Социальная теория).
8. Харман Г. Имматериализм. Объекты и социальная теория / пер. с англ. А. Писарева. М. : Издательство Института Гайдара, 2018. 150 с. (Библиотека журнала «Логос»).
9. Шиповалова Л. В. Бруно Латур и историчность научных объектов // Мысль. 2013. Вып. 15. С. 78–97.
10. Ankersmit F. R. Meaning, truth, and reference in historical representation. Ithaca : Cornell University Press, 2012. 280 p.
11. Harman G. The Coldness of Forgetting: OOO in Philosophy, Archaeology, and History // Open Philosophy. 2019. Vol. 2, no. 1. P. 270–279.
12. Kuukkanen J.-M. Historicism and the failure of HPS // Studies in History and Philosophy of Science. Part A. 2016. Vol. 55. Pp. 3–11.
13. Szacki J. On the So-Called Historicism in the Social Sciences // The Polish Sociological Bulletin. 1970. No. 22. Pp. 36–46.

References

1. Vyatkin DI. Plasma in Itself: Between Ontology and Epistemology. *Logos*. 2017;27(3(118)):57-82. (In Russ.).
2. Dyakov AV. Historicism as Methodology: Humanities and Criticism. In: Proceedings of the XIV International Scientific-Theoretical Conference “Communicative Strategies of the Information Society”. Nov 17–18; St. Petersburg. St. Petersburg, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; 2022. Pp. 33–35. (In Russ.).
3. Erofeeva MA. Actor-Network Theory: Object-Oriented Sociology without Objects? *Logos*. 2017;27(3(118)):83-112. (In Russ.).
4. Kornienko AG. Reception of the Ontology of Historicism in Post-Anthropology. In: Proceedings of the XX International Scientific Conference of Young Scientists in the Field of Humanities and Social Sciences “Languages and Meanings”. Oct. 25–27; Novosibirsk. Novosibirsk, Novosibirsk State University; 2022. Pp. 85–88. (In Russ.).
5. Latour B. When Things Strike Back: Possible Contribution of “Science Studies” to Social Sciences. *MSU Vestnik. Ser. 7: Filosofia*. 2003;3:20-39. (In Russ.).

6. Latour B. *Les Microbes. Guerre et Paix suivi de Irreductions*. St. Petersburg, Publishing House of the European University in St. Petersburg; 2015. 316 p. (Pragmatic Turn; vol. 7). (In Russ.).
7. Latour B. *Reassembling the Social: Introduction to Actor-Network Theory*. Moscow, Higher School of Economics Publishing House; 2014. 384 p. (Social Theory). (In Russ.).
8. Harman G. *Immaterialism. Objects and Social Theory*. Moscow, Gaidar Institute Publishing House; 2018. 150 p. (Library of the Journal "Logos"). (In Russ.).
9. Shipovalova LV. Bruno Latour and the Historicity of Scientific Objects. *Mysl*. 2013;(15):78-97. (In Russ.).
10. Ankersmit FR. *Meaning, truth, and reference in historical representation*. Ithaca, Cornell University Press; 2012. 280 p.
11. Harman G. The Coldness of Forgetting: OOO in Philosophy, Archaeology, and History. *Open Philosophy*. 2019;2(1):270-279.
12. Kuukkanen J-M. Historicism and the failure of HPS. *Studies in History and Philosophy of Science. Part A*. 2016;55:3-11.
13. Szacki J. On the So-Called Historicism in the Social Sciences. *The Polish Sociological Bulletin*. 1970; (22):36-46.

Информация об авторе

А. Г. Корниенко — кандидат философских наук, лаборант-исследователь кафедры истории философии Института философии.

Information about the author

A. G. Kornienko — Candidate of Philosophical Sciences, Research assistant, the Department of the History of Philosophy, the Institute of Philosophy.

Статья поступила в редакцию 31.08.2023; одобрена после рецензирования 03.09.2023; принята к публикации 05.09.2023.

The article was submitted 31.08.2023; approved after reviewing 03.09.2023; accepted for publication 05.09.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 165.0

doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-55-60

ПРОЦЕССЫ ТРАНСФОРМАЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Ольга Витальевна Пашченко

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, o.pashchenko@list.ru, ORCID 0000-0002-6232-6407

Аннотация. Вопросы, связанные с трансформацией и развитием научного знания, были и остаются одним из приоритетных направлений философских исследований. Наиболее яркими обстоятельствами, меняющими облик современной науки, являются процессы цифровизации, охватывающие все стороны человеческой жизнедеятельности. О последствиях цифровизации для бытия науки в целом говорить рано, но отслеживать динамику её развития необходимо.

Ключевые слова: наука, цифровая культура, цифровая антропология, истина, цифровизация

Для цитирования: Пашченко О. В. Процессы трансформации научного знания в условиях цифровизации // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 7 (477). С. 55–60. doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-55-60.

Original article

PROCESSES OF TRANSFORMATION OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Olga V. Pashchenko

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, o.pashchenko@list.ru, ORCID 0000-0002-6232-6407

Abstract. Issues related to transformations and development of scientific knowledge have been and remain one of the priorities of ongoing philosophical research. The most obvious circumstances, my image of modern science, are the processes of digitalization, covering all aspects of serious life activity. It is too early to talk about the consequences of digitalization for the existence of science as a whole, but it is necessary to monitor the dynamics of its development.

Keywords: science, digital culture, digital anthropology, truth, digitalization

For citation: Pashchenko OV. Processes of transformation of scientific knowledge in the conditions of digitalization. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(7(477)):55-60. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-55-60.

Введение

С момента зарождения научного знания можно наблюдать устойчивый рост интереса не только к результатам исследований, но и к самому феномену науки. Процесс появления новых интерпретаций науки, её основных принципов, оснований, интенций и т. п., связан прежде всего с философией и её стремлением познать суть любого феномена природы и культуры через призму человеческого сознания. Современная философия не становится исключением. Наука всё чаще выступает в виде разнообразных, против-

положных, иногда конкурирующих между собой исследовательских программ и нуждается в анализе тех процессов, которые приводят к подобным трансформациям. Необходимо это в том числе и для того, чтобы понять ход её дальнейшего развития и влияния на материальную и духовную культуру современного общества. Особые коррективы вносят процессы цифровизации, преобладающие в мировой культуре. Они приводят к появлениям новых тенденций науки, делающих её инструментом для ускорения происходящих процессов.

Материалы и методы исследования

Рассмотрение сущностных сторон науки происходило на протяжении всего периода развития философии, но опорной точкой для современных исследователей являются труды философов XX в. Наиболее значимой фигурой в процессе изучения логики науки является Л. Витгенштейн, который поднял вопросы понимания истины, исследуя структуру и рост научного знания. Всплеск интереса к проблемам науки был спровоцирован выходом работы Т. Куна «Структура научных революций», которая и для современных мыслителей, пытающихся раскрыть все грани бытия науки, является настольной книгой. Особый вклад в понимание механизма функционирования науки внесли К. Поппер и П. Фейерабенд.

После фундаментального анализа, предложенного философами XX в., стали появляться проблемно-ориентированные исследования, направленные на решение задач, поставленных технологическим обществом, в том числе и направленные на анализ тенденций, господствующих в цифровой культуре.

Причём вслед за западными мыслителями, такими как Б. Латур, Б. Стиглер, Л. Флориди, нити, связывающие процессы цифровизации и научное знание, рассматривают представители отечественной науки: М. А. Розов, Е. Л. Черткова, С. В. Тихонова, Е. О. Труфанова, С. М. Медведева и многие другие.

Комплексный социально-философский анализ состояния науки в современном мире, с учётом трансформаций в условиях становления цифрового общества; выявление новых социальных рисков, связанных с изменением принципов, лежащих в основе научного знания и определяющих науку в качестве одной из ключевых ценностей современной культуры, являются приоритетными для современных исследователей.

Результаты исследования и их обсуждение

Чрезвычайная многоаспектность, являющаяся особенностью нашей культуры, дробит научное знание, тем самым обнажая проблему поиска истины. Классическое понимание истины как соответствия знаний, выработанных субъектом, изучаемому объекту уступает своё место истине как приспособленности и полезности полученной информации. Об этом свидетельствуют программы поддержки и финансирования научных исследований не только со стороны частных инвесторов, но и со стороны государства. Поддержку получают те исследования, которые отражают поль-

зу, как главную ценность научного знания, тогда как истина теряет свой приоритет. «В наше время “столпы общества” — политики и финансисты — всё меньше прислушиваются к авторитетным учёным, чаще руководствуются сиюминутными интересами власти и денег. Разразившийся “внезапно” финансово-экономический кризис отнюдь не случаен и является следствием более глубокой болезни — потери цивилизацией ясных ценностных ориентиров человеческого существования, в том числе и самой экономической деятельности» [2. С. 204].

Инвестиционная поддержка вполне объяснима и обоснована в условиях постиндустриального общества, так как экономический рост осуществляется благодаря наукоёмким производствам. Научные знания занимают место главных производительных сил общества и являются условием прогресса.

Но не только экономическая составляющая влияет на развитие и тенденции современной науки. Развитие науки зависит от многих факторов, таких как систематизация знаний, упорядочивание, унификация языка и т. д. В современной ситуации затруднены процессы организации и структурирования информации из-за огромного обилия мнений и позиций. Поэтому нередко учёным приходится тратить немало усилий, чтобы систематизировать накопленный «багаж», объединив всё многообразие концепций, понятий и принципов науки. В современной науке не просто появляются новые направления, а происходит соединение социогуманитарных, технических, экономических, естественно-научных знаний, знаний в области антропологии и др., образуя сложную систему дисциплинарных единиц. Изучение особенностей научного знания во всём его многообразии приближает нас к пониманию природы человека в конкретных, современных культурно-исторических условиях.

Изменения, продиктованные развитием общества, охватывают не только сами научные знания, но и учёных, являющихся частью культуры цифрового общества. Учитывая, что современный человек сориентирован на формирование профессиональных компетенций, умение решать любую возникающую перед ним задачу, действовать в условиях многозадачности становятся ключевыми требованиями. Таким же требованиям должен удовлетворять любой современный учёный. Процесс унификации исследователей охватывает всё большее количество людей, главным желанием которых должно было стать подлинное зна-

ние. Учёные, являясь частью профессионального сообщества, вынуждены действовать в условиях многозадачности. Они становятся частью научно-го предприятия, направленного на удовлетворение потребностей масс. Таким образом, научное сообщество само способствует процессам самоопустошения науки.

При этом важно отметить, что наука пользуется большим уважением в общественном сознании. Именно её достижения становятся мерилем прогресса и цивилизационного развития.

Быстрое развитие науки повлекло изменение её структуры. Систематизация знаний потребовала подведения их под общие теоретические основания. При этом появилась необходимость учесть разные виды научной деятельности, включающие не только исследовательскую, но и проектно-рольничую, изобретательскую, конструкторскую.

Ещё одним важным фактором является, с одной стороны, усиление влияния техники на науку, с другой, техника, проникающая во все сферы жизни общества, в том числе гуманитарные науки, становится предметом специального исследования. Техника увеличивает деятельностный и интеллектуальный потенциал человека. Сущность техники заключается в её инструментальном характере. Центральным становится вопрос о понимании техники как цели научной деятельности либо её средства. Учитывая тенденции технологизации общества, приоритетным становится изобретение новых механизмов, способных приносить пользу обществу. Без процессов аккумуляции и трансляции научного знания техническое развитие современного общества не представлялось бы возможным. Не только техника является инструментом для развития науки, но и наука ориентируется на обслуживание и усовершенствование механизмов. Остаётся открытым вопрос о том, является ли сложившаяся ситуация кризисом науки либо новым витком её развития, так как учёные создают новые и весьма полезные предметы, что показывает динамику.

Современное общество требует от учёных погружения в нужды простого обывателя и решения повседневных проблем путём создания нового продукта.

Такое отношение к науке и учёным отражает ценности общества потребления, которое активно развивается уже более ста лет. Всё чаще современная наука сталкивается с ситуацией, когда учёный идёт на поводу у общества и в погоне за научным достижением, приносящим пользу обществу, погружается в междисциплинарные

исследования, подрывая тем самым основания фундаментальных наук. В таком случае создаётся иллюзия социальной значимости достижений, которые носят сиюминутный характер и существенно не изменяют сферу производительной жизни общества. Подобные ситуации сглаживают границы науки и псевдонауки, что и приводит в свою очередь к росту лженаучных представлений о действительности.

Отдельного исследования заслуживают вопросы, связанные с популяризацией науки и того, какую роль играет учёный в этих процессах. Зачастую мы слышим, что популяризация науки направлена прежде всего на повышение интереса к исследовательской деятельности, но всегда ли это обосновано, когда речь идёт о столь сложном явлении, как наука? Современная система образования в качестве одной из основных компетенций выпускника высшего учебного заведения декларирует исследовательскую и инновационную деятельность, несмотря на то, что не все профессии требуют подобного навыка. Более того, само по себе научное знание достаточно сложно, что приводит к низкому уровню востребованности исследовательской деятельности в учебных кругах. Но ресурсы цифрового общества вполне позволяют любому человеку погружаться в научно-исследовательскую инновационную деятельность. С одной стороны — это возможность вывести науку на новый уровень, с другой, в такой ситуации сохраняется риск обесценивания научного знания, растворяющегося в массовом сознании.

Ещё одной опасностью популяризации науки является возникновение всё большего количества научных мифов, под которыми понимается общественное заблуждение, выдаваемое за научную истину. Оперирование научными фактами требует специальной подготовки, тогда как массовый характер позволяет задействовать в научном исследовании недостаточно хорошо подготовленного субъекта и, как следствие, умышленное или непреднамеренное искажение изначального смысла. Упрощается исходный материал и преподносится в доступной форме массовому потребителю, который уже по своей воле использует предоставленное ему знание.

В качестве положительного момента в процессах популяризации науки можно выделить то, что приоритетной задачей остаётся развитие, а следовательно, на первый план выходит не развлекательная, а обучающая функция научного знания. Популяризация науки и работа современных

учёных в этом направлении помогает сгладить разрыв между наукой и обыденными представлениями, господствующими в общественном сознании.

В пространстве современного научного знания всё больше внимания уделяется процессам цифровизации, которые связывают прежде всего с появлением технических новинок, внедряемых не только в производственную деятельность, но и в повседневную жизнь человека. Отсюда вытекает явно выраженный интерес научного сообщества к новому понятию «цифровая антропология».

Цифровая антропология становится основным инструментом социально-философского анализа. Она направлена на изучение особенностей существования человека в мире цифровых и компьютерных технологий и является попыткой определить «цифру» частью духовного мира человека. «Цифровая антропология изучает особенности существования человека в мире, созданном цифровыми, компьютерными технологиями, сетевыми средами, а также последствия влияния виртуальных и технических новаций на человека, исследует его медиазависимость. Особенность сформированной цифровыми технологиями среды обусловлена, с одной стороны, её искусственностью, с другой — невозможностью отказа от использования “цифры” в современных условиях бытия» [1. С. 289].

С учётом массового характера использования цифровых технологий в жизнедеятельности общества вполне объяснимой становится реакция философского сообщества и в виде появления новых направлений мысли, и в виде желания переосмыслить сущность человека. Отсюда и возникают такие понятия, как «цифровая антропология», «цифровой человек», «цифровое общество», «цифровая коммуникация» и т. п. Но при этом остаётся открытым вопрос: «Изменилась ли сущность человека в процессе цифровизации или изменился лишь посредник в процессе трансляции информации от коммуникатора к реципиенту?»

Исследование человеческой сущности является центром практически любой философской системы, но точно определить её параметры не удаётся, так как они зависят от осмысления бытия человека в мире. Цифровая антропология представляет собой ту самую попытку выделить «цифру» в качестве составной части человека, представив его как нечто существенно отличающееся от своих предков.

В цифровой антропологии одним из представляющих интерес для исследователя является биологическое знание, обогащённое генетическими, биотехническими, биоэтическими вопросами, трансформирующими представления о сущности человека, его телесного и духовного начал.

Расширяя горизонты исследования человеческой природы, цифровая антропология ставит вопросы о сохранении духовного баланса в искусственном, технократизированном мире. Френсис Фукуяма одним из первых подверг философскому осмыслению прогресс в области биомедицинских технологий и его влияние на существование человека, спрогнозировав альтернативные футурологические сценарии для всего человечества. В своей работе «Наше постчеловеческое будущее» Ф. Фукуяма поднимает вопрос о природе человека, которая, с его точки зрения, не просто существует, но и важна для создания преемственности видового опыта.

Философ подчёркивает, что вопросы антропологического характера затрагивают не только сферу морали и нравственности, но и политические, экономические и социальные аспекты. Следовательно, необходим систематический анализ процессов, связанных с воспроизводством и модификацией человека.

Огромная роль цифровой антропологии в современной культуре не подвергается сомнению. Общество, как и профессиональное научное сообщество, возлагает большие надежды на решение существующих проблем антропологического характера на новые подходы в осмыслении человека.

Особый исследовательский интерес к цифровой антропологии объясняется тем, что современный человек находится в состоянии дисгармонии и неопределённости, что требует поиска ориентиров не только для выстраивания личностью своей жизненной траектории, но и для понимания им собственной природы.

Таким образом, устойчивая ориентация на философское понимание человека становится важнейшей характеристикой современного общества. Философское знание подвергается всё большей и большей дифференциации и часто своё воплощение находит в практической деятельности, отражая не только теоретический, но и прикладной характер исследовательской деятельности в области философской антропологии.

Всё чаще в современной философской антропологии звучит понятие «постантропологическая» эпоха, и это заставляет исследователей задуматься

ся о выработке новой антропологической парадигмы, способной приблизить их к пониманию такого сложного и труднодостижимого явления, как человек.

В качестве ведущих принципов современного научного знания, которые отражены в том числе и в цифровой антропологии, являются:

- принцип личностной ориентации. Цифровая антропология отражает ориентацию на отношения субъект—субъект и предоставляет возможность раскрытия индивидуальных особенностей индивида;
- принцип социального партнёрства. Одной из важных выступает идея взаимодействия между индивидами на основе духовно-гуманистических ценностей;
- принцип культуросообразности. Цифровая антропология анализирует и отстаивает идею воспитания личности в условиях цифровой культуры, в которой находится человек. Он должен стать носителем культурных ценностей, которые воспринимает в течение жизни и репродуцирует их;
- принцип гуманизма заключается в заботе о человеке, его достоинстве, признании ценности личности, несмотря на тенденции виртуализации и цифровизации жизни.

Если провести сравнительный анализ развития такого направления, как цифровая антропология, на Западе и в России, то станет ясно, что наша наука делает только первые шаги в эту сторону, тогда как американские и европейские исследователи существенно углубились в проблематику. Об этом свидетельствуют многочисленные труды, вышедшие за последние 30 лет.

Цифровая антропология представляет собой область междисциплинарных исследований, интерес к которым с каждым годом возрастает. Как и любое другое направление научного знания, цифровая антропология предполагает наличие предмета, содержания, методов и результата деятельности. Предметом может быть рефлексия по отношению к искусственному миру, созданному цифровыми и компьютерными технологиями. Философскому осмыслению в рамках цифровой антропологии могут подвергнуться такие категории, как время, пространство, движение,

природа, жизнь, воспитание, наука и т. д., так как все эти понятия подвержены существенной трансформации в условиях «господства цифры». Содержание всегда будет предполагать наличие ценностной оценки, придание смысла понятиям и категориям.

Заключение

Огромная роль науки в современной культуре не подвергается сомнению. Общество, как и само профессиональное научное сообщество, возлагает большие надежды на решение существующих проблем с помощью новых достижений. К вопросам, требующим вмешательства учёных, относятся прежде всего экологические, медицинские, экономические. Ограниченные ресурсы планеты требуют от науки открытия новых источников энергии, будущее загрязнённой окружающей среды зависит от изобретения новых технологий по очистке, тяжело больные люди ждут изобретения лекарств, экономические вопросы связаны прежде всего с системой грамотного распределения и потребления.

Таким образом, устойчивая ориентация на науку становится важнейшей характеристикой современного общества. Научное знание подвергается всё большей и большей дифференциации и часто своё воплощение находит в практической деятельности, отражая прикладной характер исследовательской деятельности.

За последние 100 лет жизнь человека и общества в целом существенно изменилась. Это привело к появлению новых мировоззренческих вопросов и к открытию новых горизонтов для развития философского знания. Наука, традиционно работающая с фактами, не всегда может выделить смысловой компонент, в котором всегда нуждается человек, а следовательно, она всегда оставляет место для философской рефлексии. Увеличение количества знаний о телесной и психической организации индивида, выработка и построение научных гипотез о его природе не дают возможности научному знанию претендовать на абсолютную истинность в процессе познания человека, потому что всегда присутствуют элементы допущения, погрешности, которые раскрываются только благодаря философскому осмыслению.

Список источников

1. Тихонова С. В. Цифровое общество и цифровая антропология: трансдисциплинарные основания социально-эпистемологических исследований // Известия Саратовского университета. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 287–290.

2. Черткова Е. Л. Проблема когнитивного смысла и культурной ценности науки // Эпистемология: перспективы развития. М. : Канон+ ; РООИ «Реабилитация», 2012. 536 с.

References

1. Tikhonova SV. Cifrovое obshchestvo i cifrovaya antropologiya: transdisciplinarnye osnovaniya social'no-epistemologicheskikh issledovaniy [Digital society and digital anthropology: transdisciplinary foundations of socio-epistemological research]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta* [News of Saratov University]. 2019;(3):287-290. (In Russ.).

2. Chertkova EL. Problema kognitivnogo smysla i kul'turnoj cennosti nauki [The problem of cognitive meaning and cultural value of science]. In: *Epistemologiya: perspektivy razvitiya* [Epistemology: development prospects]. Moscow; 2012. 536 p. (In Russ.).

Информация об авторе

О. В. Пащенко — кандидат философских наук, доцент кафедры философии.

Information about the author

O. V. Pashchenko — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy.

Статья поступила в редакцию 28.08.2023; одобрена после рецензирования 05.09.2023; принята к публикации 15.09.2023.

The article was submitted 28.08.2023; approved after reviewing 05.09.2023; accepted for publication 15.09.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

МЫСЛИТЕЛИ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

THINKERS OF THE PAST AND THE PRESENT

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 7 (477). С. 61–67.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(7(477):61-67. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 141.23

doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-61-67

ПРОБЛЕМА БИОЛОГИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Дмитрий Александрович Овчаров

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, OvcharovDA@mgpu.ru, ORCID 0009-0002-2348-5197

Аннотация. Показана историческая ретроспектива идей в отечественной философской мысли второй половины XX — начала XXI в., затрагивающих проблему взаимодействия биологических и социальных аспектов развития человечества, а также гносеологические и онтологические причины их появления. Представлен первый в научной среде историко-философский анализ проблемы взаимоотношения биологического и социального в трудах отечественных мыслителей второй половины XX — начала XXI в. В рамках аналитического обзора были впервые апробированы современные научные публикации в их исторической взаимосвязи с предшествующими научными изысканиями. Всё это и составляет исключительную ценность и новизну данного научного исследования. В результате проделанного анализа можно предположить, что представленная проблематика отмечена в трудах отечественных исследователей и, возможно, первые мысли зародились у них ещё раньше, чем у зарубежных учёных; в отечественной мысли проблема взаимодействия биологического и социального трактовалась как «коэволюция», а в трудах зарубежных исследователей она обозначалась как «теория генно-культурной эволюции». Рассмотрение проблемы позволило выявить, что гипотеза генно-культурного взаимоотношения являлась первоначальным этапом становления и развития такого научно-академического направления, как социобиология, и определяется её своего рода неотъемлемой имманентностью. Всё это также определяет исключительную ценность и новизну представленного научного анализа. Исследование законов наследственности и основных принципов эволюции как человечества, так и всех животных и растительных организмов экосистемы актуализирует значимость разработки методологии, с помощью которой появляется возможность познать происходящие вокруг нас природные механизмы взаимозависимости и взаимодополняемости, осмыслить технологию возникновения и развития жизни с позиции философии.

Ключевые слова: коэволюция, коэволюционная взаимосвязь, генно-культурная эволюция, социобиология, биокультурная эволюция, концепция органического детерминизма

Для цитирования: Овчаров Д. А. Проблема биологического и социального в отечественной философии второй половины XX — начала XXI века: историко-философский аналитический обзор // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 7 (477). С. 61–67. doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-61-67.

Original article

THE PROBLEM OF BIOLOGICAL AND SOCIAL IN RUSSIAN PHILOSOPHY OF THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY AND THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY: HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ANALYTICAL REVIEW

Dmitry A. Ovcharov

Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia, OvcharovDA@mgpu.ru, ORCID 0009-0002-2348-5197

© Овчаров Д. А., 2023.

Abstract. The article shows a historical retrospective of ideas in the domestic philosophical thought of the second half of the 20th century — the beginning of the 21st century, affecting the problem of the interaction of biological and social aspects of human development, as well as epistemological and ontological reasons for their appearance. The first historical and philosophical analysis of the problem of the relationship between the biological and the social in the works of Russian thinkers of the second half of the 20th century — the beginning of the 21st century is presented. As part of the analytical review, modern scientific publications were tested for the first time in their historical relationship with previous scientific research. All this is the exceptional value and novelty of this scientific research. As a result of the analysis, it can be assumed that the presented problems were noted in the works of domestic researchers and, perhaps, their first thoughts arose even earlier than those of foreign scientists; in domestic thought, the problem of interaction between biological and social was interpreted as “coevolution”, and in the works of foreign researchers it was designated as “the theory of gene-cultural evolution”. Consideration of the problem made it possible to reveal that the hypothesis of gene-cultural relationship was the initial stage in the formation and development of such a scientific and academic direction as sociobiology, and which is determined by its kind of inherent immanence. All this also determines the exceptional value and novelty of the presented scientific analysis. The study of the laws of heredity and the basic principles of evolution of both humanity and all animal and plant organisms of the ecosystem actualizes the importance of developing a methodology with which it becomes possible to know the natural mechanisms of interdependence and complementarity that are happening around us, to comprehend the technology of the emergence and development of life from the position of philosophy.

Keywords: coevolution, coevolutionary relationship, gene-cultural evolution, sociobiology, biocultural evolution, the concept of organic determinism

For citation: Ovcharov DA. The problem of biological and social in russian philosophy of the second half of the XX century and the beginning of the XXI century: historical and philosophical analytical review. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(7(477):61-67. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-61-67.

Человеческие знания об окружающем мире имеют прямую взаимосвязь с проблемами понимания философского мировоззрения. Познание взаимодействия социальных и природных сторон бытия поможет объяснить ту роль, которую человек выполняет вот уже на протяжении долгого времени своего развития, пытаясь в контексте научного мировоззрения постичь свой истинный смысл в мироздании. В связи с чем естественные науки, в первую очередь те, что описывали и объясняли всё живое, — такие, как география, биология, стали принимать непосредственное участие в попытках формулирования научных постулатов философии. Тем самым встраивание знаний о природе в методологию философского познания порождало новые научные парадигмы мироустройства [21]. Взгляды учёных на проблему взаимоотношения социальных и биологических аспектов существенно разнятся — как с точки зрения формирования концепции, так и с позиции объяснения методологии взаимозависимости. Если зарубежные мыслители трактовали это как эволюцию генов и культуры (так называемая теория генно-культурной эволюции), то отечественных исследователей в большей степени волновал вопрос механизма взаимосвязи обозначенных аспектов как проблема соотношения природных и социальных факторов. На эту проблематику обращали своё внимание многие деятели естественных и социально-гуманитарных сфер

наук. В представленной статье рассмотрены идеи отечественных учёных, которые внесли весомый вклад в развитие данного направления как особо важной вехи русской философской мысли второй половины XX — начала XXI в.

Следует отметить, что концепция коэволюции в трудах советских и российских мыслителей подразумевала именно взаимоотношение социального и природного, хотя изначально термин «коэволюция» пришёл из наук биологических направленностей и означал непосредственно сосуществование живых организмов — своего рода адаптивное подстраивание друг под друга. Никита Николаевич Моисеев, отечественный мыслитель, академик АН СССР и почётный член Российской академии естественных наук, имел в виду под термином «коэволюция» объединённое взаимодействие компонентов одной структуры, развивающейся естественным путём и обладающей неделимой органичностью. Тем самым Моисеев исчерпывающе вложил в дефиницию «коэволюция» синергию развития общества и природы [9].

Первопроходцем в отечественной науке, высказавшим мысль о тесной взаимосвязи социальной сферы жизни и биологии, являлся советский генетик Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Именно он предпринимал попытки популяризировать изучение биологических наук всех направленностей, объясняя это тем, что новей-

шая история науки характеризуется сменой века физики — веком биологии. В период масштабных метаморфоз цивилизации перед человечеством наиболее актуальным становятся далеко не радужные перспективы глобальных изменений биосферы. Разработка методологии, которая позволит, по мнению Тимофеева-Ресовского, понять основные закономерности взаимодействия природы и социума, может служить и как обоснование интегративного изучения гуманитарных и естественных отраслей наук [11].

Отечественный философ Пётр Васильевич Алексеев в своих трудах также предпринимал попытки объединить природное начало отдельного индивида и естественное происхождение общества в целом с социокультурной составляющей. Он добавлял и политический аспект в свои мысли — его публикации опирались на политическую конъюнктуру в стране с целью актуализировать идеологическое постулирование социализма. Как пример можно привести трактовку из совместного труда с А. Я. Ильиным — «Принцип партийности и естествознание» — о том, что историческую миссию пролетарская партийность способна выполнить благодаря её органической связи с объективностью, её способности активно служить истине и её нацеленности на наиболее глубокое преобразование природной и социальной действительности [1].

В своей более поздней публикации — «Естественнонаучный материализм и материалистическая диалектика» — Алексеев, анализируя мысли Эрнста Генриха Геккеля [3], узрел в них первые признаки взаимодействия природы и разума человека с позиции философии: «Природа в целом подчинена великому всеохватывающему процессу развития; мировое развитие состоит из непрерывного ряда причинно связанных преобразований. Это относится одинаково как к эволюции неорганической природы, так и к эволюции организмов. Закон сохранения вещества и закон сохранения энергии слиты в единый мировой закон, ибо вещество и сила, или материя и энергия (тело и дух), есть свойства единой субстанции. Этот великий космологический принцип является “законом субстанции”. Человек всецело подчинён этому закону, равно как и весь космос. Как в человеке, так и в каждом атоме дух и материя неразрывно связаны. Всем неорганическим телам и организмам присуща “чувствительность”» [2. С. 42].

Прошрое столетие ознаменовалось многочисленными открытиями и новшествами в мировой

науке и, в частности, в биологии. Произошли значительные изменения в разных её сферах — экологии, эволюционизме, популяционной генетике и других. Биология, как наука, стала самостоятельной, со своими чёткими законами.

Ярким представителем того времени был наш соотечественник, популяризатор философии и биологии, академик АН СССР и РАН Иван Тимофеевич Фролов [12; 13]. Ему противостоял в своих убеждениях агроном Трофим Денисович Лысенко, критикующий существенное влияние наследственного фактора и не принимающий как науку менделевскую генетику [8]. Тем самым взгляды Фролова и Лысенко на взаимосвязь биологического и социального аспекта были противоположными (отрицание Лысенко наследственности и генетики в народе называли «лысенковщиной»).

Научная точка зрения Фролова сильно изменила отношение на понимание человека как биосоциального типа. Главная заслуга Ивана Тимофеевича в том, что он сумел донести научному миру о своём стремлении к необходимости познания человека исключительно только исследуя все стороны его бытия [12; 13].

Иван Тимофеевич Фролов установил, что человек, используя свои способности, может изменять окружающий его мир. Высказывания Фролова актуальны и в настоящее время. В связи с чем нашим современникам предоставляется возможность понимания обоснованности и обусловленности природных процессов и явлений, принимая во внимание законы окружающей среды как необходимое условие этого познания [14].

Решение данной задачи становится основной идеей академика Ивана Тимофеевича Фролова, труды которого направлены на познание человека, на его жизнедеятельность, в философском аспекте, как современный и свершившийся факт. Фролов предложил обратить внимание на биологическую природу человечества, направить усилия научных сообществ на осознание всей сложности взаимосвязанности биологического и социального человека, находящегося в активно меняющемся мире: «Сама объективная действительность нашего времени, следовательно, концентрирует внимание учёных самого широкого спектра специальностей на человеке» [15. С. 50].

Проблемы человеческой культуры, по мнению Ивана Тимофеевича, возможно, будут урегулированы только лишь при соединении научных знаний из общественных и естественных областей наук. Научно сформулированная технология

познания приводит к пониманию структуры коэволюции, изменению взгляда на важность осмысления представленного социально-природного устройства [16]. Значительным результатом научной деятельности Фролова стала идея неотъемлемого детерминизма, своего рода модель всеобщего развития, которая характеризуется диалектической связью аспектов жизнедеятельности и развития естественных этапов эволюции: «концепция органического детерминизма, которая заключается в многостороннем диалектическом взаимодействии разнонаправленных факторов функционирования и эволюции природных процессов» [10]. Предложенная мысль академика Фролова о всеобщем детерминизме представляет собой новаторский концептуальный путь к пониманию сути биосоциальной эволюции [17]. Анализируя направленность мировоззренческих идей Ивана Тимофеевича — суть логически выдержанного эволюционизма социальных и биологических факторов, можно отметить, что главная задача человека как индивидуума состоит в способности отказаться от доминирования в эволюции и при всём при этом не приспособливаться к изменениям в окружающей среде, ведь человечество способно адаптировать её под себя с учётом своих желаний [18].

Регина Семёновна Карпинская, ведущий отечественный философ, занимаясь вопросами биологии и общества, уделяла большое внимание проблемам коэволюционного развития. Её точка зрения основывалась на соразмерном развитии человека в сочетании с природой: таким образом, следовало принять научную стратегию жизнедеятельности, заключающуюся в том, что социуму и окружающей среде стоит гармонично развиваться друг с другом как две стороны одного целого [4]. Следовательно, концепция Регины Семёновны даёт своего рода программу для уравнения материального элемента бытия (биологических объектов) с духовной составляющей (культура человека) [5]. В связи с чем Карпинской была предпринята попытка развить новое направление в науке — «биофилософию», благодаря которой можно не только осмыслить окружающие нас процессы в природе, но и разработать, образно говоря, формулу, которая приведёт культуру человека к правильному взаимодействию с окружающей нас действительностью [6].

Игорь Константинович Лисеев указывает на важность разработки философского подхода к познанию как эволюции культуры, так и эволюции природы, в их тесной взаимосвязи. По его

мнению, сформулированная методология коэволюции является на сегодняшний день алгоритмом для понимания естествознания, своего рода ключом к разгадке основных закономерностей и постулатов философии всего живого. Лисеев утверждает, что коэволюционная стратегия проясняет основания для мониторинга итогов научных изысканий и опытов, при этом опираясь на те современные влияния, которым подвержена экосистема в результате возросшей антропогенной нагрузки в последнее время. Помимо этого, коэволюционная методология позволит сконструировать абстрактную модель, благодаря которой станет понятна перспектива тех негативных изменений, которые ожидают человечество в будущем. Именно она даст понимание того плана, следование которому можно если и не полностью нейтрализовать возникшие неблагоприятные факторы, создающие эти изменения, то хотя бы попытаться минимизировать их воздействие. Игорь Константинович считает, что парадигма коэволюции задаст новое целеполагание для развития человечества — в дальнейшем определяющее современную программу человеческой этики, включающую в себя охрану всего живого и обеспечение нормальной жизнедеятельности. Именно за счёт представленной концепции совместной эволюции биологического и социального происходит формирование независимого мировоззрения, приводящее к познанию истинной сути существующего на данный момент человеческого бытия [7].

Квинтэссенцией русского взгляда на проблему взаимодействия социального и биологического стоит выделить научные публикации Черезова Александра Евгеньевича. В работе «Парадигма жизни: к построению общей теории самоорганизации живых и социальных систем» представлена новаторская концепция генезиса жизни, где Александр Евгеньевич сформулировал универсальную точку зрения, включающую в себя унифицированный подход со стороны науки, религии и философии [19]. В результате его исследований вырисовывается общая картина теории жизни, которая заключается в объединённой структуре развития социальных и природных систем [20].

Представленный историко-философский исследовательский анализ эпистемологического развития концепции биосоциальной эволюции, благодаря зарождению которой возникло такое научно-академическое направление, как социобиология, даст основания к изучению сути, целей и смыслов существования человека, его бытия.

Изучение направленности концептуальных мыслей доктрины генно-культурного развития в отечественной философии второй половины XX — начала XXI в. показывает нам исключительно целесообразным, учитывая все те глобальные проблемы и реалии, которые стоят перед человеческой цивилизацией в ходе её естественной эволюции, в активно и динамично меняющемся современном мире.

Отечественные библиографические источники, как нами уже было в начале статьи замечено, выражают понятие генно-культурной эволюции как «коэволюцию», используя этот термин в качестве независимой научно-академической дефиниции. Итогом проделанного историко-философского анализа стало утверждение, что так или иначе концепция генно-культурного эволюционного процесса обозначена в исследованиях отечественных философов, которые открыто или косвенно показывали суть принципа всей структуры взаимосвязи биологических и социальных аспектов развития человека и культуры. Также нам удалось, вследствие уточнения, изложить исчерпывающее определение, заключающееся в формулировании проблемы биологического и социального, а именно: формирование биологического происходит на основе генетической программы, а социальное формируется в результате культурной программы (социальный геном); то есть, с одной стороны, эти две сферы человеческого бытия гармонично взаимодействуют между собой, с другой стороны, они могут вступать в конфликт, который можно назвать главной экзистенциальной проблемой человечества в целом и каждого конкретного индивида в частности.

Повышенная общенаучная заинтересованность к вопросу соответствия биологических и социальных факторов развития была вызвана необходимостью понимания естественных течений в природе и оказанного ими воздействия на человеческую жизнедеятельность. Рассматриваемый феномен генно-культурной эволюции, как

мы уже видим, затрагивал разные области научной деятельности — как часть социально-гуманитарного знания, так и становился предметом исследования биологии. Данное научно-интегрированное обобщение позволило нам осознать философско-методологический подход взаимосвязи естественно-природных и общественных факторов развития, а также осмыслить обоснованность и уместность этого взаимоотношения в современном мире. Определяющей проблемой научного мировоззрения на рассматриваемом этапе новейшей истории философии — второй половины XX и начала XXI в. — стало понимание последствий естественных процессов и влияние на них цивилизации. Как уже ранее было замечено в статье, парадигма нашего времени формируется из различных сфер наук — как гуманитарных, так и естественных — способствуя тем самым появлению утверждения, в котором содержится мысль о параллельно направленной эволюции структуры общества и генома человека. Результатом чего, подытоживая, в ходе рассмотрения нами гипотезы возникновения и становления концепции коэволюции в трудах отечественных исследователей второй половины XX — начала XXI в. стало подтверждение, заключающееся в её априорных доказательствах, что представляется нам своего рода методолого-философской аксиомой на данном временном этапе формирования парадигмы познания мира. Следовательно, понимание феномена скоррелированности развития человека в тесной связи с общебиологическими закономерностями природы было научно логичным явлением в новейшей истории философии. При рассмотрении исследования первых представлений, а также в ходе анализа основных положений концепции генно-культурного развития человечества напрашивается вывод о становлении самостоятельного научного мировоззрения — социобиологии, обладающей собственным научно обоснованным взглядом и философско-методологическим подтверждением.

Список источников

1. Алексеев П. В., Ильин А. Я. Принцип партийности и естествознание. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. 136 с.
2. Алексеев П. В. Естественнонаучный материализм и материалистическая диалектика : монография. М. : Высш. школа, 1981. 176 с.
3. Геккель Э. Г. Лекции по естествознанию и философии / пер. Р. Х. Макстыс, под ред. и с предисл. д-ра ботаники прив.-доц. А. Г. Генкеля. СПб. : Издание «Вестника знания» (В. В. Битнера), 1913. 95 с.
4. Карпинская Р. С. Биология и мировоззрение. М. : Мысль, 1980. 210 с.
5. Карпинская Р. С. Человек и его жизнедеятельность : филос.-публ. очерк. М. : Знание, 1988. 64 с.

6. Карпинская Р. С. Биология, идеалы научности и судьбы человечества // Вопросы философии. 1991. № 11. С. 139–148.
7. Лисеев И. К. Философия. Биология. Культура (работы разных лет). М. : ИФ РАН, 2011. 313 с.
8. Мендель Г. Опыты над растительными гибридами / пер. [и биограф. очерк] проф. К. А. Фляксбергера ; вводная статья и общ. ред. акад. Н. И. Вавилова. М. : Сельхозгиз, 1935. 112 с.
9. Моисеев Н. Н. Быть или не быть... человечеству? М. : Россия молодая, 1999. 288 с.
10. Овчаров Д. А. Идеи генно-культурной эволюции в философии XX века: историко-философский аналитический обзор // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 1 (45). С. 79–88.
11. Тимофеев-Ресовский Н. В. Генетика. Эволюция. Биосфера : избранные труды [вступ. ст. О. Г. Газенко, В. И. Иванова]. М. : Медицина, 1996. 478 с.
12. Фролов И. Т. Философские проблемы современной биологии. М. : Знание, 1961. 32 с.
13. Фролов И. Т. О причинности и целесообразности в живой природе: философ. очерк. М. : Госполитиздат, 1961. 184 с.
14. Фролов И. Т. Проблема целесообразности в свете современной науки. М. : Знание, 1971. 45 с.
15. Фролов И. Т. Прогресс науки и будущее человека (опыт постановки проблемы, дискуссии, обобщения). М. : Политиздат, 1975. 219 с.
16. Фролов И. Т. Перспективы человека: опыт комплексной постановки пробл., дискус., обобщения. М. : Политиздат, 1979. 336 с.
17. Фролов И. Т. Жизнь и познание: о диалектике в современной биологии. М. : Мысль, 1981. 268 с.
18. Фролов И. Т. Перспективы человека: опыт комплекс. постановки пробл., дискус., обобщения. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Политиздат, 1983. 350 с.
19. Черезов А. Е. Парадигма жизни: к построению общей теории самоорганизации живых и социальных систем. М. : Компания Спутник+, 2004. 528 с.
20. Черезов А. Е. Познание жизни: идея самоподобия : монография. М. : Компания Спутник+, 2009. 320 с.
21. Черезов А. Е. Методология нарратологии в анализе сущности жизни: секвенция или фрактальность // Манускрипт. 2018. № 12 (98), ч. 2. С. 306–309.

References

1. Alekseev PV, Ilyin AYа. Princip partijnosti i estestvoznanie [The principle of party membership and natural science]. Moscow, Publishing house of Moscow state university; 1972. 136 p. (In Russ.).
2. Alekseev PV. Estestvennonauchnyj materializm i materialisticheskaya dialektika [Natural science materialism and materialistic dialectics]. Moscow, High school; 1981. 176 p. (In Russ.).
3. Haeckel E. Lekcii po estestvoznaniyu i filosofii [Lectures on natural science and philosophy]. St. Petersburg, Edition of the “Bulletin of knowledge” (V. V. Bitner); 1913. 95 p. (In Russ.).
4. Karpinskaya RS. Biologiya i mirovozzrenie [Biology and outlook]. Moscow, Thought 1980; 210 p. (In Russ.).
5. Karpinskaya RS. Chelovek i ego zhiznedeyatel'nost': filosofsko-publicisticheskij ocherk [Man and his life: philosophical and journalistic essay]. Moscow, Knowledge; 1988. 64 p. (In Russ.).
6. Karpinskaya RS. [Biology, the ideals of scientific character and the fate of mankind]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 1991;(11):139-148. (In Russ.).
7. Liseev IK. Filosofiya. Biologiya. Kul'tura (raboty raznyh let) [Philosophy. Biology. Culture (works of different years)]. Moscow, Russian academy of sciences institute of philosophy; 2011. 313 p. (In Russ.).
8. Mendel G. Experiments on plant hybrids; translation [and biographical sketch] by professor K. A. Flaksberger; introductory article and general edition by academician N. I. Vavilov. Moscow, Selkhozgiz; 1935. 112 p. (In Russ.).
9. Moiseev NN. Byt' ili ne byt'... chelovechestvu? [To be or not to be to for mankind]. Moscow, Russia is young; 1999. 288 p. (In Russ.).
10. Ovcharov DA. [Ideas of genetic and cultural evolution in the philosophy of the XX century: historical and philosophical analytical review]. *Vestnik MGPU. Seriya "Filosofskie nauki"* [Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series “Philosophical sciences”]. 2023;(1):79-88. (In Russ.).
11. Timofeev-Resovsky NV. Genetics. Evolution. Biosphere: selected works [Introductory article by OG Ga-

zenko, VI Ivanov]. Moscow, Medicine; 1996. 478 p. (In Russ.).

12. Frolov IT. Filosofskie problemy sovremennoj biologii [Philosophical problems of modern biology]. Moscow, Knowledge; 1961. 32 p. (In Russ.).

13. Frolov IT. O prichinnosti i celesoobraznosti v zhivoj prirode (filosof. ocherk) [On causality and expediency in living nature (philosophical essay)]. Moscow, Goslitizdat; 1961. 184 p. (In Russ.).

14. Frolov IT. Problema celesoobraznosti v svete sovremennoj nauki [The problem of expediency in the light of modern science]. Moscow, Knowledge; 1971. 45 p. (In Russ.).

15. Frolov IT. Progress nauki i budushchee cheloveka [Progress of science and the future of man]. Moscow, Politizdat; 1975. 219 p. (In Russ.).

16. Frolov IT. Perspektivy cheloveka [Human prospects]. Moscow, Politizdat; 1979. 336 p. (In Russ.).

17. Frolov IT. Zhizn' i poznanie [Life and knowledge]. Moscow, Thought; 1981. 268 p. (In Russ.).

18. Frolov IT. Perspektivy cheloveka [Human prospects]. 2nd ed. Moscow, Politizdat; 1983. 350 p. (In Russ.).

19. Cherezov AE. Paradigma zhizni: k postroeniyu obshchej teorii samoorganizatsii zhivyh i social'nyh sistem [Paradigm of life: to the construction of a general theory of self-organization of living and social systems]. Moscow, Sputnik+; 2004. 528 p. (In Russ.).

20. Cherezov AE. Poznanie zhizni: ideya samopodobiya [Cognition of life: the idea of self-similarity]. Moscow, Sputnik+; 2009. 320 p. (In Russ.).

21. Cherezov AE. Methodology of narratology in the analysis of the essence of life: sequence or fractality. *Manuscript*. 2018;(12, part 2):306-309. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. А. Овчаров — аспирант департамента философии и социальных наук.

Information about the author

D. A. Ovcharov — Postgraduate Student of the Department of Philosophy and Social Sciences.

Статья поступила в редакцию 24.07.2023; одобрена после рецензирования 01.09.2023; принята к публикации 05.09.2023.

The article was submitted 24.07.2023; approved after reviewing 01.09.2023; accepted for publication 05.09.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

В ЗАПИСНУЮ КНИЖКУ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ INTO THE TEACHER'S NOTEBOOK

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 7 (477). С. 68–78.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(7(477):68-78. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 101.8

doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-68-78

СТАНОВЛЕНИЕ СТАДИАЛЬНОГО ПОДХОДА В ТЕОРИИ «ЦИВИЛИЗАЦИИ» ОТ Л. Г. МОРГАНА ДО Ф. ЭНГЕЛЬСА

Альфия Янаховна Камалетдинова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, allakamaletdinova@rambler.ru, ORCID 0000-0001-9631-620X

Аннотация. Решение проблемы цивилизационного развития человечества немислимо без обращения к положениям основателей теории цивилизации. В сравнительном анализе теорий Л. Г. Моргана и Ф. Энгельса было выявлено, что главным двигателем прогрессивного движения в первом случае рассматривается производство средств существования, во втором — производство средств производства. Универсальность теории цивилизации Ф. Энгельса невозможно представить без аргументированной, исторически достоверной теории Л. Г. Моргана. Это лишь первое приближение к прочтению и пониманию труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В перспективе необходимо более детально рассмотреть роль семьи и частной собственности в процессе становления цивилизации. Данная статья может быть использована в ходе изучения новой дисциплины «Основы российской государственности», введённой в систему высшего образования.

Ключевые слова: цивилизация, стадии развития, эволюция семьи, разделение труда, эксплуатация, частная собственность, государство, публичная власть

Для цитирования: Камалетдинова А. Я. Становление стадийного подхода в теории «цивилизации» от Л. Г. Моргана до Ф. Энгельса // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 7 (477). С. 68–78. doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-68-78.

Original article

THE FORMATION OF THE STADIAL APPROACH IN THE THEORY OF “CIVILIZATION” FROM L. G. MORGAN TO F. ENGELS

Alfiya Ya. Kamaletdinova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, allakamaletdinova@rambler.ru, ORCID 0000-0001-9631-620X

Abstract. The solution of the problem of the civilizational development of mankind is unthinkable without referring to the provisions of the founders of the theory of civilization. In a comparative analysis of the theories of L. G. Morgan and F. Engels it was revealed that the main engine of the progressive movement in the first case is the production of means of subsistence, in the second — the production of means of production. The universality of the theory of civilization F. Engels is impossible to imagine without the reasoned, historically reliable theory of L. G. Morgan. This is only the first approximation to reading and understanding the work of F. Engels’ “The Origin of the family, Private property and the state”. In the future, it is necessary to consider in more detail the role of the family and private property in the process of civilization formation. This article can be used in the course of studying the new discipline “Fundamentals of Russian statehood” introduced into the higher education system.

Keywords: civilization, stages of development, evolution of the family, division of labor, exploitation, private property, state, public power

© Камалетдинова А. Я., 2023.

For citation: Kamaletdinova AY. The formation of the stadial approach in the theory of “civilization” from L. G. Morgan to F. Engels. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(7(477):68-78. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-68-78.

Постановка проблемы

В последнее время активизировался интерес к проблеме «цивилизации», только ленивый не говорит о противостоянии цивилизации, не рассуждает о необходимости выбора между государством-нацией и государством-цивилизацией и т. д. Детальное погружение в проблему «цивилизации» подсказывает нам, что само понятие неоднозначно, существует много подходов к пониманию его сущности. В предыдущих статьях [1–4] была предпринята попытка описать этимологию и генезис самого понятия, а также многообразие цивилизационных подходов. Для детального погружения в проблему обратимся к наследию Ф. Энгельса, неоднозначно оценивавшему «цивилизацию» и определившему её не столь значительную роль в становлении человечества. Ф. Энгельс в написании труда «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (Энгельс Ф., 1884) в определении методологических подходов во многом отталкивался от периодизации исторического развития, приведённой Л. Морганом в книге «Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации» (Морган Л., 1877). Эти мыслители, являясь основоположниками стадийного подхода к теории цивилизации, в оценке поступательного социального развития имеют много общего, различаясь в отборе критериев и признаков той или иной стадии.

Становление стадийного подхода в цивилизационной теории Л. Г. Моргана

Труд Л. Г. Моргана (Льюис Генри Морган — американский учёный, внёсший вклад в теорию социальной эволюции, 1818–1881 гг.) оказал влияние на К. Маркса и Ф. Энгельса в их понимании и трактовке рода как основания существования ступеней дикости и варварства. В истории человечества Л. Г. Морган выделил два плана социального строя. Более ранний (первый) — это социальная организация, основывающаяся на роде, фратрии¹ и племени, период дикости, где господствовало родовое управление. Второй план рас-

¹ Фратрия — перевод с греческого, в труде Л. Г. Моргана термин, обозначающий братство, естественное образование, выросшее из родовой организации.

крывался на ступени дикости, когда место родового управления замещается политическим управлением многих племён на расширяющихся территориях, сопровождающимся процессом формирования и правового закрепления идеи собственности. Род выступал «...почти универсальной основой социального строя древнего общества, азиатского, европейского, африканского, американского и австралийского. Родовое общество, где бы мы его ни находили, оказывается одним и тем же в своей структуре и принципах своего действия, но изменяется от своих низших к высшим формам вместе с прогрессивным развитием людей» [5. С. 38].

Л. Г. Морган провёл сравнительный анализ ирокезского, греческого, римского, кельтского и других родов, выделив структуру, функции, привилегии и следующие права:

- избрание вождя;
- возможность замены лидера;
- отказ от близкородственных браков внутри одного рода;
- имущественное наследование;
- взаимопомощь, защита;
- усыновление чужеродных;
- общность религиозных обрядов;
- общие места захоронения;
- совет рода [подробнее см.: 5. С. 43].

Обратим внимание, что право собственности в истории рода не выделено отдельно. Показательно понимание права «совета рода», в котором орган управления родом отмечен как демократический, а главное, прописана «свобода» членов племени. «Совет <...> был орудием управления, как и верховной властью в роде, племени и конфедерации. <...> Это было демократическое собрание, так как каждый взрослый член рода, мужчина и женщина, имел голос по всем вопросам, которые на нём ставились. Он выбирал и смещал сахема² и вождей, выбирал “хранителей веры”, прощал или мстил за убийство родича и усыновлял в род чужих. <...> Все члены ирокезского рода были лично свободны и были обязаны защищать свободу друг друга... <...> Свобода, равенство и братство, хотя и не были никогда формулированы, были основными принципами рода» [5. С. 51]. Л. Г. Морган детально прописал равные

² Сахем — титул вождя, исторически существовавший в ряде индейских племён.

права всех членов рода без исключения. Индивидуальная свобода, защита и уважение свободы других членов общества — вот демократический принцип устройства рода. Американский исследователь сделал вывод, что принципы родовой организации с сохранением всех прав членов рода сохранялись в ходе исторического прогресса и на этапе дикости, и на всех ступенях этапа варварства. Родовая организация с её устойчивостью на протяжении тысячелетий выступала в качестве общего для характеристики эволюции человечества.

Одним из первых Л. Г. Морган на теоретическом уровне выделил стадии прогрессивного развития человеческой семьи исходя из исторических фактов. Доказательства исследователь ищет по двум направлениям: история науки и изобретательства и развития природы организации социума. Результаты изобретательства подтверждают прогрессивное развитие человечества, а совершенствование внутреннего (домашнего) устройства социума (рода) — потенциальное развёртывание индивида и всего человечества в целом. Л. Г. Морган гипотетически высказывает предположение, что основные доводы будут вытекать из эволюции основных идей внутреннего устройства человеческого рода, тогда как результаты изобретательской деятельности будут подтверждением основных доводов и играть второстепенное значение.

Результатом совершенствования идей и убеждений является поступательное развитие человечества в следующих аспектах: средства существования (становление производства); управление социумом (от «дикого состояния» до формирования политического общества); язык (как социальный институт); семья (динамика движения от матриархата к патриархату); религия (эмоциональное восприятие мира); архитектура и домашняя жизнь (от шалаша дикаря к индивидуальному жилищу); собственность. Именно собственность приводит к созданию политического общества, форме существования цивилизации. Поступательное движение вперёд человечества Л. Г. Морган рассматривает в плане развития общества (посредством становления личности и индивидуальных отношений) и государства (их атрибутов: территории и частной собственности). Обратим внимание на принципы формирования политического общества. «Политическое общество организовано на территориальных началах, и его отношение к собственности и личности определяется территориальными отношениями» [5. С. 7].

Государственность складывалась поэтапно: городская община — совокупность городских общин — национальная территория — в результате единое политическое целое. Ведущим принципом организации политического общества являлся территориальный. Л. Г. Морган считал, что оформление территориальных границ и есть демаркационная линия между древним, родовым и современным цивилизационным обществом. Он утверждал: «Развитие человечества шло повсюду почти одинаковыми путями, что человеческие потребности при аналогичных условиях были по существу одинаковы» [5. С. 8]. Однако в определённый исторический период племена могли одновременно находиться на разных ступенях развития. Представлениям исследователя не в полной мере соответствовало деление исторического процесса на «каменный век», «бронзовый век» и «железный век». Руководствуясь критерием выделения видов *средств существования*, Л. Г. Морган выделяет в истории человечества три периода: дикости, варварства и цивилизации.

В каждом отдельном периоде он выделяет признаки прогресса, описывающие особенности и границы ступеней развития, оформив схемой, приведённой на с. 10 его книги «Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации». Приведём несколько видоизменённую схему периодизации развития человеческого общества (таблица).

Признаком перехода от периода варварства к цивилизации Л. Г. Морган считал интеллектуальное восхождение человечества, проявляющееся в окончательно сложившемся **фонетическом письме**, ставшем средством не только коммуникации, обмена, но и передачи предшествующего опыта человечества. Ещё одной особенностью оценки эволюции человечества является недооценка «гончарного производства». На наш взгляд, Льюис Генри Морган относил «гончарное производство» не к средствам производства, а к более обобщённой группе средств существования, отдавая приоритет каменным и кремнёвым орудиям, деревянной утвари, ручному ткачеству, луку со стрелами, обеспечивающим оседлый образ жизни.

Глава вторая книги Л. Г. Моргана посвящена «средствам существования», среди которых на первом месте оказывается добывание пищи, сначала собирательство плодов и корней, неактивное употребление животной пищи, в основном рыбы, которая дикие племена подняла до вы-

Период	Степень	Признаки
дикости	Низшая степень дикости	Собирательство, рыбная ловля, защита от животных, использование огня, начала членораздельной речи, кровнородственная семья
	Средняя степень дикости	Орудия производства: лук и стрелы, расселение по территориям
	Высшая степень дикости	Постоянный источник средств существования, зарождение и развитие гончарного производства, пуналуальная семья
варварства	Низшая степень варварства	Отсутствие абстрактного мышления, фонетического алфавита и письма, развитие земледелия (орошение) и скотоводства, архитектуры (необожжённый кирпич, строительный камень)
	Средняя степень варварства	Плавление железной руды
	Высшая степень варварства	Подработка орудий из железа, начала фонематического письма, появление литературных памятников (эпоха Гомера)
цивилизации	Степень цивилизации	Литературные памятники на основе фонетического письма (иероглифы на камнях), моногамная семья

сот независимости от климата, сезона и территории. На третьем месте иерархии средств существования оказывается мучная пища, пробуждающая к жизни развитие земледелия. Вместе с употреблением хлебных злаков в пищу общество с высшей ступени дикости поднимается на низшую степень варварства. Ранее земледелие и огородничество обеспечило более обильной пищей членов рода и сделало независимыми в продовольственном вопросе индивидов от сезонности, климата и географии. Высказывается предположение, что мотивом зарождения огородничества стала необходимость обеспечить кормом одомашненных диких животных.

На четвёртое место иерархии средств существования поднимается мясная и молочная пища, повлекшая за собой пастушеский образ жизни и освоение новых территорий, пригодных для пастбищ. В изложении истории эволюционного развития Л. Г. Морган первостепенное значение уделяет пищевому разнообразию как основному средству существования. Основные изменения, происходящие в обществе (освоение новых территорий, оседлый или кочевой образ жизни, появление новых видов деятельности), исследователь объясняет открытием нового вида пищи. Отдельный вопрос — это эволюция формы семьи. Л. Г. Морган считал, что человеческая раса в своём развитии приходит к всё более совершенным формам семейного устройства как основного элемента общества.

Значительным вкладом американского мыслителя в социальную теорию можно считать установление пропорций прогресса челове-

ской расы. Льюис Генри Морган провёл сравнительный анализ всех когда-либо существующих племён и на основе большого фактологического материала и теории геометрической прогрессии попытался пропорционально соотнести периоды по длительности. Чтобы установить логическую закономерность, он представил иерархию восхождения человечества в поступательном развитии — цивилизации, описывая достижения, ставшие результатом изобретений и открытий, а также свидетельства интеллектуального восхождения. Можно перечислять основные открытия, характеризующие период цивилизации, например, паровая машина, пароход, железная дорога, солнечная система, атмосферное давление и т. д. (подробнее см. гл. 3 книги Л. Г. Моргана). Нам кажется более существенным для характеристики периода цивилизации раскрыть признаки внутреннего устройства социума: религиозная свобода, представительная демократия, формы правления, классовое общество, правовая система, научная мысль и т. д. Анализируя греческую и римскую цивилизации, исследователь не может назвать какое-либо крупное изобретение или открытие, но выделяет совокупность открытий (достижения интеллектуальной мысли), являющиеся признаками цивилизационного периода. «Главнейшими созданиями этих цивилизаций были: императорская и королевская власть, гражданское право, христианство; смешанное аристократическое и демократическое правление с сенатом и консулами; демократическое правление с советом и народным собранием; организация

дисциплинированного войска, состоящего из кавалерии и пехоты; создание флота и морской военной техники; образование больших городов с муниципальным правом; морская торговля; чеканка монеты; государство, основанное на территории и собственности...» [5. С. 21] и т. д.

Многие из перечисленных выше достижений были свойственны и для периода варварства за исключением алфавита. Греческая и римская цивилизации дошли до нас во многом благодаря философии, истории, закреплёнными в литературных памятниках. Обращаем внимание, что перечисленные цивилизационные признаки были развиты в Греции на высшей ступени варварства, что и послужило основанием для восхождения на ступень цивилизации.

Достижения средней ступени варварства не столь значительны и многочисленны, но и они (плавка бронзы, медный топор, ткацкий станок и как результат ткани из хлопка, льна и шерсти, орошение земли посредством каналов, плотин, в сфере идей — жречество и личные божества) обеспечили поступательное движение вперёд человеческой расы. Отматывая назад, переходим к древнейшему периоду варварства, но и здесь мы находим признаки, свидетельствующие о прогрессивном продвижении человечества. Среди прогрессивных признаков: совет вождей, на демократических основаниях управляющий родом, появление огородничества и зачатков овощеводства, ручное ткачество, для охоты духовое ружьё, ограждение поселений, почитание стихий (язычество).

Можно вслед за Л. Г. Морганом так же подробно рассмотреть и самый продолжительный по времени человеческого развития период дикости. Отметим, как нам кажется, наиважнейшее: в процессе жизнедеятельности происходило умственное развитие человека, о чём свидетельствует увеличение объёма мозга. Открытий в этом периоде было немного, процесс открытий было трудоёмкий и между ними был длительный временной промежуток, тем значительнее качественное развитие человечества.

Методологически в рассмотрении периодов человеческого прогресса Л. Г. Морганом прослеживается диалектический закон Г. В. Ф. Гегеля («Наука логики», 1812), закон превращения количественных изменений в качественные, логически обосновывающий переходы исторических периодов и описывающий прогресс как бесконечный процесс. Методом, подтверждающим объективность происходящих явлений, стал закон гео-

метрической прогрессии, позволивший учёному установить пропорции прогресса человечества. Л. Г. Морган понимал трудность задачи определения продолжительности периодов дикости — варварства — цивилизации. Руководствуясь законом «геометрической прогрессии период дикости должен быть длительнее периода варварства, как последний, в свою очередь, был длиннее периода цивилизации» [5. С. 25]. Американский исследователь выдвинул гипотезу сроков жизни человека в 100 тыс. лет, период дикости равен 60 тыс., период варварства — 35 тыс., на цивилизацию остаётся всего лишь 5 тыс. лет. Гипотезу он подтверждает на примере исторического экскурса в прошлое двух человеческих семей: арийской и семитической¹, развивающимся по темпам неравномерно и нетождественно. Наконец, в описании третьего признака (поделочного камня) Л. Г. Морган впервые в XIX в. употребил понятие «условия жизни», когда описывал применение поделочного камня в индивидуальном строительстве: «...улучшило условия жизни, что имело существенное значение для развития умственных способностей» [5. С. 28].

Вклад Льюиса Генри Морган в цивилизационную теорию заключается в следующем:

- в понимании истории человеческого прогресса выделено два плана (первый — личность и род, второй — территория, индивидуальная собственность и политическое общество);
- выделены периоды и стадии прогрессивного развития: дикость — варварство — цивилизация;
- в прогрессе человеческой расы выделены две группы факторов: определяющие (внутренние учреждения) и влияющие (открытия и изобретения), с приоритетом первой;
- обоснованы признаки, характеризующие период цивилизации, с определением определяющего;
- в характеристике истории человеческого развития применён закон геометрической прогрессии.

Развитие стадийного подхода в цивилизационной теории Ф. Энгельса

Вслед за Л. Г. Морганом, одним из первых выделившим в истории становления человечества три стадии, Ф. Энгельс описывает три ступени «общественного развития», последовательность которых выстраивается следующим образом: варварство, цивилизация и коммунизм.

¹ К семитической семье предположительно относились египтяне.

Ф. Энгельс в «Происхождении семьи частной собственности и государства» (1884) выделяет «всеобщее основание цивилизации» как ступени развития, в процессе которого происходит смена трёх формаций. В «Предисловии к первому изданию» он пишет: «Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счёте производство и воспроизводство непосредственной жизни» [6. С. 25]. И этот процесс рассматривался Ф. Энгельсом в двух аспектах: «...**производство средств к жизни**: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — **производство самого человека**, продолжение рода» [6. С. 26].

Определение основания цивилизации, данное в гл. IX «Варварство и цивилизация», ложится в русло понимания проблемы Ф. Энгельсом, отмечающим, что «**основой цивилизации служит эксплуатация одного класса другим**» [6. С. 177], характеризующая способ производства, общественной организации и общения. Можно выразиться иначе: сущность цивилизации, а отсюда и принцип цивилизации — господство людей над людьми, приходящее на смену господству природы над людьми.

Разделяем ли мы такое понимание сущности цивилизации спустя 130 лет? В основе цивилизации лежит классовое противоречие (эксплуатация). Ф. Энгельс трактовал «цивилизацию» как определённую стадию общественного развития. «**Цивилизация** является той **ступенью общественного развития**, на которой **разделение труда**, вытекающий из него обмен между отдельными лицами и объединяющее оба эти процесса **товарное производство** достигают полного расцвета и производят переворот во всём прежнем обществе» [6. С. 173–174].

Цивилизация Ф. Энгельсом трактуется посредством трёх общественно-экономических формаций (как ступени становления цивилизации), рассматриваемых в экономическом аспекте развития производства и производственных отношений. Три ступени «общественного развития», последовательность которых выстраивается следующим образом: варварство, цивилизация и коммунизм, причём цивилизация не является завершающей и идеальной формой эволюции человечества. Первый признак цивилизации: разделение на классы по критерию эксплуатации, в которой выделены три формы порабощения: рабство, крепостничество, наёмный труд. «Таковы три великие формы порабощения,

характерные для трёх великих эпох цивилизации» [6. С. 175].

Деление на город и деревню в нашей интерпретации не очень значимо, если только мы не имеем в виду характер труда: в одном случае приоритетность ручного труда и строгую зависимость от сезонности; в другом случае — максимальная отчуждённость субъекта от результатов труда.

Третий признак цивилизации — семья: сначала противоречие между мужчиной и женщиной, затем семья в качестве «хозяйственной единицы общества» [6. С. 176].

В данной интерпретации цивилизация не совсем культурно-исторический тип, а некая социальная организация, в основе которой антагонизм между классами, «всё её развитие совершается в постоянном противоречии. <...> Всякое благо для одних необходимо является злом для других, всякое новое освобождение одного класса — новым угнетением для другого» [6. С. 177]. Ф. Энгельс убеждён, что именно эксплуатация является показателем цивилизованного общества, что прогресс и благополучие одного класса неизбежно сопровождаются регрессом для другого класса. Эксплуатация¹ предполагает несвободу отдельного индивида или целого класса, тогда может ли «цивилизация» выступать прогрессивной или идеальной формой социума? Заявлена задача разрешения противоречия между антагонистическими классами и определения новой ступени развития человечества. Мы предполагаем, что это возможно в условиях третичной формации (К. Маркс), когда свобода индивида и общества находятся в гармоническом сопряжении, когда необходимо по-новому взглянуть на природу индивидуальной частной собственности. «Старое общество, покоящееся на родовых объединениях, взрывается в результате столкновения новообразовавшихся общественных классов; его место занимает новое общество, организованное в государство, <...> в котором отныне свободно развёртываются классовые противоречия и классовая борьба» [6. С. 26]. Мы находим ещё один признак цивилизации как общества, организованного в государство, в будущем создающее и гарантирующее свободу в индивидуальной и коллективных формах проявления.

Ф. Энгельс выделяет компоненты, общие для ступеней развития цивилизации.

¹ В следующей публикации попытаемся детально разобраться в сущности эксплуатации в марксистской интерпретации.

1. Правовая форма завещания, передачи права владения собственностью другим индивидам закрепляет форму власти людей над людьми.

2. Установление социальных установок и норм (пример с распространением христианства) в интересах немногочисленного господствующего класса эксплуататоров для морального (духовного) господства одного класса над другими. Духовное господство поддерживается развитием идеологических установок, права, культуры, религии и др.

Ф. Энгельс во многом под влиянием формационного подхода К. Маркса включает в «цивилизацию» три общественно-экономические формации: рабовладельческую, феодальную, капиталистическую (буржуазную). Приведённые формации рассматриваются через ведущий критерий — товарное производство и складывающиеся производственные отношения. В этих трёх формациях Ф. Энгельс выделяет *общее*, и этим общим выступает товарное производство, специфически реализующееся через расширение «обмена» на каждой ступени человеческого развития. Что можно противопоставить «товарному производству»? Возможно, производство услуг? Способ общения в период цивилизации характеризуется как товарно-денежное общение, которое развивается посредством нарастания обмена продуктами производства через деньги при посредничестве купца, а затем торговой и финансовой буржуазии.

Ф. Энгельс выделяет ступени восхождения (от низшей к высшей) на стадии варварства. На высшей ступени варварства, по его мнению, полностью утрачиваются родовые связи и на первый план выходят экономические условия, носящие характер общего. Поступательное движение вперёд реализуется через разделение труда уже не внутри племени, а между равнозначными (пастушескими) племенами. Обмен осуществляется на постоянной основе, более того, характер производства пастушеских племён нацелен на получение прибыли (прибавочной стоимости). Излишки обеспечивают появление богатых и разделение на антагонистические группы: эксплуататоров и эксплуатируемых.

Разделение труда между устоявшимся земледелием и становящимся ремеслом — *первая группа*. «...У пастушеских народов мы находим уже имущество в виде скота, которое при известной величине стада регулярно доставляет некоторый излишек над собственной потребностью; одновременно мы находим также разделение труда

между пастушескими народами и отставшими племенами, не имеющими стад, следовательно, две рядом стоящие различные ступени производства и, значит, условия для регулярного обмена» [6. С. 165]. Поступательное движение вперёд реализуется через разделение труда уже не внутри племени, а между равными (пастушескими) племенами. Обмен осуществляется на постоянной основе, более того, характер производства пастушеских племён нацелен на получение прибыли (прибавочной стоимости). Излишки обеспечивают появление богатых и разделение на антагонистические группы: эксплуататоров и эксплуатируемых. Ф. Энгельс акцентирует внимание на уникальной особенности высшей ступени варварства — общество заострено на получение прибыли, ведущим видом деятельности является обмен.

Противоречие между традиционным сельским поселением и приобретающим территориальные границы городским поселением — *вторая группа* разделения труда. «Цивилизация упрочивает и усиливает все эти возникшие до неё виды разделения труда, особенно путём обострения противоположности между городом и деревней» [6. С. 165].

Появление класса торговцев (купцов), индивидуальная и социальная деятельность которых нацелена не на производство, а на обмен — *третья группа* разделения труда. «Разделение труда решающего значения создаёт класс, который занимается уже не производством, а только обменом продуктов, а именно купцов. Здесь впервые появляется класс, который, не принимая никакого участия в производстве, захватывает в общем и целом руководство производством и экономически подчиняет себе производителей, становится неустрашимым посредником между каждым двумя производителями и эксплуатирует их обоих» [6. С. 165–166].

Качественный скачок от общества производства к обществу потребления происходит на высшей ступени варварства и погружает человечество в «цивилизацию». Таким образом, общая характеристика «цивилизации» — это «общество потребления», где верховенствует обмен, а не производство товаров.

Ф. Энгельс выделил продукт этапа варварства — товар; продукт «цивилизации» — торговые кризисы. Виды богатства: товары, рабы, затем деньги, наконец — земля. Дополнительно к товару, деньгам появилась земля в качестве собственности. Торговля, ростовщичество, земель-

ная ипотека обеспечили централизацию процесса обогащения и концентрацию богатств в руках немногочисленной части общества.

Объективным системным признаком средней ступени варварства выступала оседлость, которая изменялась под влиянием субъективных причин, среди которых можно выделить изменение территории проживания и состава коренного населения в ходе осуществления производственной и торговой деятельности, а также перераспределения земельной собственности (отчуждение). «Здесь же возникло **общество**, которое в силу всех своих экономических условий жизни должно было расколоться на **свободных и рабов**, на **эксплуататоров-богачей** и **эксплуатируемых бедняков**, — общество, которое не только не могло вновь примирить эти противоположности, но должно было всё больше обострять их» [б. С. 168–169]. Родовой строй вырос в недрах первобытного общества и мог обеспечивать только его функционирование, для другой стадии общества он не был приспособлен.

Под влиянием объективных причин в ходе становления человечества разрушается родовой строй, возникают новые органы управления социумом. Принцип создания новых органов управления вне родовых интересов. Причём эти новые органы должны были учитывать не только интересы ремесленников разных отраслей, сельских и городских жителей, но и чужестранцев или несвободных людей. Причём несвободных и чужестранцев иногда становилось значительно больше (в истории — Рим, в современности — Франция, Германия), следовательно, их интересы необходимо было учитывать. На смену родовому строю, управляемому общественным мнением, пришло общество, сутью которого была постоянная, законодательно регламентированная, под контролем третьей силы, борьба антагонистических классов. На смену одряхлевшему родовому строю пришло государство (третья сила).

Ф. Энгельс описывает три формы возникновения государства: на основе классовой борьбы; в результате передела территорий; победы плебса.

Государство предстает силой, стабилизирующей общество. «**Государство есть продукт общества** на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с про-

тиворечивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой **сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах “порядка”**. И эта **сила, происшедшая из общества**, но ставящая себя над ним, всё более и более отчуждающая себя от него, **есть государство**» [б. С. 170]. Вспомним, что предпосылкой возникновения и существования родового общества выступали защита и привязанность индивидов к определённой территории. Первобытный строй в качестве необходимого условия предполагал территориальное закрепление народа независимо от кровных уз. Это первая отличительная черта.

Вторым признаком является **публичная власть**, усиление и расширение границ которой происходит при обострении или классовой или конкурентной борьбы. «Она состоит не только из вооружённых людей, но и из вещественных придатков, тюрем и принудительных учреждений всякого рода, которые были не известны родовому устройству общества» [б. С. 170–171]. Самое существование публичной власти требует выделения финансовых средств на собственное содержание. Появляются *налоги* (обязательные взносы населения), незнакомые родовому строю. С упрочением публичной власти (современный Евросоюз) появляются и новые формы пополнения финансовых средств: государственные долги, векселя, займы, что является показателем цивилизации.

На ступени «цивилизации» происходит перестройка общества: публичная власть возвышается над обществом и для своего оправдания должна легитимировать своё существование законами. Ф. Энгельс на основе проведённого логического анализа высказал положение, что государство существует в первую очередь для защиты интересов правящего меньшинства, а ещё точнее, третьей силы, каковой выступает публичная власть. Пример тому современный Евросоюз. «Кроме того, в большинстве известных в истории государств **предоставляемые гражданам права соразмеряются с их имущественным положением**, и этим прямо заявляется, **что государство — это организация имущего класса для защиты его от неимущего**» [б. С. 172]. Границы предоставляемых гражданам прав зависят от их имущественного положения.

На низшей ступени государственности существуют имущественные различия и классовые

противоречия. Высшая же форма государственности менее отзывчива к имущественным различиям. Богатство управляет косвенно через влияние бирж, возможности государственного кредитования и т. д.

Ф. Энгельс, рассматривая современное ему буржуазное общество, дал низкую оценку активности рабочего класса. На тот момент основой классового противостояния была борьба за избирательное право. Мыслитель считает, что, добившись всеобщего избирательного права, пролетариат получит свободу, хотя на тот момент он «ещё не созрел для освобождения самого себя, он будет в большинстве своём признавать существующий общественный порядок единственно возможным и политически будет идти в хвосте класса капиталистов, составляя его крайнее левое крыло» [б. С. 173]. Несмотря на то, что великие соратники (К. Маркс и Ф. Энгельс) идеализировали пролетариат, в ближайшей перспективе они не видели его победы.

Рассматривая государство как признак цивилизации, Ф. Энгельс высказал мысль, что с исчезновением классового антагонизма неизбежно будут ликвидированы и классы, потому что в его теории государство управляет и контролирует классовый антагонизм. Он гипотетически предположил, что общество, организующее производство на основе свободы, становится свободным, провозглашая свободу индивида, и отправляет государственность в прошлое. «С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство» [б. С. 173]. Границы цивилизации не совпадают с границами государства. Цивилизация включает в себя различные подсистемы (экономические, социальные и др.), приоритетное развитие которых придаёт уникальность той или иной цивилизации. Уникальность выражается через иерархию развития социальных подсистем.

Таким образом, по теории Ф. Энгельса «цивилизация» — это ступень общественного развития, характеризующаяся **разделением труда, обменом и товарным производством**.

Ф. Энгельс раскрыл характер производства в период варварства: он был коллективным по производству и потреблению, с одной оговоркой, что распределение осуществлялось по коммунистически. Особенность варварства — это коллективный характер производства и потребления. Энгельс гипотетически предполагает, что с разделением труда и сменой характера производства с коллективного на индивидуальный происходит смена этапов развития обще-

ства. «В этот производственный процесс медленно проникает разделение труда. Оно **подрывает коллективный характер производства и присвоения**, оно делает **преобладающим правилом присвоение отдельными лицами** и вместе с тем порождает обмен между ними» [б. С. 174].

Товарное производство¹ — системный признак цивилизации. Товарное производство нацелено не на удовлетворение потребностей индивидов, а на производство товаров, которые в перспективе подлежат обмену. Причём производитель не властен ни над товаром, ни над производством, которые подвержены случайности. Несмотря на случайности, которые присутствуют в жизни социума, в цивилизации как жёстко закреплённая необходимость действуют экономические законы товарного производства. Жёсткая закономерность в этот период проявляется в периодически возникающих **торговых кризисах**. Именно на этом этапе с воцарившимся разделением труда и устоявшимся процессом товарообмена, **предметами обмена стали** не только товары, но и **сам человек**. Человек становится предметом обмена и продажи. Так начинается период рабства. Рабовладельческий период демонстрирует первый опыт эксплуатации человека, а также подтверждает факт того, что человек становится предметом обмена и продажи.

Отправной точкой возникновения цивилизации является не столько дата и страна, сколько момент состоявшегося товарного производства, «ступень товарного производства». **Цивилизация** начинается с появления денег (денежного капитала, ростовщичества, частной собственности на землю (земельной ипотеки)); **третьего сословия** — торговцев; **эксплуатации** («рабского труда как господствующей формы производства» [б. С. 176]); **приоритета городского населения** перед деревенским; **моногамной семьи** как основной хозяйствующей единицы; организующей силы **государства**.

На основе сравнительного анализа цивилизаций Греции, Рима и Германии Ф. Энгельс приходит к выводу, что для существования государственности необходимо законодательное оформление. Классический пример, римское право, в Афинах — законы Солона, в Пруссии — пап-

¹ Товарное производство — форма общественного производства, при которой продукты производятся не для собственного потребления, а для обмена; оно возникает на основе общественного разделения труда и ведётся экономически обособленными производителями.

ское законодательство. Стремление к обогащению Ф. Энгельс обозначает как «низкую алчность». В любой цивилизации её стратегической целью является достижение богатства «не общества, а вот этого отдельного жалкого индивида» [6. С. 176]. Члены родового строя не видели различия между правами и обязанностями, тогда как цивилизованное общество чётко разграничивало права и обязанности и законодательно их закрепило. Причём классу эксплуататоров принадлежало больше прав, а большинство обязанностей было закреплено за эксплуатируемым классом.

Резюме

Цивилизационная теория Фридриха Энгельса, на наш взгляд, является самой стройной и логичной среди всех существующих:

– марксистская трактовка прогрессивного развития человеческой расы даётся в двух аспектах: «производство средств к жизни» и «производство ... человека»;

– выделены периоды и стадии развития человечества: варварство — цивилизация — коммунизм;

– дано определение «цивилизации» как промежуточной стадии общественного развития, раскрывающейся на пике разделения труда и обеспечивающей переход к высшей стадии — коммунизму;

– декларируется, что становление «цивилизации» проходит в процессе трёх общественно-экономических формаций (рабовладельческой, феодальной, буржуазной) с выделением характерных признаков: классовый антагонизм (метаморфозы собственности), противоречие между городом и деревней (рассматриваемое на основе разделения труда), эволюция семьи (смена ролей мужчины и женщины);

– выделяются компоненты ступеней развития цивилизации: правовое оформление семьи, частной собственности и государственных институтов; установление социальных норм и идеологических установок общества;

– обоснованы признаки, раскрывающие этапы становления цивилизации, характеризующиеся разделением труда, обменом и товарным производством.

Цивилизационная теория Ф. Энгельса во многом учитывает формационный подход К. Маркса в понимании прогрессивного развития человечества. Богатство и глубина идей «Происхождения семьи, частной собственности и государства», как нам кажется, не в полной мере осознаны исследователями. Выскажем предположение, что современникам ещё предстоит по-новому взглянуть на текст и обнаружить возможные пути стратегического развития человечества.

Список источников

1. Камалетдинова А. Я. Формационное единство цивилизаций // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 8 (466). С. 80–84. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10812.

2. Камалетдинова А. Я. Систематизация основных подходов к проблеме «цивилизация» // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 4 (474). С. 102–108. doi: 10.47475/1994-2796-2023-474-4-102-108.

3. Камалетдинова А. Я. Цивилизационно-формационный подход как методология стратегии развития России // Мировоззренческие основания культуры современной России : сборник научных трудов XIV Международной научной конференции / под общей редакцией В. А. Жилиной. Магнитогорск, 2023. С. 56–61.

4. Камалетдинова А. Я. Цивилизационный подход к определению стратегии развития России // Управление, экономика и общество: проблемы и пути развития : сборник статей участников III Международной научно-практической конференции / под общей редакцией Е. П. Велихова, отв. за выпуск Е. А. Колесник. Челябинск, 2023. С. 64–65.

5. Морган Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / пер. с англ. под ред. М. О. Косвена; со статьёй Фр. Энгельса «К доистории семьи (Бахофен, Мак Леннан, Морган)» ; предисл. Я. П. Алькора. Л. : Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. 352 с.

6. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Изд-во политической литературы, 1961. Т. 21. С. 23–178.

References

1. Kamaletdinova AYa. Formacionnoe edinstvo civilizacij. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022;(8(466)):80-84. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10812. (In Russ.).
2. Kamaletdinova AYa. Sistematizaciya osnovnyh podhodov k probleme “civilizaciya”. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2023;(4(474)):102-108. doi: 10.47475/1994-2796-2023-474-4-102-108. (In Russ.).
3. Kamaletdinova AYa. Civilizacionno-formacionnyj podhod kak metodologiya strategii razvitiya Rossii. In: *Mirovozzrencheskie osnovaniya kul'tury` sovremennoj Rossii. Sbornik nauchny`x trudov XIVMezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Magnitogorsk, 2023. Pp. 56–61. (In Russ.).
4. Kamaletdinova AYa. Civilizacionny`j podhod k opredeleniyu strategii razvitiya Rossii. In: *Upravlenie, e`konomika i obshhestvo: problemy` i puti razvitiya. Sbornik statej uchastnikov III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Chelyabinsk, 2023. Pp. 64–65. (In Russ.).
5. Morgan LG. Drevnee obshhestvo ili issledovanie linij chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k civilizacii. Leningrad, Izd-vo In-ta narodov Severa CIK SSSR, 1935. 352 p. (In Russ.).
6. E`ngel`s F. Proishozhdenie sem`i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva. V svyazi s issledovaniyami L`yuisa G. Morgana. In: Marks K., E`ngel`s F. Soch. 2nd ed. Moscow, Izd-vo politicheskoy literatury`, 1961. Vol. 21. Pp. 23–178. (In Russ.).

Информация об авторе

А. Я. Камалетдинова — кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии.

Information about the author

A. Ya. Kamaletdinova — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy.

Статья поступила в редакцию 28.07.2023; одобрена после рецензирования 01.08.2023; принята к публикации 05.09.2023.

The article was submitted 28.07.2023; approved after reviewing 01.08.2023; accepted for publication 05.09.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 101.2

doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-79-86

ЭКОЛОГИЯ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА: ИТОГИ УЧЕБНОГО СПЕЦКУРСА

Дмитрий Витальевич Соломко

Челябинский государственный университет; Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, dimiurg85@mail.ru, ORCID 0000-0002-2318-7643

Аннотация. Представлены итоги учебного спецкурса «Экология бытия человека» для бакалавров заключительного года обучения кафедры философии Челябинского государственного университета. Отражены структура и краткое описание курса, результаты анкетирования. Анализ входного и заключительного анкетирования слушателей помог составить картину, отражающую степень освоения студентами предлагаемого материала. Курс завершился успешным выполнением творческого задания по написанию научных статей в соавторстве с преподавателем, которые были опубликованы в сборнике научных работ студенческой конференции. В основе составления и проведения спецкурса лежит экогуманистический подход, выходящий за рамки традиционной экологии как сугубо естественнонаучного знания в область междисциплинарного и трансдисциплинарного, а также на уровень философского осмысления.

Ключевые слова: экология, бытие человека, экология бытия человека, экогуманистика, экогуманистический подход

Благодарность. Автор выражает благодарность доктору философских наук, профессору Вере Сергеевне Невелевой за научное консультирование проводимого исследования.

Финансирование. Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

Для цитирования: Соломко Д. В. Экология бытия человека: итоги учебного спецкурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 7 (477). С. 79–86. doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-79-86.

Original article

ECOLOGY OF HUMAN EXISTENCE: RESULTS OF A SPECIAL EDUCATIONAL COURSE

Dmitry V. Solomko

Abstract. The article presents the results of the educational special course “Ecology of human existence” for bachelors of the final year of study at the Department of Philosophy of Chelyabinsk State University. The structure and brief description of the course, the results of the survey are reflected. Analysis of the input and final questioning of students helped to create a picture that reflects the degree of mastering the proposed material by students. The course ended with the successful completion of the creative task of writing scientific articles in co-authorship with the teacher, which were published in the collection of scientific papers of the student conference. The compilation and implementation of the special course is based on an eco-humanistic approach that goes beyond traditional ecology as purely natural science knowledge into the field of interdisciplinary and transdisciplinary, as well as the level of philosophical reflection.

Keywords: ecology, human existence, ecology of human existence, ecohumanistics, eco-humanistic approach

Acknowledgments. The author expresses gratitude to the doctor of philosophical sciences, Professor Vera Sergeyevna Neveleva for the scientific counseling of the study.

Funding. The research was carried out with the support of the Russian Scientific Fund, the competition “Conducting fundamental scientific research and search research by individual scientific groups” (regional competition) 22-18-20011 “Digital literacy: interdisciplinary research (regional aspect)”.

For citation: Solomko DV. Ecology of human existence: results of a special educational course. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(7(477):79-86. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-79-86.

Введение

Термин «экология» был введён Эрнстом Геккелем ещё в 1866 г. и означает учение о взаимодействии живых организмов между собой и с окружающей средой, а также об отношении «человек — природа». Сегодня экология вышла на уровень междисциплинарного, трансдисциплинарного и философского знания, расширив своё понимание и применение. Различные направления экологии занимаются решением актуальных проблем, связанных с сохранением природы и биоразнообразия, борьбой с загрязнением окружающей среды и изменением климата. Экологический подход применяется в решении проблем, связанных не только с взаимодействием человека и природы (область естествознания), но и с культурой — антропо-социо-технизированным миром — всем, что создано человеком и влияет на его существование (социально-гуманитарное и техническое знание). Расширение экологии выводит её на философский уровень, объединяющий в непротиворечивости все уровни человеческого знания. Здесь экология может пониматься как экология бытия человека.

Экология бытия человека исследует уникальные характеристики человека как родового существа, основополагающие феномены его бытия, антропологические константы [3; 4], определяющие качество и смысл человеческой жизни. Изучает все формы и виды отношения человека к его миру. Таким образом, экология бытия человека — это экология человека самого по себе и экология взаимодействия человека со всеми компонентами мира.

Материалы и методы исследования

Отражены результаты проведённого спецкурса «Экология бытия человека», представлено его краткое описание, осуществлён анализ основных результатов освоения курса студентами. По результатам входного и заключительного анкетирования слушателей составлена картина, отражающая степень освоения предлагаемого материала. Курс завершён представлением результатов творческого задания по написанию в соавторстве с преподавателем научных статей, успешно опубликованных в сборнике студенческой конферен-

ции [5–7; 10–13; 20]. В исследовании использованы методы анкетирования, проведения групповых занятий, выполнения заданий в малых группах. В основе составления и проведения спецкурса лежит экогуманистический подход.

Цель, задачи, структура спецкурса «Экология бытия человека»

Актуальность темы обусловила организацию и проведение на базе кафедры философии Челябинского государственного университета учебного спецкурса «Экология бытия человека» для бакалавров-филологов заключительного года обучения в 2022/23 учебном году. Спецкурс «Экология бытия человека» ориентирован на студентов высшей школы, бакалавров, магистрантов и аспирантов. Состоит из лекций, семинаров, вопросов и заданий для самостоятельной работы слушателей. Курс нацелен на формирование экологической культуры и грамотности, а также на развитие рефлексивного мышления. Это позволит студентам рассматривать ценности сохранения окружающей среды (природа, социум, культура), заботы о своём мире и самом себе как одни из приоритетно значимых в их жизнедеятельности. Основные задачи курса включают в себя формирование готовности и способности применять полученные знания, наработанные умения и навыки для усиления экологического вектора мышления и практики в профессиональной деятельности. В результате обучения студенты станут более осознанными и ответственными гражданами, готовыми принимать активное участие в сохранении нашей планеты для будущих поколений.

В качестве методического обеспечения спецкурса выступает одноимённое учебное пособие [16], которое содержит курс лекций, хрестоматию, вопросы и задания, словарь. Словарный указатель составлен из основных терминов первых двух частей словаря «Экология человеческого бытия» [17; 18]. Курс делится на семь взаимосвязанных тем. Освоение каждой темы предполагает лекционный формат занятий как в классической форме проведения, так и в интерактивных формах, например, лекция-дискуссия, интерактивная лекция и др., а также формат семинарских зада-

ний, при подготовке к которым предлагаются отрывки из текстов первоисточников и ряд вопросов и заданий к ним. Вопросы и задания служат основным базисом и ориентиром для живого обсуждения и анализа текстов на семинарских занятиях в формах деловых игр, групповых дискуссий, полемики, дебатов, мозговых штурмов.

Тема первая «Понятие экологии бытия человека» — преимущественно вводная, здесь содержательно раскрывается, что именно понимается под экологией бытия человека, намечаются и кратко поясняются основные идеи данной области знания, даются бытийные, сущностные характеристики человека, характеристика его антропологических констант, нуждающихся сегодня в сохранении через активное воспроизводство в технико-технологизированном мире. Производится аксиологическая, культурологическая, герменевтическая интерпретация человеческого бытия-в-мире. Для самостоятельной подготовки к семинарскому занятию предлагается знакомство с текстом речи М. Хайдеггера «Отрешённость» [14].

Вторая тема «Технико-технологизированный мир: концептуально-методологический анализ» отражает разработки отечественных и зарубежных философов в области науки и техники, являясь логическим продолжением намеченных идей в первой теме. Осуществляется философская рефлексия технизированного мира, предлагается и обосновывается экогуманистический подход в решении основных проблемных вопросов бытия человека в этом мире. В историко-философском аспекте раскрываются основные подходы в оценке технико-технологизированного мира: технооптимизм, технопессимизм, технический реализм, нейтральный подход к технике, идеи технологической сингулярности и др. Для самостоятельной подготовки к семинару предложен текст М. Хайдеггера «Вопрос о технике» [15].

В третьей теме «Человек и технико-технологизированный мир: проблема отношения и соотношения» очерчивается периметр современного философского осмысления взаимоотношения человека и техники двумя диаметрально противоположными позициями философов В. А. Кутырёва [8] и М. Н. Эпштейна [19]. Позиция Кутырёва резко технопессимистична и отличается воинственной критикой технизированного мира. Позиция Эпштейна, наоборот, предлагает позитивный и оптимистичный взгляд на развитие техники, с которой связывается будущее человеческой цивилизации, где дальнейшая эволюция человека представляется в форме несколько иных существ, видоизменив-

шихся протолюдей: биороботов, киборгов и т. п. Отмечается и актуальность формирования и развития нового знания о человеке в новом технизированном мире. К семинарскому занятию предлагается отрывок из труда В. А. Кутырёва «Философский образ нашего времени» [9].

Четвёртая тема «Экологический вектор философского осмысления бытия человека в технико-технологизированном мире» основана на определении мира человека преимущественно как технико-технологизированного мира, в условиях которого обостряется проблема утраты человеком самого себя, своего живого начала, человеческого в человеке под давлением технически нагруженных форм его существования, предполагающих повсеместную алгоритмизацию, схематизацию, стандартизацию, формализацию. Уникальность человека как родового существа ставится под сомнение и даже отрицание. В технизированных условиях бытия человека отмечается снижение его активного участия и вовлечённости в жизнедеятельность, ответственной субъектной позиции. В этой теме осуществляется набросок нового знания о человеке — экогуманистики, которое определяется как экология человеческого бытия, его сущностных характеристик и всех форм отношения с миром. На семинарском занятии разбирается и анализируется словарная статья М. Н. Эпштейна «Техногуманистика» [19].

В пятой теме «Экогуманистический подход и его основные принципы» обосновывается необходимость смены общей парадигмы мышления, жизни и деятельности современного человека, утверждение так называемой экологической парадигмы человеческого существования в целом. Говорится о ценности и значимости живого начала в человеке. Технико-технологизированный мир определяется как дом, экзистенциальное жизненное пространство человека и для человека, которое ориентировано на поддержание его как живого существа, а не бездушного кибернизированного организма. Формулируются и содержательно раскрываются основные принципы экогуманистического подхода, направленные на сохранение в активном воспроизводстве живого начала в человеке: принцип приоритета целостности по отношению к частям, оптимальности, координации, экосистемности. Семинарское занятие проводится с учётом самостоятельного внеаудиторного прочтения отрывка из текста Ж. Бодрийяра «Ксерокс и бесконечность» [2].

Шестая тема «Роль технического в сохранении и воспроизводстве живого начала в челове-

ке» логически продолжает обозначенный в предыдущих темах аспект, связанный с вопросом сохранения и активного воспроизводства живого начала в человеке в технико-технологизированном мире. Даются дефиниция и рабочее определение понятию живого начала в человеке как *непосредственного сцепления в единство всех природных и социокультурных свойств человека, всякий раз воспроизводящегося в уникальной форме*; обозначаются и содержательно раскрываются его основные атрибутивные характеристики: непосредственность, открытость миру, целостность, несводимость, универсальность. На семинаре анализируется заранее прочитанный студентами труд Н. А. Бердяева «Человек и машина» [1].

В заключительной седьмой теме «Экогуманистика как методология и новый вид гуманитарного знания» представлена новая стратегия экологизации бытия человека и его мира — экогуманистика. Главной задачей экогуманистики является сохранение в активном воспроизводстве человека как родового существа его живого начала, целостности и полноценности бытия в технико-технологизированном мире. Экогуманистика выступает не только как теоретическое знание, но и как совокупность практических способов жизнедеятельности человека — экокультурных практик.

В результате освоения курса предполагается достижение сформированности у студентов современных представлений о взаимоотношениях между человеком и технологизированным миром, культурой и природой, искусственным и естественным, живым и неживым. В рамках курса рассматривается экология человеческого бытия, особенно в контексте взаимодействия человека с техникой и технологиями. Особое внимание уделяется живому началу в человеке, проблеме его сохранения и активного воспроизводства, а также субъективным переживаниям в процессе существования в технизированном мире на уровнях общественного и индивидуального бытия. В условиях всеобщей технизации жизни и деятельности человека сохранение и активное воспроизводство его живого начала и непосредственного переживания становятся основными задачами.

Успешность освоения студентами материала курса демонстрируют результаты анкетирования: входного и заключительного.

Результаты анкетирования

Анкета состоит из 36 разноплановых вопросов. Предлагаются вопросы с вариантами отве-

тов на выбор анкетированного, вопросы-задания на указание ассоциаций, творческие вопросы по составлению дефиниций, вопросы в виде таблиц по выбору степени актуальности и значимости различных направлений экологии и др. В вводном и заключительном анкетировании приняло участие 15 человек в возрасте от 20 до 23 лет. На основе ответов анкетированных участников составлена картина уровня подготовленности для вхождения в дисциплину. Обработка полученных данных проводилась методами математико-статистического анализа, интерпретации и систематизации результатов анкетирования. На основе этого сформулированы общие выводы и заключение.

Гипотетически предполагалось, что картина по результатам входного анкетирования будет отражать высокую степень осведомленности студентов об экологии (экология сегодня стала своеобразным трендом), однако недостаточную степень информированности о специфике темы и основных положениях спецкурса, поскольку представленная область знания — экология бытия человека (экогуманистика) — находится пока на стадии своего формирования и вхождения в философско-научное поле. Актуальность поднимаемых в курсе вопросов предположительно не должна вызывать сомнения, их значимость будет отмечена анкетированными.

Анкетные вопросы составлены для определения осведомленности (входное анкетирование) и освоенности (заключительное анкетирование) основных аспектов, идей и положений курса: 1) вопросы, связанные с понятиями экологии и экологии бытия человека — об экологической культуре, грамотности, экологических компетенциях и основных направлениях экологии; 2) блок вопросов о технике, технологиях и технико-технологизированном мире, отношении антропологического и технического; 3) вопросы об экогуманистике и экогуманистическом подходе; 4) человек как живое существо, живое начало в человеке; 5) экокультурные практики.

Делая выводы по входному анкетированию, можно сказать, что по *первому аспекту* темы, представленному вопросами об экологии, показатели ответов у студентов, за исключением некоторых моментов, практически не отличаются.

В вопросе об ассоциациях к слову «экология» бакалавры-философы приводят весьма близкие ответы. Они связывают его с такими понятиями, как природа, окружающая среда, чистота, сохранение, забота — это вполне устойчивые и частот-

ные термины-маркеры, отражающие основные ориентации традиционной экологии.

В вопросе о наиболее подходящем определении современной экологии студенты остановили свой выбор на трёх из пяти представленных. Четыре студента выделили, что экология — это междисциплинарная область знания. Пять студентов остановили свой выбор на том, что экология — область научного знания, исследующая вопросы сохранения и сбережения природы и её ресурсов, человеческой уникальности, социокультурного многообразия в контексте заботы о будущем. Шесть человек выбрали самое широкое в смысловом плане определение экологии как дисциплины, основанной на некоторых теоретико-методологических принципах философии, находящихся в синергии с основными положениями теоретической и практической экологии. Таким образом, отмечается наличие у студентов представления о различиях между современной и традиционной (естественнонаучной) экологии.

Высокий уровень осведомлённости опрашиваемых обнаруживается при ответах на вопросы об экологической культуре, грамотности и экологических компетенциях. Большинство студентов связывают их с культурой сохранения и заботы человека об окружающей среде, ответственного и бережного к ней отношения, их гармоничного сосуществования. Из представленных основных актуальных направлений экологии (экология природы, экология социума, экология человека, экология культуры) по значимости и актуальности большинством аудитории приоритет отдаётся экологии природы, затем экологии культуры и экологии человека.

Принципиально не отличаются и показатели *второго аспекта* темы, связанного с понятиями техники и технического. Большинство опрашиваемых студентов определяют технику и технологии как средство, значительно упрощающее и облегчающее жизнь и деятельность человека, направленное на удовлетворение его основных потребностей. Техническое связывается практически всеми студентами с процессами алгоритмизации, стандартизации, схематизации и т. п. Наиболее приемлемым вариантом отношения к технике сегодня большинство анкетированных (13 человек) выбрало технический реализм, выступающий некой золотой серединой между технооптимизмом (1 человек) и технопессимизмом (1 человек). Эти ответы коррелируют и с ответами студентов на вопрос, связанный с характеристикой современного мира человека, который представляется

преимущественно как технико-технологизированный мир (позиция человекомерности отступает перед идеологией техноцентризма, процесс технизации затрагивает практически все сферы жизни и деятельности человека), однако пока ещё соразмерный человеку (развивается по логике заданной человеком, процесс технизации временный этап в развитии человеческой цивилизации).

Как и ожидалось, с *третьим, четвёртым и пятым* аспектами темы опрашиваемые не сталкивались, соответственно, не знакомы с такими терминами, как экогуманистика и экогуманистический подход, живое начало в человеке и экокультурные практики. Это ещё раз подтверждает их научную новизну. После прослушивания курса гипотетически картина должна измениться в противоположную сторону — по завершении студенты будут не только осведомлены о новом для них знании и методологическом подходе, но и содержательно освоят его, научатся применять на практике.

Что показало заключительное анкетирование? Можно отметить явное повышение степени осведомлённости об основных положениях спецкурса, что подтверждает высокий уровень освоенности преподаваемого материала, следовательно, оптимальный выбор форм, методов и методик проводимых занятий.

В вопросе об определении экогуманистики и экогуманистического подхода, *четвёртый аспект* темы, студенты предлагают определения не буквально дословные предлагаемым дефинициям во время обучения, но смыслово коррелирующие, что соответствует духу проводимого спецкурса. Обобщая, экогуманистика в студенческом варианте интерпретации выступает как междисциплинарное новое знание о человеке, базирующееся на философских основаниях и являющееся формой сохранения и воспроизводства человека и человеческого в нём в технизированном мире. Экогуманистический подход определяется студентами как поиск оптимальных путей взаимоотношения человека с его миром, их взаимосоразмерность, взаимозависимость и взаимообусловленность, но не противостояние и противоборство.

В ответах на анкетные вопросы обнаруживается содержательное соответствие и в понимании человека как живого существа, определении живого начала в человеке и выборе его основных характеристик — *пятый аспект* темы. Если человек как живое существо по итогам входного анкетирования понимался студентами

преимущественно в биологическом и физиологическом смыслах, то по результатам заключительного анкетирования к этим аспектам добавился ещё и онтологический смысл, связанный с такими экзистенциалами человеческого бытия как любовь, сострадание, творчество, спонтанность, иррациональность и др. Живое начало в человеке определяется бакалаврами-философами несколько иначе, нежели предлагаемое определение этого понятия в курсе, однако некоторые моменты отражены студентами точно, а именно, живое начало в человеке связывается опрашиваемыми с открытостью человека миру, непредзаданностью и творческой активностью, экзистенциальными переживаниями и способностью чувствовать. Большинство студентов обязательно включили бы в понимание о живом человеке и живом начале в нём такие характеристики, как целостность, несводимость, органичность, спонтанность, непосредственность. То есть все те характеристики, на которых и был сделан упор в процессе реализации курса.

В *шестом аспекте* темы в числе актуальных экокультурных практик по сохранению и активному воспроизводству живого начала в человеке анкетлируемыми выделяются в первую очередь образование, затем создание малых культурно-исторических заповедников и агломераций, занятия физической культурой, спортом и йогой, творческие формы ручного труда, волонтерство, различные формы саморазвития и т. п. Во всех этих практиках студенты отмечают возможность проявления человека как существа целостного, ответственного, нравственного, духовного, спо-

собного позаботиться об окружающем мире и самом себе, сохраняя и активно воспроизводя все способы своего человеческого отношения к миру.

Заключение

Для решения обозначенной проблемы и достижения поставленных задач спецкурса «Экология бытия человека» предлагается экогуманистический подход, предполагающий единство и непротиворечивость, сопряжённость антропологического и технического, природного и культурного, естественного и искусственного, живого и неживого. Поэтому отношение человека с его миром предлагается рассматривать как уникального рода экосистему, целостное образование, в котором различные и даже противоположные элементы находятся во взаимосвязанном и взаимозависимом сопряжении. Важным является сохранение востребованности друг в друге каждого элемента, человека как живого существа и мира вокруг него, так как их естественное отношение — это отношение взаимообусловленности и взаимопосредования. Отношение «человек — мир» понимается как целостная экосистема, комплекс взаимодействующих и усиливающих друг друга элементов, находящихся в закономерной связи, синергии, согласии и сотрудничестве. Поэтому ресурсно технический мир может и должен быть соразмерным человеку, ориентированным на него как родовое существо. При этом техника и технологии не должны становиться самоценными и самодостаточными, так как это категории человеческие.

Список источников

1. Бердяев Н. А. Человек и машина: (Проблема социологии и метафизики техники) // Путь. 1933. № 38. С. 3–38.
2. Бодрийяр Ж. Ксерокс и бесконечность // Прозрачность зла. С. 75–88. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bodr/przl_01.php (дата обращения: 25.08.2022).
3. Губин В. Д. Жизнь как метафора бытия. М. : РГГУ, 2003. 205 с.
4. Гуревич П. С. Философия культуры : учеб. пособие для студентов гуманитарных вузов. 2-е изд., доп. М. : Аспект-пресс, 1995. 286 с.
5. Дюков Е. В., Соломко Д. В. Философия трансгуманизма и её проявление в кинематографе // Homo holistic: человек целостный. «Homo digital»: цифровая грамотность и экология цифровой среды : сборник научных статей. Челябинск, 2023. С. 93–99.
6. Кравцова А. А., Коханович А. Ю., Соломко Д. В. Проблема целостности в философии Ф. Пэттига и Дж. Фодора // Homo holistic: человек целостный. «Homo digital»: цифровая грамотность и экология цифровой среды : сборник научных статей. Челябинск, 2023. С. 12–17.
7. Крыжановская В. С., Суюнбаева А. Т., Соломко Д. В. Актуальные экологические практики // Homo holistic: человек целостный. «Homo digital»: цифровая грамотность и экология цифровой среды : сборник научных статей. Челябинск, 2023. С. 73–80.

8. Кутырёв В. А. Сова Минервы вылетает в сумерки. СПб.: Алетейя, 2018. 526 с.
9. Кутырёв В. А. Философский образ нашего времени (безжизненное пространство постчеловечества). Смоленск, 2006. 301 с.
10. Лавелин В. Д., Терновский К. Д., Соломко Д. В. Проблема взаимоотношения естественного и искусственного, природного и культурного в философии // Homo holistic: человек целостный. «Homo digital»: цифровая грамотность и экология цифровой среды : сборник научных статей. Челябинск, 2023. С. 17–22.
11. Медведев М. А., Марченко И. А., Соломко Д. В. Человек в виртуальной реальности: на примере философских взглядов Д. Чалмерса // Homo holistic: человек целостный. «Homo digital»: цифровая грамотность и экология цифровой среды : сборник научных статей. Челябинск, 2023. С. 38–44.
12. Морозюк К. П., Гиляжетдинова А. Р., Соломко Д. В. Трансгуманизм как идейное течение XX–XXI вв. // Homo holistic: человек целостный. «Homo digital»: цифровая грамотность и экология цифровой среды : сборник научных статей. Челябинск, 2023. С. 54–59.
13. Москова А. Д., Токмакова П. В., Соломко Д. В. Идея «органического целого» в истории философии // Homo holistic: человек целостный. «Homo digital»: цифровая грамотность и экология цифровой среды : сборник научных статей. Челябинск, 2023. С. 7–12.
14. Хайдеггер М. Отрешённость. URL: <http://lib.ru/HEIDEGGER/gelassen.txt> (дата обращения: 25.08.2023).
15. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем., коммент. В. В. Библихина. М. : Республика, 1993. С. 221–238 (Мыслители XX в.). URL: <http://philosophy.ru/library/heideg/technic.html> (дата обращения: 25.08.2023).
16. Экология бытия человека : учебное пособие / отв. ред. Д. В. Соломко, Е. В. Гредновская. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2023. 150 с.
17. Экология человеческого бытия: информационно-вводный словарь / отв. ред. В. С. Невелева, Д. В. Соломко ; пер. Е. Г. Миляевой, Р. В. Пеннер, К. Е. Резвушкина. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2020. 364 с.
18. Экология человеческого бытия : словарь Ч. П. Медиаэкология / отв. ред. Д. В. Соломко, Е. П. Емченко ; пер. Е. Г. Миляевой, Р. В. Пеннер, К. Е. Резвушкина и др. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2022. 462 с.
19. Эпштейн М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 616 с.
20. Яковлев К. В., Шумаков А. Ю., Соломко Д. В. Человек и техника: проблема отношения и соотношения // Homo holistic: человек целостный. «Homo digital»: цифровая грамотность и экология цифровой среды : сборник научных статей. Челябинск, 2023. С. 23–30.

References

1. Berdyaev NA. Chelovek i mashina. (Problema sotsiologii i metafiziki tekhniki). [Man and machine. (The problem of sociology and metaphysics of technology)]. *Put'*. 1933;(38):3-38. (In Russ.).
2. Bodriyyar J. Kseroks i beskonechnost'. Prozrachnost' zla [Xerox and infinity. Transparency of evil]. 2000. Available at: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bodr/przl_01.php (accessed 28.08.2023). (In Russ.).
3. Gubin VD. Zhizn' kak metafora bytiya [Life as a metaphor for being]. Moscow, RGGU; 2003. 205 p. (In Russ.).
4. Gurevich PS. Filosofiya kul'tury. 2nd ed. [Philosophy of culture]. Moscow, Aspect press; 1995. 286 p. (In Russ.).
5. Dyukov YeV, Solomko DV. Filosofiya transgumanizma i eyo proyavlenie v kinematografe. In: Homo holistic: chelovek tselostnyy. “Homo digital”: tsifrovaya gramotnost' i ekologiya tsifrovoy sredy. Chelyabinsk; 2023. Pp. 93–99. (In Russ.).
6. Kravtsova AA, Kohanovich AYu, Solomko DV. Problema celostnosti v filosofii F. Petitta i Dzh. Fodora. In: Homo holistic: chelovek tselostnyy. “Homo digital”: tsifrovaya gramotnost' i ekologiya tsifrovoy sredy. Chelyabinsk; 2023.12–15. (In Russ.).
7. Kryzhanovskaya VS, Suyunbaeva AT, Solomko DV. Aktual'nye ekologicheskie praktiki. In: Homo holistic: chelovek tselostnyy. “Homo digital”: tsifrovaya gramotnost' i ekologiya tsifrovoy sredy. Chelyabinsk; 2023. 73–80. (In Russ.).

8. Kutyryov VA. Sova Minervy vyletayet v sumerki [Owl of Minerva takes off at dusk]. St. Petersburg, Aleteyya; 2018. 526 p. (In Russ.).
9. Kutyryov VA. Filosofskiy obraz nashego vremeni (bezzhiznennoye prostranstvo postchelovechestva) [Philosophical image of our time (lifeless space of post-humanity)]. Smolensk; 2006. 301 p. (In Russ.).
10. Lavelin VD, Ternovskiy KD, Solomko DV. Problema vzaimootnosheniya estestvennogo i iskusstvennogo, prirodnogo i kul'turnogo v filosofii. In: Homo holistic: chelovek tselostnyy. «Homo digital»: tsifrovaya gramotnost' i ekologiya tsifrovoy sredy. Chelyabinsk; 2023. 17–22 (In Russ.).
11. Medvedev MA, Marchenko IA, Solomko DV. Chelovek v virtual'noj real'nosti: na primere filosofskih vzglyadov D. Chalmersa. In: Homo holistic: chelovek tselostnyy. «Homo digital»: tsifrovaya gramotnost' i ekologiya tsifrovoy sredy. Chelyabinsk; 2023. 38–44 (In Russ.).
12. Morozuyk KP, Gilyazhetdinova AR, Solomko DV. Transgumanizm kak idejnoe techenie XX–XXI vekov. In: Homo holistic: chelovek tselostnyy. «Homo digital»: tsifrovaya gramotnost' i ekologiya tsifrovoy sredy. Chelyabinsk; 2023. 54–59 (In Russ.).
13. Moskova AD, Tokmakova PV, Solomko DV. Ideya «organicheskogo celogo» v istorii filosofii. In: Homo holistic: chelovek tselostnyy. «Homo digital»: tsifrovaya gramotnost' i ekologiya tsifrovoy sredy. Chelyabinsk; 2023. 7–12 (In Russ.).
14. Khaydegger M. Otrshennost' [Detachment]. 1991. Available at: <http://lib.ru/HEIDEGGER/gelassen.txt> (accessed 28.08.2023) (In Russ.).
15. Khaydegger M. Bytiye i vremya [Being and time]. Kharkov, Folio Publ.; 2003. 503 p. (In Russ.).
16. Ekologiya bytiya cheloveka: uchebnoye posobiye. Chelyabinsk; 2023. 150 p. (In Russ.).
17. Ekologiya chelovecheskogo bytiya: informatsionno-vvodnyy slovar'. Chelyabinsk; 2020. 364 p. (In Russ.).
18. Ekologiya chelovecheskogo bytiya: slovar'. Part II. Mediaekologiya. Chelyabinsk; 2022. 462 p. (In Russ.).
19. Epshteyn MN. Proyektivnyy slovar' gumanitarnykh nauk [Projective Dictionary of the Humanities]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye; 2017. 949 p. (In Russ.).
20. Yakovlev KV, Shumakov AYu, Solomko DV. Chelovek i tekhnika: problema otnosheniya i sootnosheniya. In: Homo holistic: chelovek tselostnyy. «Homo digital»: tsifrovaya gramotnost' i ekologiya tsifrovoy sredy. Chelyabinsk; 2023. 23–30 (In Russ.).

Информация об авторе

Д. В. Соломко — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Челябинского государственного университета, доцент кафедры философии Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет).

Information about the author

D. V. Solomko — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy in Chelyabinsk State University, Associate Professor of the Department of Philosophy in South Ural State University (National Research University).

Статья поступила в редакцию 28.08.2023; одобрена после рецензирования 01.09.2023; принята к публикации 05.09.2023.

The article was submitted 28.08.2023; approved after reviewing 01.09.2023; accepted for publication 05.09.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.